

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Уральский федеральный университет имени
первого Президента России Б. Н. Ельцина»

На правах рукописи

Горобец Леонид Александрович

**СВОЕОБРАЗИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУР РОССИИ
И КИТАЯ В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ РЕГИОНЕ**

Специальность 24.00.01 – теория и история культуры

Диссертация на соискание ученой степени кандидата культурологии

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор

Медведев Александр Васильевич

Екатеринбург 2014

Оглавление

Введение.....	3
Глава I. Дальневосточная региональная культура: проблема своеобразия и методология исследования взаимодействия культур	
§ 1. Факторы своеобразия дальневосточной региональной культуры.....	14
§ 2. Проблема культурной совместимости (на примере взаимодействия терапевтической практики России и Китая).....	31
Глава II. Сферы культурного взаимодействия в Дальневосточном регионе	
§ 1. Взаимодействие культур России и Китая в художественной сфере.....	59
§ 2. Гуманитарное сотрудничество в дальневосточной региональной культуре: современность и перспективы.....	78
Заключение.....	115
Список литературы.....	118

Введение

Актуальность темы исследования

Современная эпоха характеризуется процессом глобализации, который приобретает всеобъемлющий характер. Его экспансия осуществляется во всех сферах общественной жизни, в том числе и культурной. Одновременно с этим заметна противоположная тенденция – регионализация, которая связана со стремлением сохранить и развить уникальность отдельных регионов. Глобализация и регионализация – взаимообусловленные процессы, их диалектическое противодействие актуализирует новые проблемы. Острота их не в том, чтобы признав факт глобализации, принять ее волю и власть, отказавшись от собственной идентичности или, наоборот, согласившись с необходимостью и правомерностью сохранения собственной самобытности, всеми силами противодействовать ей. Она в том, чтобы, увидев неизбежность этих двух тенденций, осознать проблему эффективности взаимодействия между отдельными странами и культурами, их способность и готовность к адекватному реагированию на исторический вызов времени. В связи с этим необходимо осмыслить факторы, способствующие или препятствующие плодотворному взаимодействию. Эти проблемы актуализируются не только в сфере взаимодействия разных национальных культур, но и в плоскости исследования взаимодействия между различными регионами единой национальной культуры.

Экономические и политические аспекты обозначенных тенденций привлекали и привлекают наибольшее внимание исследователей различных областей науки. В силу чего они получили наиболее полное освещение. Акцент именно на эти аспекты правомерен, так как за ними стоят жизненно важные интересы отдельных субъектов международной политической деятельности. В то же время культурологический анализ этих явлений до настоящего времени находится на периферии научного дискурса, а концепция региональной культуры как целостного социокультурного исторического феномена продолжает оставаться актуальной.

Современные проблемы глобализации, кризисные явления, сопровождающие её процессы, стремительные изменения социального космоса, усложнение отношений между мировыми субъектами, определяют необходимость согласования национальных интересов наших стран и развития эффективного сотрудничества. Не только в научном сообществе, но и среди известных политических деятелей региона, осуществляющих реальную практику культурных контактов, утвердилось мнение о том, что успех интеграционных процессов «не в последнюю очередь определяется культурно-цивилизационной совместимостью партнеров» [81, с. 55-56].

Россия имеет значительный позитивный опыт собственного регионализма в рамках единого государства. На протяжении всей истории в ее состав вливались крупные регионы, населенные народами, имеющими разные культуры, религии, уровни общественного развития и бытовые уклады. Опыт существования единого государства и формирования общего культурного пространства может быть использован при взаимодействии с соседними странами и регионами. При этом, именно на региональном уровне вырабатываются наиболее оптимальные модели взаимодействия и формы сотрудничества, которые впоследствии могут быть успешно перенесены в более широкий формат.

Россия, в силу своего пространственного положения, соседствует с разными культурными мирами Запада и Востока. Судьбоносной для русской культуры была встреча с Западом, откуда приходили и основные угрозы самому существованию нации, и передовые достижения цивилизации. Это обусловило формирование в отечественной науке серьезной традиции исследования взаимодействия русской культуры с культурами западноевропейского мира. Изучение взаимодействия русской и китайской культуры только складывается, несмотря на то, что в России сформирована мощная школа китаеведения. В рамках современного китаеведения проводится изучение отдельных сторон китайской культуры с привлечением специалистов разных областей науки - историков, религиоведов, искусств-

воведов и др. Однако, несмотря на накопленный массив знаний, вопросы взаимодействия целостных культур ждут своего разрешения.

Отношения с Китайской Народной Республикой (КНР) занимают важное место в структуре приоритетов внешней политики Российской Федерации. Протяженная совместная граница в течение трех последних столетий является зоной разносторонних контактов, история которых менялась в широком диапазоне: от острого противостояния, до тесного сотрудничества и взаимопомощи. Процесс взаимопроникновения культур наиболее активен именно на стыке границ. Вместе с тем, исследователи отмечают, что пока богатейший культурный потенциал наших стран в малой степени задействован при двустороннем взаимодействии [105, с. 79].

Надежной основой плодотворного сотрудничества является выработка общего языка и инициация конструктивных форм культурного взаимодействия. Созданию прочной основы этому служит научное исследование культурной регионализации. Обнаружение характерных черт поведения участников взаимодействия и изучение основных тенденций развития двусторонних отношений в гуманитарной сфере позволят прогнозировать их дальнейшее развитие и осуществлять взвешенную культурную политику по отношению к нашему дальневосточному соседу. Все обозначенное и актуализирует необходимость исследования взаимодействия культур России и Китая в региональном аспекте.

Степень научной разработанности проблемы

В процессе данного исследования в первую очередь были привлечены труды философов и культурологов, посвященные проблемам культурного взаимодействия, культурной коммуникации и диалога культур. Это исследования М. М. Бахтина, В. С. Библера, М. Бубера, В. Н. Топорова, С. Г. Тер-Минасовой, Р. Сколлона, С. Г. Ларченко, М. С. Кагана, Ю. М. Лотмана, А. В. Иванова, Е. А. Воробьева.

Ценными для настоящего исследования явились труды, посвященные проблемам аккультурации, понимаемой как процесс изменения культур, как при длительных, так и кратких контактах. Р. Редфилд, Р. Миньон, М. Херсковиц выделяют такие фазы аккультурации, как принятие, адаптация, отторжение элементов «иной» культуры. Представители психологической антропологии А. Халлоуэлл, Дж. Спиндлер, Э. Уоллис подчеркивали такие превращения как изменения ценностных ориентаций, ролевого поведения, социальных установок. Исследователями были выявлены факторы, влияющие на процесс аккультурации – размеры групп, установки по отношению друг другу, степень совместимости.

Вопросами образования и становления государственных границ занимались Ф. Бродель, Б. Клименко, О. Оппенгейм, К. Хаусхофер, Д. Холл, и др. В них были выработаны базовые концепции границы, механизмы их формирования, отмечена их социокультурная значимость. Проблема культурной маргинальности раскрыта в работах Р. Парка и Э. Стоунквиста, позволяющих применить понятие маргинального пространства к исследованию трансграничных межкультурных процессов.

Регион как объект изучения входит в сферу внимания многих дисциплин. Возможности регионалистики рассматриваются на материалах работ В. И. Ишаева, В. В. Алексеева, А. А. Сергунина. В диссертации использованы теоретико-методологические подходы, предложенные И. Я. Мурзиной при анализе региональной культуры Урала, исследовательские работы А. Ю. Тихоновой по региональной культуре Среднего Поволжья, Г. М. Казаковой, посвященные анализу особенностей культуры Южного Урала. Необходимость анализа ценностей различных групп людей, составляющих население того или иного региона, учет традиций и культурного наследия региона подчеркивает в своих работах В. Каганский. Структурные элементы, составляющие содержание культуры региона выделяет В. С. Цукерман. Вопросы имиджа региона рассматриваются А. А. Добряковой. Проблемам выработки культурной политики, ориентированной на развитие социокультурной сферы в регионе, посвящены работы А. П. Гольшева, а раз-

работки региональных программ социально-культурного развития - С. Б. Брижатовой.

Особый интерес для нашего исследования имели работы, посвященные проблемам истории и культуры Дальнего Востока А. А. Пылковой, Ю. М. Галеновича, В. Г. Гельбраса, В. Н. Усова, В. Л. Ларина, К. В. Татценко. Различные аспекты гуманитарного сотрудничества содержатся в многочисленных, но разрозненных статьях специалистов дальневосточного региона: В. Г. Макаренко, О. Г. Степановой, И. В. Филаткиной, В. А. Чернова, Г. А. Базарной, В. П. Балова, А. П. Кошкина и др.

Различные стороны культуры повседневности рассматриваются как зарубежными, так и отечественными исследователями: А. Шюц, П. Бергер, Л. Лукман, Ю. Лотман, В. Лелеко, И. Касавина. Особенности культуры повседневности современного Китая посвящено исследование М. В. Сүй.

Проблема взаимодействия русской и китайской культуры на примере художественного творчества русской эмиграции Харбина рассматривается в работах А. А. Забияки, Г. П. Аникиной, И. Ю. Воробьевой.

Для анализа специфических черт китайской культуры большое значение имеют работы представителей отечественной школы китаеведения А. И. Кобзева, В. В. Малявина, Л. С. Васильева, И. Г. Баранова, Е. А. Торчинова, А. Е. Лукьянова, К. М. Тертицкого, М. Е. Кравцовой. Образ Китая в России и вопросы политической культуры рассмотрены в работе А. В. Лукина, а языковая ситуация в регионе изучалась Е. А. Оглезневой, Е. С. Кирилловой, С. В. Пилипчук, Ж. В. Веклич., Г. А. Макариной, В. Г. Григоренко, Е. Ю. Римлянд. Вопросы, связанные с особенностями китайской традиционной медицины отражены в специальных изданиях Чжу Ляня, Д. М. Табеевой, Гаваа Лувсана, Д. А. Дубровина, А. М. Овечкина.

Несмотря на достаточно большое количество работ, посвященных особенностям русской и китайской культур, остаются мало исследованными как своеобраз-

разие дальневосточного региона, так и сам процесс взаимодействия русской культуры региона с китайской. Не проработан вопрос о формах и пределах заимствования в процессе взаимодействия, что делает концептуализацию проблемы культурной совместимости актуальной.

Объектом исследования работы является процесс взаимодействия русской и китайской культур.

Предметом исследования является своеобразие взаимодействия русской и китайской культур в Дальневосточном регионе.

Хронологические рамки диссертации охватывают период с середины 80-х гг. XX в. по настоящее время. Выбор начальной границы исследования обусловлен кардинальными изменениями, произошедшими в двусторонних отношениях между Россией и Китайской Народной Республикой, которые позволили определить середину 80-х годов прошлого столетия началом их современного этапа.

Целью диссертационного исследования является анализ своеобразия процесса взаимодействия культур России и Китая в Дальневосточном регионе на рубеже XX-XXI веков, его условий, форм, характерных особенностей и перспектив.

Реализация этой цели определила постановку следующих **задач**:

- 1) выявить объективные факторы, обусловившие специфику русской культуры в Дальневосточном регионе;
- 2) рассмотреть роль государственной границы в процессе формирования особенностей Дальневосточной региональной культуры;
- 3) проанализировать культурную совместимость как необходимое условие плодотворного взаимодействия культур в регионе, определяющей формы и масштабы заимствований;
- 4) выявить общность и своеобразие типологических черт русской и китайской культур в контексте проблемы культурной совместимости на примере включения традиционной китайской медицины в отечественную терапевтическую практику;

- 5) рассмотреть практику взаимодействия русской и китайской культур в гуманитарной сфере на рубеже XX-XXI веков;
- 6) охарактеризовать основные формы взаимного влияния в художественной сфере региона.

Теоретико-методологической основой диссертации являются принципы историзма и научной объективности. Комплексный характер основывался на междисциплинарной методологии, включающей в себя подходы, сложившиеся в рамках культурологии, истории, социологии, этнопсихологии и философии. Наиболее значимыми для исследования стали следующие подходы и методы:

- метод сравнительно-исторический позволил обозначить специфику социокультурного освоения дальневосточного региона;
- системный подход позволил рассмотреть региональную культуру как целостную систему и проанализировать ряд составляющих её элементов;
- типологический метод был использован для классификации типов культурного взаимодействия;
- семиотический метод использовался для анализа функционирования государственной границы в знаковом пространстве региональной культуры,
- сравнительно-культурологический подход дал возможность выявить специфику и общие черты в культуре России и Китая.

В ходе работы были проведены полевые исследования, во время которых был собран материал для определения влияния китайской повседневной культуры на культуру повседневности Дальневосточного региона России, а также опыт использования средств и услуг китайской традиционной медицины в приграничных городах РФ и КНР: Благовещенске, Хабаровске, Владивостоке, Комсомольске-на-Амуре, Харбине, Хэйхэ, Айхое.

Научная новизна данной работы заключается в целостном исследовании взаимодействия сложных культурных систем, принадлежащих к двум развитым цивилизациям – России и Китая, на региональном уровне.

* Выявлены и рассмотрены основные объективные факторы, обусловившие своеобразие культуры в Дальневосточном регионе;

* Исследована роль государственной границы как фактора, определившего своеобразие культуры приграничья и сложившиеся формы культурных контактов;

* Проведен анализ проблемы культурной совместимости, как основы эффективности взаимодействия культур России и Китая, для решения которой впервые был привлечен обширный материал, накопленный медицинской традицией обеих стран;

* Проведен анализ общности и своеобразия типологических черт в контексте проблемы культурной совместимости на примере включения элементов традиционной китайской медицины в отечественную медицинскую практику;

* Введено понятие «культурного экотона», как своеобразной черты культурного взаимодействия в пространстве приграничья. Культурный экотон заключается в том, что культурная среда приграничных регионов отличается большим разнообразием культурных явлений от обеих разграничиваемых систем. Это разнообразие создает условия обогащения региональной культуры новыми формами, возникающими от взаимодействия традиций, принадлежащих к разным культурным системам.

* Определены и рассмотрены основные формы (совместные программы в системе образования, научное сотрудничество, организация совместных выставок, фестивалей и т.п.) взаимодействия русской и китайской культур в гуманитарной и художественной областях, их внутренняя динамика и связь с адаптационными процессами, прослеживаемыми в регионе.

Научно-практическая значимость

Материалы диссертации могут быть использованы при подготовке комплексных работ по региональной культуре. Теоретическая значимость работы определяется рядом положений, имеющих эвристическое значение для дальнейшего развития теории культуры. На основе собранных данных могут быть разработаны спецкурсы для студентов культурологических, исторических и регионоведческих специальностей высших учебных заведений.

Выводы проведенного исследования могут быть учтены органами государственной власти и руководством учреждений культуры при формировании культурной политики Дальневосточного региона, планировании и реализации сотрудничества с КНР в гуманитарной сфере.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Доминирующими факторами, определившими специфику русской культуры в Дальневосточном регионе, являются: а) совпадение культурной и государственной границы, придающее пограничный характер региональной культуре; б) удаленность Дальневосточного региона от центра «материнской культуры», придавшая культуре региона «маргинальные» черты; в) исторический процесс освоения дальневосточных территорий, в результате которого происходило взаимодействие с автохтонным населением региона и их культурой.

2. Совпадение границ - государственной, культурной, национальной - стало основой формирования специфического – «эктонного» эффекта в региональной культуре, заключающегося в том, что культурная среда приграничных регионов отличается от обеих разграничиваемых систем большим разнообразием. Приграничье является своеобразным полигоном, на котором возникают «культурные эмердженты», наиболее эффективные из которых входят в плоть целостной национальной культуры.

3. Формы и масштабы заимствования элементов иной культуры обуславливаются культурной совместимостью – показателем возможности гармоничного взаимодействия культур, эффективного освоения и интеграции ими инородных элементов.

4. Эффективность культурных контактов в различных сферах обуславливается уровнем культурной компетенции субъектов деятельности (объем культурно-специфического знания, умения и навыки практического общения, межкультурная восприимчивость). Культурная компетенция позволяет расширить пределы культурной совместимости. В работе это положение проанализировано на материалах заимствования русской медициной элементов китайской терапевтической

традиции. Во многом именно недостаточная культурная компетентность приводит к формальному использованию приемов китайской традиционной медицины в России, что является причиной меньшей эффективности названных элементов в национальной медицинской традиции.

5. Активно процесс взаимодействия культур в регионе осуществляется в гуманитарной и художественной областях. Следствием этих контактов является расширение предметного поля искусства, - в отечественное искусство вводятся новые темы, сюжеты, герои. Идет активный процесс освоения отечественными авторами приемов, стилистических особенностей иной художественной традиции. Благодаря созданию образа «другого» средствами искусства расширяются возможности взаимопонимания, что способствует расширению и эффективности культурного диалога.

6. Наиболее восприимчивой к включению элементов «другого» в собственную культуру в настоящее время в дальневосточном регионе стала культура повседневности, несмотря на то, что она наиболее консервативна по отношению к «чужому». Это проявляется в формировании дальневосточного регионолекта русского языка и активного включения элементов китайской бытовой культуры в повседневную жизнь дальневосточников.

Апробация результатов исследования:

Основные положения и выводы исследования прошли апробацию на научных, научно-теоретических и научно-практических конференциях: «День науки АмГУ» (Благовещенск, 1997); «Китай и Россия: этапы культурного сотрудничества» (Екатеринбург, 2009); «IV Лойфмановские чтения» (Екатеринбург, 2010); «Китай: история и современность» (Екатеринбург, 2010); «Мировоззренческие основания культуры современной России» (Магнитогорск, 2011); «Свобода совести и культура духовности» (Пермь, 2011), Проблемы российского самосознания. Религиозные, нравственные и правовые аспекты культуры (Москва-Пермь, 2012); «Россия и Восток: культурные связи в прошлом и настоящем» (Екатеринбург, 2014).

Материалы работы обсуждались на кафедре культурологии и социально-культурной деятельности Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

Структура и объем работы:

Диссертация состоит из введения, двух глав, включающих четыре параграфа, заключения и библиографического списка.

Глава I. Дальневосточная региональная культура: проблема своеобразия и методология исследования взаимодействия культур

§ 1. Факторы своеобразия дальневосточной региональной культуры

Исследование региональной культуры необходимо предварить рассмотрением самого понятия региона. В истории осмысления термина «регион» можно выделить несколько этапов, свидетельствующих о расширении его смыслового пространства.

На первых порах под регионом понималась структурно-административная единица. Еще в 80-х годах известный уральский социолог Л. Н. Коган отмечал, что в широком смысле регионом называют любую самостоятельную в хозяйственно-экономическом и административном отношении территорию, начиная от сельского района и кончая крупными народнохозяйственными территориальными комплексами. В подобной трактовке, когда регион рассматривается только как крупная административно-территориальная единица в рамках отдельно взятого государства, объединенная общими экономико-географическими и административно-территориальными особенностями, можно усмотреть диктат советской мировоззренческой парадигмы с доминированием внимания на материальную сторону общественного бытия. Но аналогичный подход не потерял своих сторонников и после того, как советская философия утратила свое абсолютное положение. Так, Р. Ф. Туровский подчеркивает, что «регион – производная от государства... Под регионом часто понимают крупные наднациональные образования... Но еще чаще в качестве регионов рассматривают территории в пределах отдельно взятого государства» [195, с.46]. Трудно понять, что представляет собою «наднациональное образование», но в целом основная идея автора ясна: регион – это единица хозяйственной и административной структуры, для осмысления которой оказывается неважным все то, что лежит за пределами экономического и политического бытия.

Несмотря на то, что такое понимание региона ограничено экономическим и государственным критериями, все же подчеркивается такая черта региона, как его самостоятельность, определенная суверенность. Важно и то, что в таком подходе обращается внимание на комплекс объективных устойчивых факторов, детерминирующих своеобразие региона. Регион предстает структурной единицей целого, сохраняя с которым генетическую связь, он в тоже время выявляет свою уникальность, а последнее заставляет исследователей ввести понятие границы. «Всякая культура начинается с разбиения мира на внутреннее («свое») пространство и внешнее («их»)),» - подчеркивал Ю. Лотман [118, с. 257].

Подобное толкование региона резонно и справедливо, однако параллельно существовала иная позиция, мощная традиция отечественных исследований в области краеведения, этнографии, фольклористики. В этих исследованиях немалое внимание уделялось сбору, описанию и анализу исторических и культурных ценностей, характерных для конкретного региона. Огромный массив эмпирического материала потребовал введения в научный оборот новых понятий, которые были призваны подчеркнуть именно культурное своеобразие того или иного региона. Стали привычными понятия, смысл которых фиксировал понимание региона не только как структурной единицы экономического или политико-административного свойства, а как уникальности духовной деятельности. Наиболее популярными и общеупотребительными стали следующие понятия: «культурное гнездо» (Н. П. Анциферов, И. М. Гревс, Н. К. Пиксанов и др.), «культурное наследие» (А. И. Арнольдов, Э. А. Баллер, Н. И. Воронина, С. Н. Иконникова и др.), «культурная среда» (Г. Н. Баженова, О. Н. Андреева, Л. В. Кошман и др.), «провинциальная культура» (В. Ф. Афиани, Н. И. Воронина, Т. Н. Кандаурова) и др. История «рождения» этих и подобных понятий, их содержательная определенность, объем содержания – интересная тема исследования, но в данном случае уместно отметить только то, что само многообразие терминологии есть красноречивое свидетельство интереса исследователей региона не только с позиции экономической и политической, но и культурной составляющей. Также, следует от-

метить, что разнообразие понятий свидетельствует и о многоликостью, сложной реальности региона. Понимание этого требовало учитывать целостность региональной жизни. Накопленный отдельными науками материал способствовал формированию особого направления в области исторической науки – регионоведения, в рамках которого анализ культуры региона как своеобразной целостности стал неизбежен и закономерен.

Можно, в определенной мере, констатировать, что развитие теоретической мысли потребовало введения понятия, которое смогло бы выразить уже накопленный в различных областях знания богатый эмпирический материал. Этого же требовала и новая дисциплина, властно заявляющая о своей суверенности с середины XX века – культурология, одной из насущных потребностей которой была и выработка собственного понятийного аппарата. В связи с этим в научный оборот вошли понятия «пространство и время культуры», «социокультурная динамика» и ряд других, в том числе «культура региона» и «региональная культура». Пусть сегодня еще продолжаются оживленные споры и научные дискуссии о статусе культурологии в системе гуманитарного знания, пусть культурологическая общественность продолжает высказывать аргументы *pro et contra* по поводу суверенности, нам представляется, что рождение термина «региональная культура» явилось результатом расширения проблемного поля культурологической мысли, стало закономерным результатом развития научного знания.

Первоначальной задачей в связи с этим стала задача определения феномена региональной культуры. На сегодняшний день существует несколько попыток дефиниции региональной культуры. Так, например, А. Ю. Тихонова определяет региональную культуру как самобытный социокультурный феномен, имеющий свое географическое пространство и реализующий потребность члена регионального сообщества в его самоидентификации. При этом исследователь подчеркивает его специфическую целостность, интегрирующую субстанциональные характеристики: антропологическое, материальное, социальное, культурное бытие, этническое своеобразие, региональную культурную идентичность [189, с.11].

Несколько моментов в данном определении следует отметить. Если под термином «феномен» понимать указание на своеобразие, уникальность, то из этого следует, что каждый регион, как единица целого, обладает свойствами, которые его отличают от других элементов этого целого, при этом своеобразие касается всех сторон бытия, от «низших» этажей культуры – культуры повседневности, до высших ее форм. Это – во-первых. Во-вторых, важно указание на духовную, в широком смысле слова, черту региональной культуры, а именно – потребность в самоидентификации, то есть в чувстве принадлежности к данному сообществу. Наконец, в-третьих, то, что своеобразие коренится и в особенностях естественного (географического) пространства.

Другой исследователь, И. Я. Мурзина, под региональной культурой понимает единую социокультурную систему, задающую параметры образа жизни устойчиво воспроизводящегося коллектива – регионального сообщества. При этом подчеркивается, что отмеченное единство в немалой степени обусловлено сходством ментальных установок входящих в него людей [139, с. 88]. Здесь важно указание на то, что региональная культура есть именно система, органическая целостность. Термин «ментальность», нам представляется чрезвычайно важным при характеристике региональной культуры, он позволяет понять объективность и определенность таких характеристик, как: москвич, сибиряк, уралец, дальневосточник и т.п. Обращение к этому свойству региональной культуры позволило исследователю прийти к важному выводу, что в региональной культуре базовые свойства общенациональной или «материнской» культуры преломляются в призме местных традиций, приобретая самобытный характер. Правда, при этом остается не до конца ясным, что собственно формирует и как формируется ментальность региональной культуры. Этот аспект региональной культуры подчеркивает Г. А. Аванесова, обращая внимание на сам процесс регионализации культуры в регионе.

Отмеченные характерные черты региональной культуры позволяют, во-первых, различать понятия «региональная культура» и «культура региона». По-

следняя характеризует реальную полноту культуры как простой совокупности всех ее явлений, локализованных на данной территории и образующих его культурный ландшафт, первое же понятие выражает сущность своеобразия региональной культуры. Во-вторых, такой подход требует поставить вопрос о факторах, обуславливающих уникальность региональной культуры, что важно для осмысления своеобразия и дальневосточного региона.

Следует выделить следующие группы факторов, обуславливающих региональную специфику: пространственно-географические, исторические, этнопсихологические, а также внутренние особенности культур, с которыми вступает во взаимодействие национальная культура. Рассмотрим влияние этих факторов применительно к Дальнему Востоку, который, являясь неотъемлемой частью культуры России, представляет собой уникальное явление, обладающее собственным культурным ландшафтом, историей формирования и закономерностями развития.

Одним из определяющих факторов, обусловивших специфику региональной культуры Дальнего Востока, стала протяженная государственная граница между Россией и Китаем. Дальневосточный регион, самый большой в Российской Федерации, занимает площадь 6215,9 тыс. кв. км, или 36,4% её территории. Его население, по данным переписи 2002 г., составляло 6,7 млн. человек. Протяженность совместной границы, по состоянию на 1998 г. составляла 4204 км. и 55 км. участок между стыками границ Монголии и Казахстана в Республике Алтай [110, с. 177]. Большая её часть приходится на Дальний Восток - 17 пунктов пропуска из 23, в том числе 2 железнодорожных и 9 речных через р. Амур, расположено на его территории. [185, с. 15]. После возвращения под юрисдикцию КНР бывших колоний Макао и Гонконга Россия осталась единственным государством христианской цивилизации, территориально присутствующим на восточном побережье Тихого океана, где находится 330 морских портов и портпунктов России. Даже поверхностный взгляд на карту бассейна реки Амур наталкивает на мысль об условности человеческих границ и естественном единстве сопредельных территорий.

Особенность ситуации заключается в том, что предметно-территориальные образования совпадают на Дальнем Востоке с государственной границей. Понятие границы многозначно, оно употребляется и в естественно-географическом смысле, и в государственно-политическом, а в последнее время данное понятие все чаще используется и культурологами. История философии свидетельствует о серьезной традиции осмысления сущности границы. Исходным онтологическим основанием формирования понятия границы служит целостность единого мира (бытия), который столь же онтологически разнообразен: мир – это единство многообразного. Многообразие возникает, как утверждал Ф. Шеллинг, благодаря границам. Граница есть начало и конец всякого определенного бытия, его альфа и омега. Если нечто есть, то его качественная определенность задается границей. Очевидна двойственная роль границы: она амбивалентна - с одной стороны разделяет два качества, с другой обеспечивает их взаимодействие, т.е. граница выступает как фактором изолирующее-охранительным, так и коммуникативно-интегрирующим, она является полем встречи культур, местом их активного взаимодействия.

Обеспечивая связь с иным, граница способствует «экотонному» («oikos» – дом, «tonus» – напряжение) эффекту. Экотон – пограничная полоса между двумя различными объектами, отличающаяся по своему строению и составу от обеих разграничиваемых систем. Совпадение государственно-географической границы с культурной позволяет определить региональную культуру Дальнего Востока как культуру пограничья. Специфической и важной чертой, придающей своеобразие региону, и является «культурный экотон». Именно экотонное пространство порождает эффект эмерджентности, появлению неожиданных новообразований. В силу чего, культурные процессы в пограничной с Китаем зоне можно охарактеризовать тем, что культурная среда приграничных регионов отличается большим разнообразием от обеих разграничиваемых систем. Это разнообразие создает условия обогащения региональной культуры новыми формами, возникающими от

взаимодействия традиций, принадлежащих к разным культурно-цивилизационным системам.

Другим аспектом пространственного фактора, обусловившим специфику дальневосточного региона, является значительная удаленность региона приграничья от центров, в которых происходило формирование собственно русской и китайской – «материнских» культур. В приграничном пространстве сказывается известная асимметрия, между более организованным центром и обладающей значительным ресурсом неопределенности периферией. Эта пространственная удаленность придает региону новые черты. Диалектика заключена в том, что с одной стороны пограничная культура имеет наиболее маргинальный характер, с другой – контакт с внешним субъектом актуализирует механизмы собственной идентичности, способствуя формированию устойчивых психологических и культурных связей с центром. Особенностью Дальневосточного региона является переплетение центростремительных и центробежных тенденций, что обусловлено, во-первых, существенной зависимостью от центра. В силу объективных социальных и политических причин Дальний Восток России так и не стал самодостаточным регионом. А во-вторых, близостью таких крупных государств, обладающих значительным потенциалом развития, как Китай, Япония, Южная Корея.

Несмотря на развитие инфраструктуры и наличие современных средств связи, удаленность региона продолжает оказывать существенное влияние на его культурное развитие и международные отношения. К примеру, дорога из г. Благовещенска Амурской области в столицу КНР г. Пекин железнодорожным транспортом составляет около 2-х суток, а в Москву – более 6. С учетом сложной экономической ситуации посещение и работа в культурных центрах Китая для дальневосточников более доступна, чем выезд в европейскую часть России. В настоящий момент далеко не каждый работник бюджетной сферы имеет возможность показать своему ребенку столицу нашей Родины, чего не скажешь о столице сопредельного государства. Согласно социологическим исследованиям только $\frac{1}{4}$ жителей региона считает необходимым первоочередное развитие связей с евро-

пейской Россией, вдвое больше - с Японией и Китаем [113, с. 58]. Член союза художников России В. И. Демченко в предисловии к альбому «Художники Приамурья», подчеркивая удаленность Амурской области от культурных центров страны и активизацию российско-китайских культурных связей, справедливо отмечает, что это «создает основу для формирования нового облика отечественного искусства в его дальневосточном регионе» [61, с. 6].

Удаленность от центра «материнской» культуры создает объективное основание для маргинализации культуры региона. На рубеже конца XX и начала XXI веков этот процесс приобрел весьма ощутимый характер. Значение дальневосточных территорий как военно-политического и стратегического рубежа России оказало влияние на формирование особенностей психологии дальневосточника. Исследования Е. А. Куликовой и В. В. Калиты демонстрируют устойчивую картину мира жителей приморья, характеризующую его самого как «человека края земли». По мнению этих исследователей, на Дальнем Востоке сформировалась «маргинальная культура», приобретающая «крайнее», предельное проявление общероссийской, в которой национальные черты характера становятся наиболее обнаженными. Они подчеркивают, что «на пробуждение определенных структур бессознательного в поведении россиян-приморцев существенное влияние оказывает присутствие китайцев». [94, с. 23-26, 75].

Психология переселенца и стража рубежей, несмотря на определенную деформацию в последние десятилетия, сохраняет свою актуальность. Примером этого, может служить открытие в День пограничных войск 28 мая 2007 г. нового памятника пограничникам на набережной Амура в г. Благовещенске. Трехметровую скульптуру бронзового пограничника с собакой подарила городская строительная ассоциация, а отлит он был по индивидуальному эскизу в г. Касли Челябинской области. Символично, на наш взгляд, то обстоятельство, что обмундирование и вооружение защитника рубежей соответствует довоенному образцу 30-х годов, а пограничный столб отмечен двуглавым орлом. Так, образы и стереотипы,

заложенные в предыдущую историческую эпоху, продолжают играть свою охранительную роль в жизни современного общества.

Каждое явление возможно не только в формах определенной пространственной, но и временной конкретности. В силу чего, теоретики справедливо говорят не только о пространственных, но и временных границах. В наиболее четкой форме вопрос о временных границах культуры был поставлен представителями культурно исторической типологии. О. Шпенглер, Н. Я. Данилевский и их последователи, реализуя организмический взгляд на культуру, с неизбежностью ставили вопрос начала и конца каждого самостоятельного типа культуры. К. Ясперс, выдвигая идею осевого времени, по существу формирует представления о временной границе. Допустимо вслед за понятием пространственного экотона ввести понятие временного культурного экотона, для которого характерно сложнейшее переплетение уходящего прошлого и зарождающегося нового. Борьба нового и старого приобретает порою драматический характер, и длится долго. Например, историки религии используют понятие «двоеверия» для характеристики процесса вживания новой религии в плоть существовавшей тогда языческой культуры наших предков. Н. А. Бердяев, рассматривая исторический путь России, отмечал, что для ее истории характерна прерывность, что позволяет выделить несколько Россий. Переход от одного этапа к другому, как правило, являет собою «смуту» - время, в котором в противоречивом единстве переплетены элементы нового и старого. Выражаясь языком Ф. И. Тютчева, это «роковые минуты» истории России. В силу сказанного, необходимо кратко осветить и исторический контекст формирования государственной границы, этапы становления которой являются не только межевыми знаками собственно исторического процесса, но и напрямую коррелируют с этапами развития региональной культуры.

Россия и Китай - два крупнейших государства мира, имеющие богатую многовековую историю, становятся непосредственными соседями только в XVII веке. Мы придерживаемся мнения специалистов, разделяющих процесс их общения на

четыре крупных этапа, обусловленных кардинальными изменениями его пространства и условий взаимодействия [185, с. 21].

Первый этап – 1618 – 1689 гг., с начала официальных дипломатических контактов во времена правления китайской династии Мин (1368-1644 гг.) до подписания Нерчинского договора (1689 г.) с подчинившей Китай в 1644 г. маньчжурской династией Цин (1644-1911 гг.). Период первоначального знакомства и формирования образа «иноного» тесно связанного с процессом самоидентификации, что было актуальным для всей русской культуры XVII века. Как мы уже отмечали, граница имеет две стороны, она – двуликий Янус. Можно условно выделить «интерьерную» и «экстерьерную» стороны границы. Интерьерная - выражает процесс самоидентификации культуры, экстерьерная формирует образ этой культуры в поле иной культуры. Первоначальный контакт с иной культурой способствует становлению культурного самосознания, при этом наличие другого необходимо. М. Бахтин подчеркивал, что чужая культура только в глазах другой культуры раскрывает себя полнее и глубже, одновременно отмечая, что контакты с новыми культурами будут раскрывать все новые стороны и нюансы. Диалоговый характер взаимодействия позволяет раскрывать новые глубины и смыслы соприкоснувшихся культур.

Второй этап - с 1689 по 1858-1860 гг. После подписания Нерчинского и до Айгуньского, Тяньцзиньского и Пекинского договоров (1858-1860 гг.). Соотносится с активными мероприятиями цинского правительства по колонизации и закреплению в регионе.

Открытие и освоение русскими первопроходцами и переселенцами новой родины, установление контактов с многочисленными этническими общностями заложили основы хозяйственного развития региона. Образ другого наполняется новыми смыслами, происходит культурное сближение между нашими державами и включение нового региона в поле освоения «материнской» культуры. Углубля-

ется знакомство с культурой Срединной империи, составляются первые словари, появляется первый коммуникативный, в том числе и дипломатический опыт.

Третий этап – с 1858-1860 по 1986-1989 гг. Характеризуется возобновлением Россией колониационного процесса в условиях активного многостороннего взаимодействия с Китаем. В этот период происходит не только физическое, но и символическое включение дальневосточных территорий в состав России. Другими словами, Дальний Восток включается в материнскую семиосферу, становясь частью отечественного культурного пространства со своими характерными чертами, функцией и соответствующей им значимостью.

В семиотическом аспекте государственная граница в силу своей универсальной природы продолжает осуществлять свою двойственную функцию, являясь и зоной раздела, и одновременно - контакта и взаимопроникновения двух культур. Важную роль в создании образа «порубежья» играет картография. Наглядный пример этого был встречен нами в краеведческом музее г. Хабаровска. Крупное изображение бассейна реки Амур, включало в себя иконические знаки русских и китайских приграничных городов. Географическая карта, в отличие от аэрофотосъемки – инструмент творчества, визуальное выражение представлений о реальности, переработанное в соответствии с той или иной теорией и идеологическими установками. Как справедливо отмечал в своей работе С. Г. Кара-Мурза, она воздействует на сознание современного человека всем авторитетом научного знания и в то же время мобилизует подсознание, хранящиеся там иррациональные установки и предрассудки [88, с.102]. Следует отметить, что в КНР до настоящего времени продолжается практика фабрикации географических карт, отражающих прохождение русско-китайской границы, для идеологической обработки населения. Подтверждением этого стали результаты собственных полевых наблюдений, проведенных нами в историческом музее г. Айхой (Айгунь), КНР в 1998 и 2007 гг. [49, с. 238].

Четвертый этап – с 1986-1989 гг. по настоящее время. С середины 80-х гг. прошлого столетия отмечается тенденция нормализации двусторонних отношений между нашими государствами, что соответствовало национальным интересам как России, так и КНР. В 1988 г., в ходе радикального обновления советско-китайских отношений, правительство СССР приняло постановление о безвизовом режиме, что способствовало развитию широких контактов как на официальной, так и неформальной основе. Одновременно с этим начался процесс постепенного возрождения китайской общины на Дальнем Востоке.

Наряду с географическим и историческим факторами, в настоящее время важную роль играет геополитический и собственно политический факторы. Развитие двусторонних отношений в региональном формате обеспечили изменения в новой Конституции РФ и Федеральном Договоре, закрепившем права субъектов России в качестве непосредственных участников международных и внешнеэкономических связей.

16 мая 1991 г. между СССР и КНР было подписано соглашение о восточном участке границы. В 2005 году состоялась ратификация Государственной думой РФ и Всекитайским собранием народных представителей дополнительного соглашения между РФ и КНР о российско-китайской государственной границе в её восточной части. Этим событием завершился сложный переговорный процесс по урегулированию пограничных проблем, который был начат ещё СССР и КНР в шестидесятые годы прошлого века.

Вместе с тем, на этот период приходится коренная ломка политической системы Российского государства, его экономического уклада, общественных связей и идеологических установок. Как ослабление совокупной мощи страны, так и умаление её внешнеполитического веса, экономические и демографические проблемы, а также идеологический диктат либерально-демократической парадигмы – попытка включения России в периферию западного проекта - оказало негативное влияние на двусторонние контакты. В региональном аспекте перечисленные фак-

торы зачастую имели более серьёзные последствия, чем в других территориях. Дальний Восток России, в отличие от Северо-Восточного Китая, за весь период его освоения так и не стал экономически самодостаточным регионом, поэтому не случайно его тяготение к Китаю, отразившееся на динамике культурных контактов.

В 90-х годах прошлого века Россия потеряла политическую инициативу в двустороннем диалоге, что сказалось на подготовке и заключении Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой, подписанного 16 июля 2001 года. Нельзя не согласиться с мнением Ю. М. Галеновича о том, что позиция Пекина в этот момент носила характер активно-наступательной, а России - пассивно оборонительный [43, с.350]. Договор отразил сложившуюся ситуацию и положил основу для развития сотрудничества между нашими странами на современном этапе. Культурному взаимодействию посвящена 16-я статья договора, которая определяет: «Договаривающиеся Стороны всемерно способствуют развитию обменов и сотрудничества в области культуры, образования, здравоохранения, информации, туризма, спорта и права» [168, с. 37]. Председатель КНР Цзян Цзэминь, выступая в МГУ на следующий день после заключения договора, ещё раз подчеркнул необходимость активизировать культурные связи [43, с.366]. Официальные договоры на центральном и местном уровне создали необходимую нормативную базу для развития двусторонних связей в культурной сфере.

К негативным факторам современности следует отнести остаточный принцип финансирования культуры в регионе. Так, в докладе Министра культуры на расширенном заседании правительства Хабаровского края и депутатских слушаний краевой законодательной думы по вопросам состояния и развития культуры отмечено, что краевые учреждения культуры финансируются лишь на 70%, а муниципальные - на 50% от потребностей. В 2002 г. совокупные расходы культурной политики составили 4% от общих расходов краевого бюджета. И это один из самых высоких показателей в регионе. В Амурской области он составил лишь

1,3%, в Приморском крае – 1,8% [63, с. 6]. В тяжелые 90-е годы учреждения образования и культуры региона были вынуждены самостоятельно искать выход из сложившейся ситуации. Одной из таких возможностей стало установление международных связей, зачастую выходящих из сферы компетенции собственно учреждений культуры. Например, договор о сотрудничестве 1991 г. между Хэйлунцзянской провинциальной библиотекой и Хабаровской краевой универсальной научной библиотекой предусматривал создание на базе последней деревоперерабатывающего участка [198, с. 106].

В целом нормализация двусторонних отношений дала импульс широкому двустороннему обмену в культурной сфере, однако внутренние факторы развития ситуации в России заметно влияли на эффективность взаимодействия, не позволяя использовать благоприятные условия в полной мере.

Изучение региональной культуры требует внимания не только к пространственно-временным измерениям реальности, но обязательно дополняется демографической и социально-психологической характеристиками. Сокращение численности населения на Дальнем Востоке России в постсоветский период стало устойчивой тенденцией. Наряду с другими негативными процессами это позволяет современным исследователям характеризовать сложившуюся ситуацию как признак деколонизации региона [185, с.72, 175]. На совещании по развитию ДВ и Забайкалья, проходившего в г. Благовещенске в июле 2000 г., В. В. Путин подчеркнул, что вследствие тяжелой экономической и демографической ситуации на Дальнем Востоке под угрозу поставлено само существование региона как части России [121, с. 482]. При этом доля коренного населения ДВ не превышает 2/3 общего числа его жителей. [94, с. 15].

Вместе с тем необходимо подчеркнуть достаточно высокий уровень профессионального образования населения региона – около 80% взрослых имеют среднее, высшее и послевузовское образование; в последнее 10-летие заметна тенденция получения молодыми дальневосточниками второго высшего образова-

ния. Государственная высшая школа дальневосточного федерального округа представлена двадцатью университетами, девятью академиями и десятью институтами [51, с. 9]. Образовательный уровень китайцев, приехавших в Россию, также сравнительно высок. Так, окончили высшую школу 21,8% китайцев в Хабаровске, 39,0% во Владивостоке, 46,0 % в Уссурийске, неполное высшее образование имеют 35,8%, 9,0% и 4,0 % в этих городах, а полную среднюю школу окончили 31,8 %, 34,0 % и 28,0 % соответственно [45, с. 50].

Другим важным фактором, обусловленным изменением внешней политики обоих государств, стала большая вовлеченность обывателя в процессы международных отношений, в том числе и в культурной сфере. Контакты между гражданами РФ и КНР происходят повсеместно: на улице, рынке, в повседневной деятельности. Согласно исследованиям, в КНР хотя бы раз побывало 56% опрошенных респондентов - дальневосточников, каждый третий из них - более трёх раз [113, с. 33-58]. Таким образом, в отличие от других регионов, личный опыт лежит в основе представлений дальневосточников о Китае, а сами двусторонние связи были в значительной степени персонифицированы.

В связи со сказанным показательны изменения в языковой ситуации региона, яркий пример ранее отмеченного культурного экотона. Современный исследователь, кандидат филологических наук Е. А. Оглезнева, отмечает появление ряда специфических для русской речи на Дальнем Востоке черт, обусловленных «китайским влиянием». Среди них:

1. Активизация экзотической для стандарта национального языка лексики в русской речи дальневосточников, напр.: фанза, ханшин, жэньшень и др.;
2. Непосредственные заимствования из китайского языка, появляющиеся в русской речи минуя стандарты национального языка, например: куня, фуюань и др.;

3. Образование собственно русских слов, называющих различные атрибуты русско-китайского взаимодействия в регионе, на базе заимствованных и/или исконных элементов (чифанька, киты, помогай и др.).

Довольно часто образуются относительные прилагательные от заимствованных китайских слов (манзы - китайцы, имевшие оседлость в пределах Уссурийского края и Приморской области, от него - манзовский, гаолян – гаоляновый и т.п.). Имеются случаи семантической деривации, когда у лексической единицы появляется регионально обусловленное значение. Например, мадам (вариант – «мадама»), приобрело значение «русская женщина; хозяйка». Также следует отметить получившую широкое распространение на Дальнем Востоке с конца XIX в. китайскую топонимику. Даже спустя столетие только в Приморском крае бытовало около 1000 топонимов и гидронимов китайского происхождения [50, с. 150].

Отмеченные особенности позволяют говорить о существовании дальневосточного региолекта русского языка. Следствием активных контактов между двумя народами является особый контактный язык, которым пользуются преимущественно китайцы в неофициальном общении с русскими - русско-китайский пиджин, основу которого составляет русская лексика, используемая в соответствии с грамматическим и фонетическим стандартом китайского языка [145, с. 160-162]. Как культура в целом не может полноценно существовать без разнообразных контактов с другими традициями, так и язык истощился бы, не находя новые формы выразительности и смыслы в других языках, не отдавая им, в свою очередь, собственного живительного дыхания. Вовлеченность населения региона в культурный диалог двух стран следует отнести к благоприятным для культурного взаимодействия факторам. Негативное же влияние оказывает депопуляция региона и ценностная дезориентация населения. Согласно опросу русских и китайских студентов в вузах г. Владивостока большинство китайцев продемонстрировали способность к гармоничному сочетанию своего и чужого, старого и нового, российские же студенты заметно уступают им по этим показателям. Исследовате-

ли предупреждают, что «В России существует реальная опасность появления так называемого негативного индивида, находящегося в ситуации потери норм и ценностей ...» [119, с. 81-90].

Одновременно с трансформацией, наблюдаемой в языковой сфере, продолжает формироваться образ Китая и китайцев как «инога». С одной стороны оно выступает как чужое – «варварское» - враждебное. В связи с этим, следует отметить, что неблагоприятное наследие конфронтационного опыта в отношениях двух соседних стран продолжает сохранять свою значимость и сегодня. Так, отношение к КНР и ее гражданам на Дальнем Востоке очень противоречиво, 41% респондентов до 20 лет испытывает чувство отторжения к китайцам, в других возрастных группах этот процент варьирует от 22% (50-59 лет) до 33% (30-39 лет) [113, с.42]. С другой стороны иное начинает восприниматься как другое – подобное – дружеское, возникают условия для активного общения и культурного обмена. Наиболее показательно этот процесс представлен в художественной деятельности в силу ее «синкретически-синтетического» характера, что будет продемонстрировано во второй главе работы.

§ 2. Проблема культурной совместимости (на примере взаимодействия терапевтической практики России и Китая)

Для характеристики объективного процесса взаимодействия разных культурных систем используется разнообразная терминология: «межкультурная коммуникация», «взаимодействие культур», «диалог культур». Как о результатах взаимодействия говорят о влиянии, заимствовании, интеграции и т. д. Повышенное внимание ученых и философов современности к взаимной связи процессов и явлений не случайно, оно объективно отражает достигнутый к настоящему времени уровень понимания окружающей действительности и характеризует этап эволюции собственно философской мысли.

Каждое из перечисленных понятий продуктивно и эвристично, поскольку позволяет отразить качественно определенную сторону процесса взаимодействия культур. В то же время само разнообразие этих понятий свидетельствует о том, что ни одно из них не способно раскрыть целостность процесса взаимодействия культур, и, что с нашей точки зрения является главным, упускает собственно качественную сторону процесса взаимодействия.

Взаимодействие культур – это, и процесс их влияния друг на друга, взаимное изменение состояния, и появление новых явлений, не сводимых к исходным, существовавшим до возникновения отношений. Применяя термин «взаимодействие» по отношению к русско-китайским культурным связям, мы помещаем в центр нашего внимания – действие в триединстве: процессуальной, субъектной и продуктивной составляющих. Процессуальный аспект отражает динамику этих отношений. Субъектный - особенности национальных культур и их носителей - народов двух стран. Продуктивный - результат взаимодействия, выраженный в создании новых культурных ценностей. Интегрирующей основой, своеобразным знаменателем работы является творческая личность – деятель, как в своем индивидуальном, так и в коллективном аспекте.

Взаимодействие культур закономерно ставит вопрос о совместимости его участников. Большинство исследователей сходятся во мнении, что одной из главных причин проблем, возникающих у России во взаимодействии с Китаем является проблема взаимопонимания и культурной совместимости [113, с. 33; 45, с. 5-6; 185, с. 3-4 и др.]. Проблема культурной совместимости – проблема возможностей и пределов заимствования одной культурой элементов другой.

Современные исследователи зачастую используют термин «культурная совместимость» интуитивно, понимая под ним «созвучие ментальных структур взаимодействующих культур», совпадение духовных ценностей и архитипических элементов, составляющих их базу [132, с. 299]. Мы предлагаем понимать под культурной совместимостью показатель возможности гармоничного взаимодействия культур, эффективного освоения и интеграции ими инородных элементов.

Исторически сложившаяся специфика душевного уклада, лежащая в основе обычаев, нравов и стереотипов поведения, сам психологический облик нации, являются не просто культурным наследием каждой общности, но и воспринимаются её носителями как самоценные нормативные основы традиции. Россия и Китай – устойчивые социокультурные системы, сохранившие свою самобытность и целостность в течение значительного исторического времени, несмотря на внутреннюю трансформацию и внешнее, зачастую агрессивное, влияние. Они характеризуются определенными культурно-историческими типами, способными интегрировать значительное число локальных культур и этнических общностей на базе единой мировоззренческой и социальной модели. Цивилизационный подход, применяемый для анализа их взаимодействия, позволяет представить все основные системообразующие компоненты социума через культуру, помещаемую в центр проблематики изучения исторического процесса. В силу чего, этот подход обладает не только большим потенциалом для теоретического синтеза, но и особым историософским значением.

Уже с начального периода установления двухсторонних связей в XVII веке выявилась значительная культурная дистанция между Россией и Китаем. Разделяя, эта дистанция с одной стороны затрудняла общение, с другой вызывала повышенный интерес к иному, становясь важным ресурсом новых сообщений и смыслов, обуславливая высокий творческий потенциал культурного диалога России и Китая. Следует подчеркнуть, что созданию новой информации способствуют даже ошибки, возникающие в процессе коммуникации. При этом китайская культура выступала не только как источник для собственного творчества, но и как важный фактор самосознания, в котором собственная уникальность раскрывается в контексте ее общечеловеческой сущности.

С этой точки зрения интересна корреляция образа Китая с основными идейными течениями в России. Так, западники в лице своих передовых представителей от П. Я. Чаадаева до В. Г. Белинского и А. И. Герцена, сформировали негативный образ Китая, как своеобразный эталон застоя, лицемерия и безнравственности. Большинство из них рассматривали Китай в рамках господствующих европоцентричных теорий того времени, указывая на его отрицательный пример для России. В противоположность им, в кругах славянофилов, была сформирована идея об уникальности цивилизации Срединной империи. А. С. Хомяков подчеркивал ее мощный потенциал. Н. Я. Данилевский, рассматривал китайскую и славянскую цивилизации как самобытные культурно-исторические типы, равноценные с другими. Для сторонников самостоятельного пути России Китай в XIX веке стал одним из символов возможности существования цивилизации и прогресса, отличных от европейских. В новой исторической ситуации, возникшей после распада Советского Союза, эта дискуссия вновь приобрела актуальность.

Один из наиболее авторитетных специалистов в области двусторонних отношений в Дальневосточном регионе В. Л. Ларин пишет: «Две цивилизации – славянская и китайская – не поддаются взаимной ассимиляции, не смешиваются, что порождает и порождает в процессе их взаимодействия множество проблем этнокультурного характера» [110, с.153-154]. В подтверждение своих взглядов ав-

тор приводит убедительные свидетельства русского дипломата Н. Шуйского, служившего в Корее и Китае в 1883-1901 гг., приамурского генерал-губернатора Н. Гондатти, В. Арсеньева. Другой современный исследователь региональной культуры Дальнего Востока А. А. Пылкова также отмечает малую культурную совместимость народов России и Китая [158, с. 21].

Существует и противоположная точка зрения. Так, Кригер Г. Н. и Чжэн Цзя отмечают духовную близость наших культур [106, с. 236]. Выпускник МГИМО, бывший глава Приморья, В. Кузнецов считал возможным взаимодополнение культур России и Китая [110, с.153-154]. Военные специалисты, которых нельзя упрекнуть в недооценке конфронтационной составляющей наших отношений, также отмечают близость культурного кода двух держав [57, с. 312-322, 472]. В связи со сказанным, заслуживает внимания и взвешенное мнение представителей Русской православной церкви, рассматривающих традиционные воззрения Древнего Китая как одну из стадий духовных исканий человека, созвучную православию. Л. И. Капитанова, переводчик статьи известного публициста церкви за рубежом – иеромонаха Серафима (Роуза) отмечает, что этические и культурные ценности Китая помогли ему «вернуться ко Христу в Православной вере»; об этом же свидетельствует и книга иеромонаха Дамаскина (Христиансена) "Христос, Вечное Дао" [170, с.40-51].

Двойственность приведенных выше суждений имеет под собой объективное основание. Уже первое знакомство с китайской культурой демонстрирует ее самобытность и инаковость привычным формам и образам. Они проявляются буквально на каждом шагу, в художественной традиции и бытовой культуре, своеобразном научном стиле и бизнесе, в праздниках и повседневности.

Практически все фундаментальные работы, посвященные различным аспектам китайской культуры и этнопсихологии, содержат указания на их главные отличительные черты. Среди них: натурализм и рационализм; антропоморфизм (витализм); монизм (холистическая парадигма мировосприятия); доминирование

коррелятивных связей и сохранение важнейшего кодирующего значения нумерологии; центризм; оптимизм и ряд других. Подавляющее большинство перечисленных особенностей соответствует ранним стадиям развития общества. Актуальность архаичных форм в современной действительности обусловлена, на наш взгляд, не только длительностью непрерывной культурной традиции, что фиксирует лишь обстоятельство времени, но, в не меньшей степени, её локализацией, выражаясь точнее - её относительной пространственной статичностью. Одним из основных механизмов обеспечения непрерывности китайской культурной традиции стала иероглифическая письменность. В условиях глобализации она же принимает на себя охранительные функции, становясь чем-то вроде Великой стены китайской культуры.

Не менее важным, чем выявление различий и их причин, является выяснение общности культур России и Китая. Первое сходство – это их высококонтекстуальность, согласно типологии Э. Холла [164, с. 71-72]. Это богатство, унаследованное культурой, оно свидетельствует о сохранности глубокой исторической традиции двух цивилизаций.

Для высококонтекстуальных культур характерны следующие черты, определяющие стереотипы поведения их носителей:

- невыраженная, скрытая манера речи; многозначительные паузы, большая смысловая наполненность невысказанного, отмечаемая у их представителей;
- важная роль невербального общения [207, с. 137-141; 169, с. 465-467];
- излишняя избыточность информации и повышенные требования к культурной компетенции вступающих в общение лиц и традиций;
- отсутствие открытого выражения недовольства.

Общность в поведении участников диалога создаёт доверительную атмосферу, способствующую их взаимопониманию и лучшей адаптации в чужой культурной среде.

Значимым, в коммуникативном аспекте, является принадлежность России и Китая к обществам с высокой дистанцией власти и развитыми традициями коллективизма в соответствии с теорией культурных измерений Г. Хофштеде. Культурным обоим стран присущ патернализм. В идеальной модели политика государства в отношении своих граждан направлена на всестороннее руководство развитием и благополучием всех граждан. Действия власти, противоречащие этим устойчивым представлениям, вызывают кризис легитимности. Даже такая форма социальной организации как партия, в этих культурных условиях приобрела новые, неизвестные на Западе черты. КПСС в Советском Союзе и КПК в Китае – единственные в стране партии, претендовавшие на выражение интересов всех слоев общества. В силу сказанного, большое значение придавалось единогласности при принятии решений, которые должны стремиться к удовлетворению всех членов социума, а не лоббирующей их группы.

Другое существенное качество культур России и Китая – значительный ассимиляционный опыт. За свою многовековую историю обе нации интегрировали культуры многочисленных народов, вступающих с ними во взаимодействие. В то же время бытует мнение о различии в поведении русских и китайцев в инокультурной среде. Русские сравнительно быстро ассимилируют с окружающим населением, в то время как китайцы поселяются анклавами, сохраняют свою идентичность. При этом не учитывается фактор генетической близости культур. Во многом уникальный полувековой опыт русской колонизации Маньчжурии наглядно продемонстрировал устойчивость цивилизационной границы и отсутствие культурной ассимиляции между русскими и китайцами в заметных масштабах [134, с.3-5]. Ассимиляционный потенциал сформировал серьезный коммуникативный ресурс русской и китайской культур, который может быть реализован при их дальнейшем взаимодействии.

Для анализа проблем, возникающих при взаимодействии России и Китая, моментов культурной совместимости культур этих стран, нами выбрана медицина. Причины этого следующие.

Во-первых, этот пример уникален с точки зрения актуальности и практической значимости диалога двух типов рациональности - системного знания, предшествующего Новому времени и науки современного типа.

Во-вторых, теоретическая основа медицины формируется с учетом общепринятых представлений о взаимоотношении человека с окружающим миром, который выступает здесь в роли «иного», обладающего интегральным характером. В свою очередь, исторически сложившиеся стереотипы по отношению к «иному» формируют архитипические особенности стратегий взаимоотношения субъектов культурного взаимодействия, что определяет степень совместимости их культур и эффективность сотрудничества.

В-третьих, общность проблемно-целевого подхода различных медицинских традиций и пространственно-географическая близость Дальневосточного региона с Китаем создали благоприятную почву для широкого двустороннего сотрудничества. В отличие от таких сфер взаимодействия как экономика и политика, где каждая из сторон преследует, в первую очередь собственные интересы, в центре медицинской проблематики оказывается непреходящая ценность – человеческая жизнь, в силу чего гуманизм стал отличительной чертой этой профессии. Все это сделало взаимодействие культур России и Китая в области медицины свершившимся фактом, который требует не только узкопрофессионального, но и более широкого научного осмысления. И наконец, выводы, полученные при этом, могут быть в определенной мере перенесены и на другие сферы культурного взаимодействия.

Глобальные проблемы, осознанные мировым сообществом в новом тысячелетии, привели к переосмыслению достижений духовного опыта стран иного, чем Запад, культурного ареала. К их числу относится комплекс дисциплин, опреде-

ляемый исследователями как традиционная наука Китая: астрология, геомантия, алхимия и др. Краеугольное место среди них занимает медицина, что генетически связано с сотериологической целью автохтонной религии Среднего государства – даосизмом. Именно архаичные представления о бессмертии – достижение не ограниченного во времени существования целостной психосоматической личности, развившиеся в учение о бессмертии (сяньсуйе), во многом определили центральную проблематику не только религиозной практики, но и научного поиска средневекового Китая. Если в Европе главной целью алхимических изысканий становится философский камень и опыты по трансмутации золота, то в Китае соответствующей целью алхимических работ стал эликсир (снадобье) бессмертия и формирование большой группы методов пестования жизни (яншэнь).

Китайская медицина – одна из древнейших медицинских систем мира. Известно, что иглоукалывание применялось для лечения не только людей, но и животных ещё в каменном веке. За длительный период её развития накоплен богатый арсенал терапевтического воздействия на патологический процесс. Это известно теперь во всем мире иглоукалывание и точечный массаж, прижигание и дыхательная гимнастика ци-гун, своеобразная фармакопея, базирующаяся на использовании огромного количества средств растительного, минерального и животного происхождения.

Интерес к методам воздействия традиционной восточной медицины и её теоретическим основаниям возник в России практически сразу после установления контактов между нашими странами. Их эффективность, подтвержденная многовековой практикой, продолжает привлекать внимание современных специалистов как в России, так и за рубежом. Вместе с тем, как отмечал академик АМН СССР Ф. Г. Углов: «Европейская наука изучала и продолжает изучать наследие китайской медицины, но результаты остаются до последнего времени более чем скромными» [65, с. 219].

Одно из первых сообщений в отечественной медицинской печати о действенном способе лечения иглой, широко применяемом в Китае и Японии, было опубликовано в 1828 г. проректором Медико-хирургической академии П. Чаруковским. Он сам использовал иглотерапию для лечения поясничных болей и мышечных спазмов. В последующий период появились отдельные работы, посвященные данной тематике. Известны успешные попытки применения иглотерапии, осуществленные одиночками – энтузиастами, большинство из которых носило эпизодический характер. Например, работы А. Я. Виолина и В. В. Корсакова вышедшие в 1901-1903 годах [182, с.32]. В течение последующих десятилетий иглоукалывание было надолго забыто и фактически не применялось.

В отечественные лечебные заведения методы традиционной восточной медицины начали проникать во второй половине 50-х годов XX в., чему способствовало посещение советскими врачами ряда клиник Китая. Они ознакомились с основами чжэнь-цзю терапии и овладели практическими навыками по её применению. С конца 50-х годов прошлого столетия в СССР предпринимались попытки сформировать современные представления о сущности и механизмах действия акупунктуры. Клинико-физиологические исследования проводились в Москве (лаборатория рефлексотерапии АМН СССР, проф. Н. И. Гращенков), Ленинграде (лаборатория чжэнь-цзю-терапии Ленинградского психоневрологического института им. В. М. Бехтерева, проф. Э. Д. Тыкочинская), Казани и Горьком. В 1976 г. в Москве организован Центральный научно-исследовательский институт рефлексотерапии. Доминирование нейрорефлекторных теорий в физиологии привело к созданию рефлексотерапевтической теории иглоукалывания. С 1960 г. в нашей стране стали готовить врачей – специалистов по чжэнь-цзю-терапии в институтах усовершенствования врачей Москвы, Ленинграда, Казани. Позже была создана профессиональная ассоциация рефлексотерапевтов, но ухудшение внешнеполитических отношений между СССР и КНР, закрытие границы и свертывание многих проектов в сфере культурного обмена и здравоохранения во многом затормозили этот процесс.

Повсеместное увлечение и широкое внедрение их в практическое здравоохранение началось только в 90-х годах прошлого столетия. В немалой степени этому способствовало изменение идеологической атмосферы в обществе, расширение двусторонних контактов между гражданами двух стран, в том числе и неформальных. Не будет преувеличением сказать, что увлечение традиционной восточной медициной в России пережило настоящий бум.

Значительными тиражами были изданы многочисленные работы и методические руководства отечественных авторов, посвященные вопросам традиционной медицины: Вогралика В. Г., Табеевой Д. М., Гаваа Лувсана, Овечкина А. М. и др. На волне повышенного интереса, был переиздан перевод первой, выпущенной в СССР монографии, посвященной традиционной китайской медицине 1959 г. - «Руководство по современной чжэнь-цзю терапии» ЧжуЛяня, возглавлявшего Академию традиционной китайской медицины (КНР). Тираж издания составил 70 000 экземпляров.

У медицинской общественности появилась возможность ознакомления с классическими трактатами китайской медицины на русском языке. Среди них выделяется перевод и комментарий «Трудных вопросов классической китайской медицины» (Наньцзин) Д. А. Дубровина. В 1996 г. переиздан перевод Трактата Жёлтого Императора о внутреннем (Хуан-Ди ней-цзин). Тексты этих канонов являются памятниками древней китайской литературы, интересные не только врачам, но и историкам, филологам, философам культурологам и религиоведам.

В ряде специальных монографий иглорефлексотерапия выступает, наряду с другими, равноправным методом воздействия на патологический процесс, например, работа Арнольди Э. К. «Хронический простатит: проблемы, опыт, перспективы» [11, с. 207-208]. Иглорефлексотерапия рекомендована в комплексе реабилитационных мероприятий в Вооруженных силах, утвержденных начальником Главного военно-медицинского управления МО РФ – начальником медицинской службы Вооруженных Сил РФ [133, с.105].

Сформирована база подготовки кадров, владеющих методами восточной медицины. В ряде медицинских ВУЗов проводится обучение врачей по специальности рефлексотерапия с элементами ознакомления с другими методами восточной медицины. Московская медицинская академия им. Сеченова, совместно с НИИ традиционных методов лечения организовала один из первых в стране курс (с 1998 по 2000 г. кафедра) традиционных методов лечения и физиотерапии. С 2000 г. он является бюджетным курсом при кафедре семейной медицины.

В приграничных территориях процесс знакомства с традиционной медициной Китая и внедрение методов ее воздействия на организм развивались ещё более бурно. Так, если в конце 80-х годов студенты медики могли получить о ней лишь очень скудные сведения в курсе истории медицины, то уже в начале 90-х годов в вузах Дальневосточного региона стали проводиться курсы иглорефлексотерапии на факультативной основе. Так, весной 1994 г. автор работы являлся их слушателем при Благовещенском медицинском институте. Одновременно с этим группа студентов, окончивших 4 курс института, по межвузовскому соглашению об обмене студентов была отправлена на год обучения в Хэйлунцзянский институт традиционной медицины. В сентябре 1995 г. в Амурской государственной медицинской академии г. Благовещенска основана первая в России кафедра традиционной восточной медицины с курсом физиотерапии. Основной преподавательский контингент её составили специалисты вуза, дополнительно окончившие факультет традиционной китайской медицины Хэйлунцзянского института традиционной медицины (КНР, г. Харбин). На кафедре преподаются основы восточной медицины студентам 5 курса, ординаторам, проводятся циклы первичной специализации и усовершенствования по рефлексотерапии для практикующих врачей. Под руководством кафедры созданы и успешно работают научное общество физиотерапевтов и ассоциация рефлексотерапевтов (Амурское региональное отделение).

Ведется подготовка рефлексотерапевтов на факультете повышения квалификации и профессиональной переподготовки медицинских кадров Владивосток-

ского государственного медицинского университета на кафедре восстановительной медицины, мануальной медицины и рефлексотерапии, а также в Хабаровском медицинском университете. Результаты применения традиционных терапевтических воздействий на патологический процесс регулярно докладываются на научно-практических конференциях и семинарах, проводимых в регионе.

Совершенствуется законодательная база, обеспечивающая эффективное управление лечением с применением рефлексотерапии. Приказом Минздравсоцразвития России № 266 от 13 апреля 2007 г. утвержден рекомендуемый перечень медицинских показаний и противопоказаний к применению рефлексотерапии в клинической практике. Согласно номенклатуре специальностей специалистов с высшим и послевузовским медицинским и фармацевтическим образованием в сфере здравоохранения Российской Федерации (Приказ Минздравсоцразвития России №112-н от 11 марта 2008 г.) рефлексотерапия отнесена к специальностям, требующим дополнительной подготовки на базе двух основных специальностей – терапии и неврологии.

Большое распространение на Дальнем Востоке получили частные медицинские центры восточной терапии. Помимо этого многие жители региона смогли познакомиться с традиционным здравоохранением Китая, пребывая на лечении и отдыхе на курортах и в санаториях КНР, например, в Удалянчи. Увеличивается число фармацевтических препаратов традиционной китайской медицины, применяемых пациентами Дальневосточного региона. В 2009 г. нами были проведены полевые исследования в г. Хэйхэ (КНР), во время которых был изучен спрос на медикаменты среди граждан России в пяти аптеках города. Среди них наибольшей популярностью у россиян пользовались:

1. Средства, применяемые при ревматизме, заболеваниях суставов, травмах опорно-двигательного аппарата - разнообразные пластыри, мази и таблетированные формы (gucipingpian, hongyaopian);

2. Препараты для купирования простудных заболеваний (qingfeiyihuo pian, xinjin sang zihou pian, ganmaoguanjiaonang, xi guashuang run hou pian, yanyan pian);
3. Противодиарейные средства (xietingfengjiaonang);
4. Адаптагены и иммуномодуляторы, например водный раствор женьшеня с пчелиным маточным молочком и лимонником;
5. Урологические препараты (shenshitong, nuofushaxing jiaonang, sanjin pian);
6. Гипотензивные средства;
7. Противогеморроидальные средства.

В работе Плотникова А. В. «Перспективные направления развития экономических отношений России и Китая» одним из важных перспективных направлений взаимовыгодного сотрудничества названа фармакология, заготовка сырья и производство лекарств восточной медицины [150, с. 143].

В то же время, несмотря на чрезвычайно благоприятные внешние условия и высокий взаимный интерес к интеграции китайских традиционных методов лечения в практическое здравоохранение за рубежом, они оказались на периферии терапевтической практики в России. Потенциал китайской классической медицины далеко не реализован, культурный диалог зачастую носит поверхностный характер. Одной из главных причин отмеченных явлений, на наш взгляд, является некогерентность базовых концепций теории медицины на Западе и Востоке, различная, а подчас диаметрально противоположная мировоззренческая основа.

Фундаментальным положением теории китайской классической медицины, определяющим её характерные черты, является утверждение тождества человека и Вселенной, макро- и микрокосма. Следствием чего стали антропоморфизм космоса с одной стороны, примером чему служит миф о Паньгу, и наоборот - космо-

морфизм организма с другой. На страницах известного Трактата Жёлтого Императора о внутреннем – источника теории и практики традиционной китайской медицины, запечатлены целые ландшафты внутреннего мира человека: горы и водные источники, путеводные тракты и зеленые рощи.

Не менее характерны и поэтические названия биологически активных точек меридианов. Так, на канале легких китайский целитель узнает небесный дворец (тянь-фу), великую пропасть (тай-юань) и трясину в чи (чи-цзе). На канале толстой кишки расположен извилистый пруд (цюй-чи), желудка – огромная расщелина (цзуй-ляо), водоворот (шуй-ту), вершина холма (лян-цю) и открытая лощина (цзе-си), селезенки – струящаяся долина (лоу-гу), сердца – исток ручья (цзи-цюань) и молодое море (сяо-хай), тонкой кишки – малое болото (сяо-цзе), передняя аллея (цян-гу), мочевого пузыря – золотые ворота (цзинь-мэнь), почек – клочущий источник (юн-цюань), пещера ци (ци-сюе), столица инь (инь-ду) и особняк согласия (шу-фу) и т.д.

В России и Европе получили распространение французская, немецкая и английская номенклатуры, в них меридиан отмечается начальной буквой (например меридиан легких – фр. *Poumons - P*), а сами точки порядковым номером. Д. М. Табеевой предложено обозначать меридиан латинскими цифрами, а точки на меридиане – арабскими, таким образом точка хэ-гу (соединение долины), расположенная на меридиане толстой кишки обозначается как 4II. Утилитарность этих номенклатур с одной стороны упрощает овладение методом, ведь только на 12 основных меридианах находится 309 точек воздействия [182, с.169]. Вместе с тем, при этом теряется глубокая связь с культурным контекстом и уникальной традицией, породивший сам феномен традиционной медицины Китая.

Следует отметить, что концепция антропологического космоса – это специфическая система представлений о человеческом теле как живой и одухотворенной Вселенной, являющейся пространством актуализации высших сил мироздания. Именно она во многом обеспечила единое направление в развитии даосских

религиозных практик. В своих публикациях, посвященных даосскому пантеону, мы отмечали отдельную группу божеств человеческого организма. Согласно этим представлениям, тело человека вмещает около 36 000 божеств. Их медитативная визуализация является важнейшим составляющим даосских обрядов и психотехнических занятий [41, с. 36-37]. Моделируя макрокосмические процессы в своем теле, адепты этой религии пытались воздействовать на окружающую действительность: поднимать ветер, вызывать дождь в засуху и др. Подчеркивалось, что взаимоотношения между человеком и окружающим миром - активный двунаправленный процесс, при этом человек выступал как равноправный и соразмерный космосу субъект взаимодействия. В западной традиции доминировала иная позиция, рассматривающая эти отношения в рамках взаимосвязи целого и части. Поэтому и утверждение о том, что человек – мера всех вещей получает разную смысловую основу и эмоциональную тональность. Западный менталитет возводит человека, и в первую очередь индивида, как бы над системой, в позицию судьи. В Китае наоборот - мера человека существует как глобальная сопричастность его миру и протекающим в нем процессам. Первая концепция способствует обособлению субъекта и объекта, вторая – согласовывает, гармонизируя их взаимоотношения.

В русле организмического натурализма окружающий мир одушевляется. Спонтанность, естественность и недеяние рассматриваются как путь достижения изначального совершенства в единстве с ним. Сильная сторона описанной концепции - сопереживание миру, чуткость и способность к установлению связей с окружающей природой. Слабая – склонность к биологизации личности и социума, а также значительный консервативный потенциал способный при определенных условиях оказать стагнирующее влияние на развитие человека и общества.

В западной культуре картина мира представлялась в виде «чудесного механизма», который по мере секуляризации общества все более терял свою «чудесную» компоненту, овеществляя все вокруг. Позитивизм и конструктивизм, присущие данному подходу, способствовали стремительному прогрессу науки нового

времени и динамичному преобразованию окружающей действительности. В то же время утилитаризм и потребительская стратегия, рожденная в русле этого мировосприятия, стали одной из главных причин глобальных проблем, вставших сегодня перед всем человечеством.

В Западной Европе оппозиция природы и культуры, небесного и земного, а затем и субъекта и объекта, став методологией, дала существенные преимущества в ускоренном развитии современной науки и ее рациональных инструментов. Полученные результаты придали изначальной тенденции сверхценное значение и, на наш взгляд, в силу этого прочно укрепились в мировоззренческой матрице Запада. На определенной исторической дистанции этот фактор сыграл прогрессивную роль, но в настоящий момент он не только тормозит развитие самой науки, но и создает глобальные угрозы самому существованию человека. Русская цивилизация удержала в основе своей картины мира, традиционные черты, близкие другим незападным цивилизациям, в том числе китайской. Так, характерной чертой китайского мировосприятия является отмеченное выше утверждение тождества человека и Вселенной, их единотелесность и взаимообусловленность. Одновременно, тем же чувством, проникнуты лучшие образцы русской художественной культуры. Ярким поэтическим примером этого служат строки Ф. И. Тютчева:

«Тени сизые смешались,

Цвет поблекнул, звук уснул —

Жизнь, движенье разрешились

В сумрак зыбкий, в дальный гул...

Мотылька полет незримый

Слышен в воздухе ночном...

Час тоски невыразимой!..

Всё во мне, и я во всем!..»

Несмотря на то, что Россия несколько веков развивалась под влиянием европейской мысли, она сохранила свою самобытность. Ментальность народа, его психологические константы демонстрируют значительную устойчивость к внешнему воздействию. Отличительной чертой русской культуры было одушевленное восприятие природы, материнского тепла родной земли, освященности телесного начала. Эти черты отразились не только в художественном творчестве, но и в формировании самобытного научного стиля. Не случайно именно в России рождается учение о биосфере классика современного естествознания Владимира Ивановича Вернадского. В дальнейшем, стоя на эмпирической основе, он приходит к выводу, что человечество становится мощной геологической силой и перед ним встает вопрос: «о перестройке биосферы в интересах свободно мыслящего человечества как единого целого» [33, 480]. Это новое состояние биосферы ученый назвал ноосферой.

Следующей особенностью теории китайской медицины, проистекающей из признания тождества макро и микрокосма, является доминирование коррелятивных связей в ее методологии. Установление должных соответствий имеет для китайской науки определяющее значение. В Трактате Жёлтого Императора о внутреннем выделено девять основных категорий или законов медицины. В теле человека они соотносятся следующим образом: кожа – небу; плоть – земле; кровь и пульсирующие сосуды – человеку; связки – времени; слух – звуку; инь-ян – ритму; зубы, лицо, глаза – звездам; энергия ци – ветру; девять отверстий организма и 365 его сосудов – пространству [65, с.9].

В китайской традиции в целом, и медицине в частности, наибольшее значение получили несколько взаимообусловленных кодифицирующих систем: диалектическая – теория инь-ян; тринитарная – теория восьми триграмм (багуа) и пятиричная – теория пяти первоэлементов (у син). Любое явление или процесс соотносится с соответствующей категорией, образуя своеобразные «коррелятивные

столбы», структурируя космос. Так, к ян относится небо, солнце, день, наружная сторона, а к инь - земля, луна, ночь, внутренняя сторона т. д. К группе ян относятся такие понятия, как движение, сильный, явно выраженный, активный, мужественный, быстрый, повышенная функция и т.д.; к группе инь - покой, слабый, скрытый, пассивный, женственный, медленный, пониженная функция и т.д. Пространственные взаимоотношения инь-ян в теле человека: к ян относятся наружный, верхний, левый (у мужчины), к инь – внутренний, нижний, правый (у женщины). Физиология основных органов также разделена на две противоположности, при том, что специально выделяется и третья группа органов – «добавочных». К ян относятся фу (полые) – органы: желчный пузырь, желудок, тонкая и толстая кишка, мочевой пузырь, «три обогревателя»). Они выполняют функции пищеварения, всасывания, выделения. К категории инь относят чжан (плотные) органы: печень, сердце, перикард, селезенка, легкие, почки. Главной их функцией является хранение и расход питательных веществ, энергии, крови и жидкостей тела. Соответственно органам подразделяются и их меридианы.

Концепция инь-ян занимает важное место в китайской традиционной медицине. На её основе врачи постигали причины заболеваний, изучали их течение, осуществляли диагностику и лечение. Была создана особая терапевтическая методология, способная направлять клиническую практику. При этом необходимо сделать акцент на взаимозависимости и способности к взаимообращению двух противоположностей, рассматривающихся в постоянной трансформации. Каждая противоположность обладает саморазвитием, и, что особенно важно, имеет способность к взаимным переходам. Китайская мысль существенно углубила собственную концепцию образования единого целого, распространение ее не только на взаимодействие, но и на взаимопроникновение, т.е. в структуре каждой противоположности непременно содержатся элементы другой противоположности. В уравновешенном состоянии между инь-ян должны быть сохранены тесная связь и полная гармония, в отношении к организму это определяется как его здоровье. Нарушение этого баланса – причина возникновения патологического процесса.

Любой этиологический фактор также классифицируется в зависимости от принадлежности к какой-либо категории, так различаются болезни жара и холода. Патогенез заболевания рассматривается как избыток или недостаток инь-ян, при этом возникает абсолютное или относительное преобладание одной из противоположностей, встречается и их взаимное истощение.

Исходя из этого, все клинические симптомы разделены на две группы янского и иньского синдромов, обязательно учитывающиеся в диагностическом процессе. К группе янского синдрома относятся: высокая температура; гиперемия лица и языка; беспокойное состояние; эйфория; громкий голос; жажда; моча темного цвета; запор; поверхностный, частый пульс и т.д. К группе иньского: озноб - больной предпочитает тепло и укутывание, его лицо и язык бледны, состояние вялое, голос глухой, жажды нет, моча светлая, стул жидкий, пульс глубокий, редкий, контакт с больным затруднен и т.д. Янский и иньский синдромы в традиционной китайской медицине являются основными критериями для анализа клинической картины.

Согласно теории инь-ян, причиной заболевания служит нарушение равновесия между ян и инь в организме, поэтому целью лечения независимо от разнообразия его методов является нормализация соотношения между ними. Так, при "полном" синдроме применяется метод "рассеивания" в виде сильного раздражения. При "пустом" синдроме наоборот применяют метод "прибавления" в виде слабого раздражения. При синдромах, распространяющихся вверх, применяется сильное раздражение, а при синдромах, распространяющихся вниз - слабое. Если страдает левая сторона, то воздействие осуществляется на правую сторону и наоборот. Все методы воздействия на организм направлены на регулирование взаимоотношений "инь-ян".

Центральной теорией, послужившей основанием для развития детальной методологии традиционной медицины, как одной из отраслей традиционной науки Китая, является учение о пяти первоэлементах (у-син) или точнее – движениях в буквальном переводе. Эта концепция – продукт раннего метафизического под-

хода, который характерен практически для всех развитых натурфилософских систем. Греческая, а затем и европейская философия и средневековая наука классифицировали основы строения Вселенной в форме четырех элементов: огня, воды, земли и воздуха. Им соответствовали четыре стороны света, времени года, периода жизни человека, стихийных духов. Аристотель рассматривал связи отдельных элементов с соками организма, с болезнями и даже с различными явлениями природы, влиявшими на состояния самого человека. Сходных взглядов придерживались К. Гален и Парацельс. Эта концепция оказала влияние на разработку четырехчленных медицинских классификаций, некоторые из которых дожили до нашего времени. Например, типы темпераментов – сангвиник, холерик, меланхолик, флегматик, ставившиеся прежде в зависимость от превалирования тех или иных соков в организме. В эпоху нового времени и зарождения в Европе современной науки натурфилософские системы были вытеснены в область тайных учений и практикующих их сообществ [206, с. 438-453]. Вместе с тем, в снятых формах они продолжают бытовать в области коллективного бессознательного и культурных архетипов, что наглядно продемонстрировал в своих трудах Карл Г. Юнга [223, 352 с.]. Это позволяет говорить об устойчивом нумерологическом коде той или иной цивилизации. В отношении учений о базовых элементах следует отметить несовпадение европейской и китайской традиций. Последняя выделяет пять первоэлементов: дерево, огонь, землю, металл и воду, находящихся между собой в строго определенной циклической взаимозависимости. При этом дерево и огонь соотносятся с малым и большим ян, металл и вода с малым и большим инь, а земля представляется осью взаимного перехода этих энергий.

Всю совокупность взаимоотношений пяти элементов возможно представить как взаимное порождение и подавление. При действии созидательных сил каждый элемент рождает следующий за ним и стимулирует его развитие (ян-функция): огонь, перестав гореть, оставит после себя золу - землю, следовательно сердце оказывает позитивное влияние на селезенку; земля порождает металл, и потому селезенка положительно влияет на легкие; металл при нагревании становится жидким как вода, т.е. легкие активно влияют на почки; вода

необходима для роста дерева - почки оказывают влияние на печень; наконец, дерево горит, давая огонь - и потому печень активно стимулирует функцию сердца. При действии разрушающих (тормозящих) сил наблюдается угнетение функциональной активности, связанное с воздействующим органом (инь-функция), при этом наблюдается следующая последовательность: огонь плавит металл, чрезмерная активность сердца ставит под угрозу легкие; металл разрушает дерево, т. е. угрожает печени; корни дерева разрушают землю, печень может нести угрозу селезенке, земля жадно впитывает воду, а значит почки поставлены под угрозу селезенки; вода гасит огонь, нарушение функции почек ставят под угрозу сердце. Рождение и подавление нельзя разделить друг от друга. Рождение - источник роста, без рождения нет развития. При отсутствии преодоления нет предела росту, нарушается гармоническое равновесие отношений. Древние медики сформулировали представление о взаимности стимулирования и контроля органов и функций человеческого организма.

Китайская традиционная медицина использует теорию пяти элементов в нескольких аспектах:

- для классификации внутренних органов и внешних структур организма;
- для объяснения различных явлений физиологического и патологического порядка с помощью отношений: рождения, подавления, разрастания и неподатливости;
- в целях клинической диагностики и в терапевтической практике.

В лечении пяти элементам соответствуют пять групп точек на дистальных отделах конечностей. Их выбор и метод воздействия производится согласно принципам «стимулировать мать» или «седатировать сына». В традиционной китайской медицине пять элементов используются для обозначения связи между способами лечения и разными органами. При выборе фармакологического воздействия лекари принимали во внимание соответствие цвета препарата и его вкуса органу, на который собирались воздействовать. Особое, в терапевтическом от-

ношении, значение отводилось музыке, которая в Китае основывалась на пятиступенном ладе – пентатонике, где каждому звуку, также соответствовал свой элемент.

Необходимо отметить, что китайское самосознание относит себя к элементу – земля, поэтому самоназвание Китая – Срединное государство, а желтый – родовой цвет нации. Традиция подсказывает и осмысление собственной мировой роли как гармонизирующей. В соответствии с концепцией у-син Россия относится к элементу – дерево. Существует мнение, что эти представления, сохраняют свою актуальность и их необходимо учитывать в культурном диалоге и практическом взаимодействии между нашими государствами [57, с. 54- 56].

Важной особенностью традиционной науки Китая является то, что причинно-следственные отношения занимают в ней подчиненное положение. На наш взгляд, в данном случае можно говорить о коррелятивной логике и формировании собственной аналоговой методологической основы, на которой возводятся здание всех традиционных наук Китая. В связи с этим можно вспомнить острую критику механического перенесения принципа причинности из естественных в историческую науку О. Шпенглера, который подчеркивал важность аналогий для гуманитарного знания. Известный отечественный тектолог А. А. Богданов ещё в начале XX века утверждал: «Научная теория аналогий ведет к постановке вопроса об универсальных типах и закономерностях строения, о структурном единстве вселенной... Выясненные закономерности строения должны давать возможности предвидения дальнейших аналогий, а предвидение подлежит проверке, и когда оно практически подтверждается, его основа становится прочным приобретением науки» [130, с. 7].

Следующей фундаментальной основой теории традиционной китайской медицины является категория ци. Она выражает идею всепроникающей «жизненной энергии» или «жизненной силы», может переводиться как «дыхание» или «дух», что обусловлено общей семантической связью этих понятий. В связи с этим, следует вспомнить одухотворение природы, присущее культуре Руси не только во

время язычества, но и в последующий христианский период, для которого характерен взгляд на творение – материальную природу как своего рода ризы Духа.

В Китае считалось, что возникновение и упорядочение жизни, рождение, развитие и изменение - проявление ци как источника любой сущности. Истощение и утрата ци приводит к завершению любого действия и смерти организма. Важным следствием этого учения являются представления, основанные на доминирующей роли, отводимой процессу над структурой, функции над морфологией. Наиболее наглядно это проявляется в концепции основных органов традиционной китайской медицины. Незнание этих особенностей чревато серьезными ошибками восприятия. Так, медик, получивший стандартную подготовку в медицинском ВУЗе России, при переводе орган – легкие, будет представлять определенную морфологическую структуру, выполняющую ряд специализированных функций. Напротив, медик традиционалист прежде всего будет ориентироваться на функциональный комплекс, структура же будет иметь второстепенное значение. Так, легкие в соответствии с китайской концепцией не только регулируют функции всей дыхательной системы, но «осуществляют отвод вниз», т.е. руководят всем тем, что рассеивается и опускается вниз, в том числе циркуляцией воды в организме. Кроме того этот орган заведует кожными покровами и волосами, является хранилищем животных душ – «по» и многое др.

Китайские врачи среди ци различали ее истинную (чжэн) и вредоносную (се) формы. Особое значение придавалось изначальной, врожденной жизненной энергии (юань-ци). Она передается человеку родителями и в течение всей жизни постепенно расходуется. Во многом именно она определяет продолжительность жизни человека. Питательная ци, циркулирует по 12-ти основным меридианам (каналам) тела, которые соответствуют основным органам китайской традиционной теории. Все основные каналы сведены в единую сеть, посредством которой ци распределяется по всему организму. Жизненная энергия циркулирует по “большому кругу”, переходя от одного органа к другому в течение 24-х часов. Древние врачи открыли зависимость функциональной активности внутренних ор-

ганов от суточных, сезонных и многолетних ритмов окружающей природы. Считалось, что жизненная энергия совершает полный оборот по сети каналов в течение одних суток. Часы, когда энергия проходила по определенному каналу, характеризовались максимальной активностью связанного с ним органа.

В связи с этим отметим, что важной составляющей картины мира, задающей последовательность событий и ритм жизни любого общества, является представления о времени. С этой точки зрения необходимо рассматривать устойчивость календарных традиций России и Китая. И старый стиль богослужебной практики Русской православной церкви, и лунный календарь Поднебесной основаны на представлении о цикличном течении времени, прямая линия прогресса ему чужда. Это формирует общность в полихронном восприятии времени, в котором многое происходит одновременно и понимается не как прямолинейный путь, а как некий узел переплетения многих проблем. В культурах этого типа большую роль играют межличностные неформализованные отношения, свидетельством чему является богатый опыт общения между населением Дальнего Востока России и Китая в изучаемый период. Личные договоренности, само общение воспринимаются более важными, чем принятый план действий, а часто даже и выгода. Представители полихронных культур более динамичны в обращении со временем, при этом пунктуальности и распорядку дня не придается большого значения [102, с. 100].

Учение о системе энергоканалов организма - одно из важнейших теоретико-практических достижений китайской медицины. В этой связи следует упомянуть о дыхательной гимнастике ци-гун, которая рассматривается как одно из важнейших средств для укрепления здоровья и лечения многих недугов. Врач, получивший европейское образование, под термином «дыхательная гимнастика» подразумевает комплекс физических упражнений с вовлечением дыхательных мышц с целью предупреждения застойных явлений органов грудной клетки. Применяется он преимущественно в послеоперационном периоде и у больных, длительно находящихся на постельном режиме, а также при сердечно-сосудистой патологии. Целитель традиционалист, говоря о дыхательной гимнастике, понимает под этим

медитативно-дыхательные упражнения, приводящие в первую очередь к измененному состоянию сознания, направленному на достижение уравновешенности ума и ареактивности психики.

Медитативная практика уверенно завоевывает популярность в западных странах. Издаётся многочисленная популярная литература, посвященная различным её аспектам, открываются центры, распространяющие соответствующие знания. В измененных состояниях сознания видят чуть ли не главное средство для преодоления фундаментального кризиса эпохи [53, с.43-51]. Многочисленные работы Станистава Грофа, пропагандирующие разработанную им с супругой методику «холотропного дыхания», а также прием психоделиков (ЛСД) были переведены на русский язык и получили сочувствие не только у рядовых читателей, но и у ряда исследователей. Так, известный отечественный синолог Е. А. Торчинов видит в обращении к неевропейским способам рефлексии и исследовании «измененных» состояний сознания основной путь обновления современной философии [194, с.26-27]. Отмеченные тенденции можно наблюдать и на региональном уровне. Так, в городах Хабаровске и Комсомольске-на-Амуре активно действует негосударственное учреждение дополнительного образования «Школа золотого цветка». В группах ведется обучение различным методам медитации, среди слушателей распространяются эзотерические знания и практики, проводятся публичные лекции.

В свою очередь мы считаем недопустимым использование наркотических препаратов, в том числе психоделиков для достижения измененных состояний сознания. Знакомству с восточными медитативными приемами должно предшествовать глубокое знание собственной культурной традиции в области личного духовного опыта. По ряду причин сложилась ситуация, когда большинство обывателей в той или иной степени осведомлены о существовании йоги, медитативных упражнениях, но совершенно не знакомы с практикой исихастов и основами православного «умного делания».

Проблема концептуальной совместимости сказалась и на изучении физиологических механизмов, лежащих в основе иглоукалывания. Это привело к созданию рефлексогенной теории, благодаря чему комплекс методов воздействия на биологически активные точки получил распространенное в России определение рефлексотерапии. Названная теория базируется на доминирующем мнении о решающей роли нейрогуморальных механизмов в процессах управления организмом. Официальная наука практически игнорировала собственно китайские представления о главенствующей регулирующей роли энергии ци и её циркуляции. Более взвешенный подход будет способствовать дальнейшему изучению этих процессов с активным привлечением аппарата биофизики и смежных дисциплин, что приведет к созданию целостной картины управляющих воздействий, проявляющихся в триединстве гуморальных, нервных и энергетических механизмов регуляции жизнедеятельности.

В руководстве по основам чжэнь-цзю терапии Овечкина А. М., выпущенном в 1991 г. 300 000 тиражом, под редакцией заслуженного деятеля науки РСФСР, профессора Вогралика В. Г. подчеркивается, что перед изучением китайской медицины полезно ознакомиться с классическими работами по даосизму, «Дао Дэ Цзином», «И Цзином», «Шу Цзином», а также работами современных исследователей, например с трудом Абаева Н. В., посвященным чань-буддизму. Автор уделяет основное значение собственно китайским традиционным воззрениям на физиологию и патологию организма, подчеркивая необходимость строгого соблюдения «фундаментальных законов и принципов традиционной китайской медицины», там же высказывается предположение о существовании «третьей регулирующей системы» [144, с. 20, 401]. Вопросы собственно рефлекторной теории чжэнь-цзю терапии он оставляет практически без внимания. В своем заключении Овечкин А. М. говорит о взаимодополнимости методов восточной и западной медицинских школ, тогда как проблема их согласования даже не ставится.

Возвращаясь к настоящему моменту, следует констатировать следующую ситуацию. Рефлекторная теория иглотерапии имеет весьма ограниченное практи-

ческое применение в России, так как составление рецепта требует глубокого знания китайских натурфилософских систем и умения ими оперировать в прикладной медицине. Так, при операционных разрезах кожи рекомендуется выбрать точку меридиана легких, а при операции на костях выбирают точку меридиана почек, потому что «почки управляют костями» [42, с. 24-25].

В сложившейся ситуации врач-практик оказывается перед непростой дилеммой. Или использовать готовые рецепты, приведенные в отечественных и китайских руководствах, или самостоятельно углубиться в изучение собственно китайских систем и овладеть традиционной методологией. Первый путь сравнительно прост, но малоэффективен, справедливо определить это как явление «фельдшеризма» по отношению к классической китайской медицине. Второй несет в себе опасность деформации мировосприятия и потери собственной культурной идентичности. Традиционные методы терапевтического воздействия тесно связаны с религиозными практиками Китая, в частности, с даосскими методами пестования жизни. Поэтому, не случайно в христианской печати высказывается озабоченность возможностью негативного влияния традиционных восточных практик на духовное развитие соотечественников [224, с. 97-125]. Появились призывы отказаться от их использования. В условиях повышения роли РПЦ в жизни общества эти взгляды могут стать дополнительным фактором, тормозящим интеграционные процессы.

Исследование процессов взаимодействия в медицине осветило проблему культурной совместимости в новом аспекте. Традиционная и современная медицина относятся к двум разным типам рациональности, в основе которых находятся противоположные мировоззренческие парадигмы. В более широком контексте данная проблема может быть определена как необходимость преодоления когнитивного диссонанса, вызванного конфликтом традиционной картины мира, основанной на ней мировосприятием и современной техногенной цивилизацией. В свою очередь, плодотворный синтез их методологических основ на новом этапе эволюции научного знания, способен восполнить наше понимание мира в целом.

Интеграционные процессы современности повышают взаимозависимость субъектов взаимодействия, в том числе и в культурной сфере. Запад играет исключительную роль в развитии цивилизации Нового времени, являясь значимым «иным» для культур, и России, и Китая. Сравнительный анализ двустороннего взаимодействия с учетом отношения к западной цивилизации способствовал выявлению близости ментальных структур наших народов, сходству в отношении к окружающему миру и соответствующих моделей поведения. Это позволяет надеяться на плодотворность и высокий потенциал развития дальнейших связей, в том числе в медицинской сфере. Актуальность взаимодействия двух терапевтических традиций несомненна, именно она диктует верные стратегии поведения ее участникам, которые решаются в рамках проблемно-целевого подхода. В то же время, эффективность культурных контактов в определенной мере обусловлена уровнем культурной компетенции субъектов деятельности. Во многом именно недостаточная культурная компетентность приводит к формальному использованию приемов китайской традиционной медицины в России. На наш взгляд, исправление ситуации в этой области позволит расширить пределы культурной совместимости, что окажет благотворное влияние на практическое здравоохранение. Анализу гуманитарного сотрудничества посвящен второй параграф следующей главы.

Региональная культура Дальнего Востока, развивающаяся на границе двух цивилизаций, уникальна для выработки эффективных форм сотрудничества между Россией и Китаем, создания общего языка двустороннего диалога и как следствие – появления нового в различных сферах общественного бытия. Наиболее наглядно это представлено в художественном творчестве региона, рассмотренном нами ниже.

Глава II. Сферы культурного взаимодействия в Дальневосточном регионе

§ 1. Взаимодействие культур России и Китая в художественной сфере

В настоящее время взаимодействие культур приобретает тотальный характер, захватывая в свою орбиту все сферы общественного и личного бытия, а также различные феномены культуры. Конкретность содержания и форм сотрудничества определяется характером участников взаимодействия, а также сущностными чертами культурных явлений.

Одним из наиболее плодотворных является диалог культур в художественной сфере. Искусство – тончайший камертон всего того, что происходит в целостности общественной жизни. На художественное творчество дальневосточников оказывают влияние те же факторы, о которых шла речь в первой главе: отдаленность от центра, пограничье и близкое соседство иной художественной традиции.

При этом следует отметить, что искусство не просто одно из средств формирования образа «другого». Сущность искусства, его эстетическая природа априори уменьшает дистанцию, разделяющую свое и «чужое». Факт реальности, став фактом искусства, снижает настороженность, опасность в отношении другого, сближает с ним.

Обращаясь к творчеству дальневосточников, формирующемуся в соседстве с Китаем, следует отметить, что главным его мотивом являются знаменательные для региона исторические события. Наиболее часто местные мастера обращаются к следующим темам: вооруженные конфликты – осада Албазинского острога, военные действия 1900 г. и русско-японской войны; подписание Айгуньского мирного договора; опыт освоения Маньчжурии и китайская ветвь русской эмиграции.

Достаточно остро отражены тяжелые реалии 90-х годов и роль приграничной народной торговли.

Встречаются примеры работ, которые следует охарактеризовать как ознакомительные. Мастера, всматриваясь в незнакомую культуру, быт и нравы соседнего народа через призму собственного мировоззрения и традиции, активно участвуют в формировании образа «другого». При этом необходимо подчеркнуть значение творчества как естественного процесса и обязательного условия синтеза и взаимного обогащения культур, вступивших в диалог на Дальневосточных рубежах нашей Родины.

Китайский фактор отразился на творчестве местных писателей. В качестве примера приведём рассказ Юрия Ефименко, опубликованный в журнале *Дальний Восток* – «Китаянка пела...». Повествование ведется от первого лица и лирическим героем в нём выступает сам автор с его настроением и переживаниями, что способствует достижению наибольшей эмоциональности и выразительности рассказа. Ю. Ефименко описывает случайно встреченную на берегу Жёлтого моря китаянку, принадлежащую к столь далекой русскому человеку цивилизации: «Какое великолепное лицо!.. Погруженное в века лицо с отзвуками далеко отсюда раскинувшихся земель и народов, некогда кипевших у подножия Великой китайской стены и клубившихся от Кореи до Джунгарии вместе с дымом бесконечных костров и пожарищ». Одновременно при чтении рассказа возникает поразительное чувство родственности. Так, вслушавшись в пение незнакомой китаянки, где звуки складывались в мелодию, а искренние чувства – в слова песни, главный герой – сценарист, снимающий авторские фильмы об этой стране, замечает: «...чем больше я вслушивался, тем приметнее, всё явственнее оно напоминало старинные и глубокие русские напевы, вытканые серебром и золотом человеческих страданий и надежд». В завершении произведения, услышанная героем песня китаянки становится для него «колыбельной... будущей любви» [68, с. 88-102]. Прочтение рассказа Юрия Ефименко приводит к тому, что добрый, полный чувства прекрасного душевный мир человека не только понятен другому без перевода, он даёт

ощущение духовной близости с людьми другой культуры, а также - гармонии собственного внутреннего мира.

Истории освоения Манчжурии, трагическим событиям русско-японской войны и восточной эмиграции посвящены работы члена Союза российских писателей, руководителя Амурского отделения Виктора Владимировича Рыльского. Очерк «На русском кладбище в Харбине» опубликован в литературно-художественном альманахе «Амур» (издательство Благовещенского государственного педагогического университета). В нём автор знакомит читателей с судьбами русских эмигрантов и их детей - Михаила Мятова и Владимира Зинченко. Виктору Рыльскому принадлежит повесть «Поездка в Япули». Композиционно она решена в виде путевого дневника поездки в Китай на телесъёмки. Автор рассказывает о местах пребывания русской делегации в провинциях Северо-Востока Китая: Хэйлунцзян, Гирин, Хэбэй, Ляонин; об официальных встречах; о русских эмигрантах и ритме харбинской жизни. Вспоминая исторические события, гордится трудом русских людей и с горечью пишет о том, что многое из того, что было ими создано, оказалось впоследствии утрачено.

Не менее интересен цикл стихов «Харбинская тетрадь» члена Союза писателей России, дальневосточного поэта и драматурга Нины Николаевны Дьяковой (г. Благовещенск). Читая строки стихотворения «Поэзия Ли Бо», невольно задумаешься о тайне живого диалога художников, разделенных целыми эпохами и столь существенными различиями культур. Н. Н. Дьякова – автор пьесы «Река любви», в котором нашли своё отражение события заключения Айгуньского договора. Премьера спектакля (режиссер - В. Г. Матвеев) состоялась в декабре 2003 г. в драматическом театре г. Благовещенска. Другому, основанному русскими поселенцами, городу Китая, бывшему Порту-Дальнему посвятил в 1992 г. свои стихи Олег Константинович Маслов, член Союза писателей России с 1981 г., поэт, прозаик, театральный критик, заслуженный работник культуры России [131, с. 133-134].

Тема любви к Родине и возвращения к своим истокам звучит в стихах благовещенского поэта Александра Баша (род.в 1955 г.). Китай выступает в нем как далёкая, заманчивая, но чужая альтернатива [19, с. 102]. Под влиянием близости к Востоку Александр Баш обращается к буддийской тематике. Буддизм является одним из трех религиозно-этических учений традиционного Китая. Проникнув в Поднебесную около двух тысячелетий назад, он был интегрирован в культуру этой страны, привнес в неё новые элементы и трансформировался сам. В 1997 г. на острове Большой Хэйхэ, расположенном между сопредельными городами – Благовещенском и Хэйхэ, был заложен буддийский Храм золотого закона (Цзиньфасы). Сейчас это действующий монастырь, в центральном дворике его установлена изготовленная столичными мастерами статуя бодхисатвы Гуаньин. С западной стороны за стенами храмового комплекса, на возвышении сооружен алтарь божествам Земли и гор, а с восточной – императору драконов, Белому и Черному драконам, а также бодхисатве Хранителя Закона [40, с. 67]. Остров служит местом активных двусторонних контактов. Именно здесь располагаются таможня, крупнейший в городе международный торговый центр, гостиница и парк. Храмовый комплекс – духовный форпост Китая и ближайший буддийский центр для жителей Приамурья.

В стихотворении Александра Баша «Поток» внимание сосредоточено на воспроизведении особого эмоционального настроения, душевных переживаниях и обретении внутреннего лада. Поэт подражает естественным ритмам водного потока, придавая большое значение интонационно-ритмической и фонетической организации стиха:

Я буду спокоен спокойствием утра.

Улыбкою Будды я буду лучиться...

Ритмическая основа сближает лирическое произведение с музыкальным. Через несколько строк следует своеобразная зеркальная реприза:

Я буду спокоен спокойствием Будды,

Улыбкою утра я буду лечиться.

Завершая стихотворение, автор достигает предельной выразительности благодаря приёму олицетворения, который как способ создания художественного образа возник ещё в эпоху доминирования мифологического мышления. Поэт воспринимает природу как живое, подобное человеку, начало. Более того, природный мир участвует в описываемых событиях совместно с лирическим героем:

Спокойствие утра улыбкою Будды

Накатит со звонниц серебряным комом,

и радость моя растворится повсюду,

сердца пробудив затихающим громом [20, с. 102].

В определенной мере можно утверждать, что знакомство с китайской культурой, реалиями жизни соседа, пробуждает лежащие в подсознании русского человека архетипы, в которых хранится опыт восприятия и переживания природы характерный для наших предков, тот опыт, который великолепно выражен Ф. Тютчевым в стихотворении «Не то, что мните вы, природа...». Общеизвестно, что китайская традиция отношения к природе характеризуется этим близким интимным чувством. Мы можем утверждать определенное созвучие ментальных черт русской и китайской души. Это еще один частный пример культурной совместимости.

История двухсторонних отношений России и Китая сложна и противоречива. Периоды дружбы и взаимопомощи между нашими народами не раз сменялись охлаждением и прямым противостоянием вплоть до вооруженных конфликтов, которые не могли не отразиться на творчестве народов обеих государств. Благо-

даря расширяющимся культурным контактам в искусстве двух стран актуализируются и проблематизируются новые темы и вопросы.

Переломная эпоха конца XIX – начала XX века памятна обеим державам выступлением ихэтуаней, возглавившим антиколониальное восстание в Китае. Начавшееся в Пекине и его окрестностях, оно распространилось на север, охватив Манчжурию и Монголию вплоть до реки Амур. Ихэтуани получили поддержку генерал-губернатора провинции Хэйлуцзян Шоу Шаня. По свидетельству очевидцев в Приамурье действовали уже не столько восставшие, сколько регулярные китайские войска. 2 июля 1900 г. по Благовещенску со стороны Сахалина (ныне г. Хэйхэ, КНР) был открыт беспорядочный орудийный и ружейный огонь. Областной центр и Амурская область были объявлены на военном положении, которое было отменено только 5 января 1902 г.

В обороне г. Благовещенска принимал участие молодой офицер, выпускник Иркутского юнкерского училища, Леонид Петрович Волков - воин и самобытный поэт, геройски погибший в бою 21 июля 1900 г. Трагические события лета 1900 г. отразились в работе нашей дальневосточной современницы Любви Антоновой. Она пришла в литературу из журналистики, в своей лирике следует принципам, рождённым и оформившимся в работе над документальной и художественной прозой. В 2000 г. в 22 номере литературно-художественного альманаха «Приамурье», завершающем XX век и второе тысячелетие, было опубликовано её стихотворное посвящение «Памяти Леонида Волкова». В нем есть такие строки:

«Сыплет полынь жёлтую пыль

В скучные дни уходящего лета.

Вчера, в неприметной деревне Ямынь

Разрывом снаряда убило поэта

...

Тайфун, оборвавший роз лепестки,

Через Амур перебросил листки.

Истерзанные, в крови и золе,

Лежат они на моём столе. [10, с. 45].

Амур в сознании дальневосточников выступал и выступает символом границы, разделяющим не только страны, но и культуры. Сегодня он приобретает новые культурные смыслы, на передний план выходит его объединяющая роль, способствующая сближению: «Тайфун, оборвавший роз лепестки, // Через Амур перебросил листки».

Стихотворение «Половодье на Амуре» Валерия Черкесова, члена Союза писателей России, посвящено сотрудничеству и помощи народу Китая [209, с. 15]. Перекликается с ним холст Бориса Трофимовича Горлача, члена Союза художников России «Так было. 1945.», написанный в 1997-2001 гг. На нём изображена торжественная встреча советских войск-освободителей в 1945 г. Массы китайского народа стекаются к походной колонне русских воинов, картина носит жизнеутверждающий, праздничный характер.

Не только события, отдаленные от нас поколениями, нашли отражение в творчестве дальневосточников. Тяжелой ситуации 90-х годов посвящены стихи поэтов г. Комсомольска-на-Амуре Анатолия Кабакова и Александра Лозикова. Китайский базар, челноки, меновая торговля, все эти реалии трудного для всей страны и дальневосточного края годов оживают на страницах их произведений. Продолжает эту тему картина Приамурского художника, члена Союза художников России - Петухова Олега Евгеньевича – «Хэйхэ-Благовещенск - дорога выживания» (2002. Холст, масло. 60x100). Очевидно, что отмеченный нами новый смысл Амура в произведении этого автора усиливается.

Труд и оптимизм амурских предпринимателей нашли свое воплощение в работе известного благовещенского скульптора Валерия Разгоняева. Официальное открытие нового памятника состоялось в конце мая 2008 г. в областном центре. Деньги на закупку материала и изготовление скульптурной композиции собрали предприниматели г. Благовещенска. Скульптура изображает типичного «челнока» - пионера трансграничной торговли - в образе постсоветского интеллигента, нагруженного весьма характерным баулом и большим чемоданом на плече. Установлен новый памятник в Благовещенске, у северного крыла Амурской ярмарки [142, с. 3].

В другом ракурсе увидел ту же действительность хабаровский художник А. Н. Левашов. В работе «Частные предприниматели» (Х. м., 2009 г.) знакомый каждому дальневосточнику сюжет сочетается с искренним сопереживанием автора людям, принадлежащим иной культуре, государству. На картине изображены трое китайцев-ремесленников, одетые в грубую, тёмную одежду, они вынуждены зарабатывать на жизнь в утлом самодельном сооружении. Ничего постоянного, определённого, надежда только на свои руки и случайную удачу. Художественные произведения способствуют утверждению в сознании людей понимания, что, выражаясь словами М. Ю. Лермонтова: «Все мы люди, все мы человеки».

Региональная культура, как уже отмечалось, складывается в процессе колонизации, когда приходящая культура входит в контакт с автохтонными традициями. На Дальнем Востоке до прихода русских первопроходцев жили многие народности, имевшие давние культурные связи с Китаем. Поэтому прослеживается его значительное влияние на культуру малых народностей региона. Так, в 2006 г. Еленой Глебовой в авторской редакции были опубликованы сказки и легенды коренных народов Приамурья. Среди них – «Невеста из далёкой страны», где повествуется о том, как местный богач, решив женить своего сына на богатой девушке, отправился с ним на поиски красавицы в далёкий Китай к императору. Другая сказка - «Живая вода для китайского императора» рассказывает о родстве народов Дальнего Востока и Поднебесной империи. Следует отметить красочные, вырази-

тельные иллюстрации дальневосточного художника Ильи Лиханова, сопровождающие повествование, в которых явно присутствуют элементы традиционной китайской пейзажной живописи (шан-шуи): огромные скалы, нависшие над водой; аркообразный мостик, соединяющий берега; беседка с изогнутыми к небу консолями и две, растворенные в окружающей вселенной, фигурки людей в лодке. Благодаря мастерству художника, рисунки воспринимаются не как дополнение, а как единое целое с текстом сказок, помогая более полному раскрытию его содержания.

Давнее и длительное соседство коренных жителей Приамурья с китайцами, на наш взгляд, объясняет наличие у них некоторых общих технических приёмов в декоративно-прикладном искусстве. Так, в работах китайских мастеров, вырезанных из бумаги и в работах нанайцев, эвенков, орочей, выполненных в той же технике, только в другом материале (береста), прослеживается та же изящность линий, воздушность узора, тонкость и удивительная точность выполнения. В качестве примера приведём триптих местного дальневосточного автора, члена Союза художников России Пассара Л. У. - «Сказание о нанайских родах» (Береста, вырезание, 2009 г., 25 x 20 см.). Здесь наряду с лёгкостью и хрупкостью работы наблюдается ритмичная расчленённость составных его частей и в то же время - ясное соединение их в одно целое композиции - уравновешенной, прозрачной, гармоничной в своём единстве, в чем явственно ощущается влияние китайской традиции.

Примером своеобразного творческого синтеза с использованием элементов и приемов культур коренных народов Дальнего Востока, Китая и России могут служить работы хабаровского художника Игоря Кравчука. Его новые произведения «Счастливый дракон», «Собачки Фу», «Драконова черепашка», «Бог богатства», «Дракон - символ успеха и богатства» заставляют ещё раз задуматься о глубоком родстве культур разных народов с их традициями, символикой, удаленных друг от друга и пространством, и временем. Изучая современные направления живописи и символику в изобразительном искусстве китайских мастеров, хабаровского художника Игоря Кравчука.

ровский художник создал работы, выполненные в технике коллажа, в которых каждому элементу присущ свой цвет, своя линия и форма. В работах Игоря Кравчука «Птица феникс», «Властелин тайги», «Черепаша», как и в названных выше его работах, заложен глубокий символизм, требующий высокого уровня духовной организации художника и особого подхода к изобразительному искусству, когда образное восприятие предваряет процесс рассудочно-теоретического постижения мира и непосредственного воплощения его в искусстве [202, с.120-123]. Художник считает, что одни и те же символы для многих народов имеют схожий смысл.

В связи с этим нельзя не вспомнить труд известного культуролога юнгианской школы Джозефа Кэмпбелла «Мифический образ», где он убедительно, на многочисленных примерах, раскрывает родство различных культур, фундамент которого видит в общности внутреннего опыта человека, проявленного в многовековой традиции его осмысления [109, с. 148-173]. Имеется целый ряд параллелей в культурных традициях наших стран. Например, один из любимых образов Китая - дракон, то появляющийся, то исчезающий в водной стихии и в облачном тумане. Он был зримым воплощением единства бытия и небытия, непрекращающихся метаморфоз вселенной. Не будет преувеличением утверждение, что этот образ неотделим от китайского самосознания. В то же время отношение к дракону носит двойственный характер и в Китае, и у других народов. В отечественной традиции дракон чаще всего олицетворяется как воплощение чужой, враждебной силы сказок или как древний змий, поверженный святым воином Георгием. Вместе с тем, народная память бережно сберегла и другой образ - дракона Ладона – священного животного богини любви Лели. В образе дракона, охраняющего яблоки Ирия, являлась мать Лели – Лада, в этом же образе являлась и сама Леля. Слова Лада, ладить, лад – однокоренные. Родное понятие «лад» близко гармонии, в то же время оно обладает собственной спецификой. Художник может нарушить гармонию, используя диссонанс как дополнительное выразительное средство, при этом упразднить сам лад невозможно, это создаст какофонию,

уничтожая саму музыку. Именно лад порождает согласие в гармонии связей вступающих в культурный диалог субъектов.

Интересен феномен 12-годового животного цикла китайского календаря. Китайская традиция имеет только сказочно-этическую, достаточно позднюю версию порядка следования священных животных, в то время как в ведическом календаре славян они соответствуют священным животным духов-покровителей месяцев года. Имена духов-покровителей часто одного корня с бытующими и ныне народными названиями месяцев. В последнее время восточный календарь получил широкую известность и распространение как на Западе, так и в России. Дальневосточный поэт Леонид Соловьёв использовал символику животного цикла китайского календаря в своих стихах [178, с. 40]. В то же время авторское семантическое наполнение традиционной символики в контексте этих произведений не совпадает с китайской интерпретацией. Такое противоречие вызывает особый художественный эффект.

Стилистическое влияние ближайшего соседа заметно в творчестве живописцев Дальнего Востока. Например в работах Вадима Викторовича Кондратьева, члена Союза Художников России (с 1989 г.), председателя Амурской организации Союза художников России (с 2001 г.), почётного члена Хэйлунцзянского Союза художников Китая. Сфера творческих интересов художника обширна: лубочная композиция, станковая, книжная графика, промышленный дизайн, живопись. В. В. Кондратьев в совершенстве владеет различными графическими техниками. Для его графики характерны лиризм и почти детская непосредственность образов, которые выражаются в очаровательных фантазиях автора. Примером может служить «Золотая рыбка» (сухая игла, 12 x 10 см., 1985 г.).

На персональной выставке работ В. Кондратьева «Возвращение домой», посвященной 25-летию творческой деятельности художника на Амурской земле, открытой в г. Благовещенске в декабре 2009 г., были представлены 3 листа серии «Китайский дневник» (Бумага, офорт, акварель. 65 x 50. 2003 г.). Лист I –

Влюблённый воин; Лист II – Дары императору; Лист III – Над вечностью. В своей работе автор использовал некоторые из многочисленных художественных приёмов, характерных для китайской живописи. Среди них, прежде всего обращает внимание на себя следующие.

Сложная многоплановость композиции. В серии «Китайский дневник» способ изображения отличен от классического европейского, который строится по принципам линейной перспективы, когда дальние объекты уменьшаются относительно переднего плана. Европейский пейзаж – это часть природы, которую видит художник в рамках охвата зрением. Китайские живописцы воспринимают и передают пейзаж как воплощение грандиозного космоса, пребывающего в гармонии с личностью. Они прибегают к многоплановой композиции, традиционно располагая самый дальний объект выше предыдущего, благодаря чему их пейзажи смотрятся более объёмно. Отмеченная особенность прослеживается в композиционных решениях «Китайского дневника» В. Кондратьева, например, в картинах «Дары императору» и «Над вечностью». Для передачи пространства художник использовал приём рассеянной перспективы, характерный для китайской живописи – каждая часть листа написана им с особым центром, точка отсчёта перемещается, на разные элементы картины глаз смотрит, меняя место. Соединение нескольких точек зрения в одном листе даёт зрителю ощущение другой духовной реальности, отличной от чувственной.

Символизм. Традиция изображения природы, где горы и воды – два определяющих элемента в китайском пейзаже, с древних времён связана с её религиозно-философским пониманием. Горы, вершинами уходящие в небо – это активное, мужское начало ян, а вода, мягкая и податливая – инь. Поэтическое толкование образов, проникнутых национальной этической символикой, способствовало просветлению и очищению зрителя, решая задачи нравственного совершенствования личности. Скрытый смысл прослеживается во всём. Эта древняя символика стала основой традиционных приёмов китайских художников. Они, в отличие от европейских, не писали с натуры, не совершенствовались на пленэре, но с особым

вниманием, тщательностью и терпением изучали каждый объект природы во всех проявлениях задолго до того, как приступить к изображению его на картине. Китайской живописи характерна передача частного, конкретного не в его собственной ценности, а как связь со всеобщим, универсальным. В описываемой работе В. Кондратьева (2-й и 3-й листы серии) на заднем плане присутствуют стилизованные элементы классического китайского пейзажа «шань-шуй» (горы и воды), в которых наблюдаем не точно прорисованные детали, а определенное указание на них.

В китайском символизме особое место отводится эстетическому культу «четырех благородных» цветов. Это орхидея, дикая слива - «мэйхуа», бамбук и хризантема, которые традиционно являлись воплощением определённого духовного начала, находящего основание в свойствах самого растения. Большая распространённость живописи сливы в Китае объяснялась философским содержанием, заложенным в ней, её поэтической интерпретацией и особенно общенациональной этической символикой. Подобно бамбуку, слива символизирует благородную чистоту, стойкость, негибаемость, т.к. её живые соки сохраняются и в лютый мороз. Поэты – патриоты нередко обращались к символике сливы для выражения идей стойкости, независимости и одновременно чистоты. Изображение В. Кондратьевым цветущих ветвей сливы в картине «Влюблённый воин» (лист I) не случайно. Автор, следуя традициям китайских живописцев, вводит зрителя в иную область восприятия, когда романтически-эфемерное чувство влюблённости ощущается им реально.

Синтез живописи и искусства каллиграфии. Это уникальный феномен в культуре Китая. Литературное начало было свойственно китайской живописи всех времён. В Китае даже сложилось представление о том, что картину без литературной, поэтической надписи на ней, каллиграфически исполненной, следует считать незавершённой, не состоявшейся. В любом произведении, будь то пейзаж или изображение цветов и птиц, всегда заложен богатый поэтический подтекст, понятный посвящённому зрителю. Ещё в IX в. Чжан Юань, автор работ по теории

искусства, писал: «Когда не могли выразить мысль посредством живописи – писали иероглифы, когда не могли выразить мысль посредством письменности – писали картины» [41, с. 108]. Одна из причин этого феномена коренится в исторически сложившейся близости художественно-выразительного языка живописи и иероглифа. В китайской культуре культ письменного текста, благоговение перед письменным знаком было присуще с древности, поэтому орудия труда писца-каллиграфа, так называемые «четыре драгоценности кабинета учёного», были не просто приспособлены для фиксации мысли, их почитают как предметы, причастные к высшему началу. В древности границы каллиграфического иероглифа и живописного изображения нередко были нечёткими. Сама живопись воспринималась особым текстом, а художественно исполненный иероглиф – картиной. Оба эти искусства в органичной взаимосвязи выполняли свою функцию по этическому и эстетическому воспитанию.

И в настоящее время внесённая в картину каллиграфически исполненная надпись сообщает, растолковывает, выговаривает нечто важное, непосредственно касающееся смысла картины, её «идеи». Однако ошибочным было бы представление, что каллиграфия только сопутствует живописи, является неким дополняющим комментарием к ней. Она существует как самостоятельный вид искусства, неся в себе элемент изобразительности и декоративности. В «Китайском дневнике» В. Кондратьева композиционной основой каждого листа являются художественно выполненные иероглифы. Художник включил их в работу, найдя то равновесие, тот единственный, соответствующий сюжету картины каллиграфический стиль, который не нарушил гармонию, а органично соединившись с живописью, стал неотъемлемой частью общего замысла.

Цветовая символика – это так называемые «пять цветов», являющихся нормативной и универсальной для художественной культуры Китая цветовой гаммой, состоящих из следующих цветов: желтого – для Центра, синего – для восточной зоны, красного – для южной, белого – для западной и черного – для северной зоны. Как свидетельствуют археологические материалы, данная цветовая гамма

окончательно утвердилась в иньскую эпоху. В соответствии с указанными ассоциативными значениями пространственно-временных зон каждый из «пяти цветов» имеет собственное смысловое значение. В картинах В. Кондратьева доминирует желтый цвет – символ верховной власти, государственного начала и национальной самобытности Срединной империи.

Мифологичность сюжета также является одной из характерных черт традиционной живописи Китая. В картине «Над вечностью» русский автор изобразил парящую на облаках, над Великой стеной, бодхисаттву. «Плывущие облака» в работах китайских художников - аллегория жизненного пути, и одновременно вершина свершений земного бытия как отдельного человека, так и общества в целом.

Интересен опыт творчества Леонида Кильчанского, выпускника Дальневосточного института искусств. Приглашенный в Институт искусств при Харбинском педагогическом университете для обучения китайских студентов основам русской живописной школы он регулярно посещал лекции проректора института, известного китайского художника Го Гуй Мина. На его занятиях Л. Кильчанский постигал технику «го-хуа». В этом стиле им было написано около ста работ, 20 из которых были представлены на взыскательный суд китайского зрителя на его персональной выставке в Харбине. На экспозиции в 2002 г. в Благовещенске выставлялось полотно с традиционным для Китая изображением бамбука – символа стойкости и презрения к жизненным перипетиям, под названием – Навеянное китайскими мотивами.

В процессе расширения культурных связей - обмена специалистами, двусторонних творческих встреч, проведения выставок и непосредственного общения с жителями Поднебесной - одни художники Приамурья изучают и используют в своих работах традиции, символику и приёмы китайских мастеров изобразительного искусства, другие передают впечатление от поездки в соседнюю страну. Передача впечатления это субъективная художественная эмоция, обусловленная художественным знанием и опытом.

Так, художник из Владивостока Евгений Евгеньевич Макеев после поездки в Китай создал триптих «Автопортрет на фоне Великой Китайской стены» (Бумага, смешанная техника, 2009 г.). Творческий стиль и личность художника позволили сделать острые, в какой-то мере парадоксально окрашенные, но содержащие рациональное зерно, картины триптиха. В каждом его листе - новое прочтение автором жизненного пространства, его духовную сущность определяет образный язык изображения. Существует два вида автопортретов. В одних показан внешний вид художника, в других – внутренний, где автор как бы исповедуется перед зрителем. Впечатления Е. Макеева остры, неожиданны, он приходит к нестандартному решению формы и цвета, чтобы передать не столько то, что видел в Китае, сколько размышления над собой, собственные сомнения, внутренние искания. В «Автопортрете на фоне Великой Китайской стены Е. Е. Макеева нет и тени самодовлетворённости, в работе чувствуется напряжённость жизнеощущения и настороженность к своей судьбе – то, что, как правило, отражают автопортреты в пору кризисных явлений.

Впечатления от посещения города Харбина, центра пров. Хэйлунцзян, передали в своих полотнах художники из г. Владивостока. На Десятой региональной художественной выставке «Дальний Восток 2008» экспонировались работы Козьминой Лидии Александровны (род.в 1964 г.) – «Харбинский дворик» (Х., м. 60 x 100) и Подскачина Олега Валентиновича (род. в 1958 г.) – «Опоздавшие на поезд. Харбин» (Х., м. 130 x 200). Член союза художников Семенихин Евгений Васильевич (род.в 1966 г.) по соглашению с руководством провинции Хэйлунцзян долгое время преподавал живопись в Харбинском государственном художественном университете, в настоящее время доцент кафедры художественных дисциплин Амурского государственного университета. Свои впечатления о городе он воплотил в картине «Старый Харбин» (2001. Х., м. 40x60). Другая тематическая работа члена Союза художников России Попова Сергея Анатольевича (род. в 1956г.) «В Маньчжурии» (2002. Х., м. 90x110) передаёт суровую обстановку далекого края – сопки, замерзшая земля, конные казаки и русские избы на заднем плане. Истори-

ческая тематика, отражающая судьбоносные события взаимоотношений России и Китая на дальневосточных рубежах, является содержанием живописных работ хабаровского художника А. А. Сучкова, находящихся в экспозиции Амурского областного краеведческого музея им. Г.С. Новикова-Даурского: «Первые поселения русских на Амуре в XVII в.» и «Осада Албазина маньчжурами». Второе полотно (Х., м. 250 х 580, 1988 г.) воссоздает события лета 1865 г., когда Албазинская крепость была осаждена маньчжурским войском.

Необходимо отметить явление символизации, значимых для конкретной общности исторических образов в культурном пространстве региона. Таким примером для Дальнего Востока стала личность графа М. М. Муравьева-Амурского, олицетворяющая державную решимость справедливого решения пограничных вопросов, заботы о населении края и твердой воли в достижении поставленных целей. Именно в этом контексте необходимо рассматривать перезахоронение останков первого губернатора новых земель в 1990 году во Владивостоке, сооружение памятников в Благовещенске и Хабаровске, переименование улиц городов и площадей, появление его образа на денежных знаках.

Подобное явление распространяется и на географические образования. Так, остров Даманский, стал символом нерушимости рубежей и мужества советских пограничников. В боях 2 и 15 марта 1969 г. по официальным данным потери советской стороны составили 152 человека, 58 из них - безвозвратные. Вместе с тем, это обстоятельство было проигнорировано при заключении демаркационных соглашений. Формально верное решение о передаче острова КНР противоречит знаковому значению этой территории для культурной среды региона и государства в целом. С точки зрения сопредельной стороны передача Даманского Китаю может быть охарактеризована как «потеря лица» Россией и подтверждение справедливости территориальных претензий партийного и государственного руководства КНР. Ю. М. Лотман подчеркивал функциональное значение символа как «отчетливого механизма коллективной памяти», нивелирование его способно негативно

повлиять на целостность восприятия собственной истории, культурную среду региона и механизмы психологической защиты его населения [118, с. 159].

Фактор соседства с Китаем оказывает заметное влияние и на архитектуру городов Приамурья. Л. Е. Баклыская приводит многочисленные примеры освоения восточных знаков и приёмов русскими зодчими [14, с. 11-16]. Возведенный в одном из благовещенских микрорайонов парк «Дружба» формирует панораму на въезде в областной центр со стороны Новотроицкого шоссе. Он выполнен в китайском стиле, с использованием «летающих» кровель с изогнутыми кверху консолями, имитацией системы доу-гун на павильонах, круглых арок, садовых беседок и других малых архитектурных форм, характерных для китайского традиционного паркового строительства.

Исследователи Юст М., Коробий Е. Б. считают, что Китай напрямую влияет на архитектуру и облик областного центра. При этом они отмечают не только позитивные, но и негативные явления этого процесса. Так, новые постройки, в основном в исторической части города, выполненные китайскими строительными организациями, не адаптированы к архитектурной среде города, а многочисленные фасады ресторанов китайской кухни зачастую не вписываются в его ландшафт [225, с. 514-519]. В последнее время новым направлением для решения конструктивных задач в современной архитектуре стало изучение норм китайской геомантии - фэн-шуй [47, с. 323-326].

В истории мирового музыкального искусства фактор межкультурного взаимодействия всегда играл важную роль. Глобальный контекст межкультурной коммуникации в истории музыки демонстрирует обращение западных композиторов к Востоку. В XVIII - XIX веках оно носило характер экзотического увлечения. Ситуация меняется в XX веке, когда обращение к Востоку переходит на уровень сложных семантических конструкций. В произведениях различных музыкальных направлений и жанров Китай предстаёт как особый мир культуры. Музыкальный диалог обретает многогранный характер, охватывая и авангардные на-

правления, и молодежную субкультуру. Специалисты обращают внимание на «эксперименты» со звуком в таких направлениях, как конкретная музыка, алеаторика [221, с. 162]. Созвучность менталитету традиционных культур Востока, в том числе и Китая, отчетливо реализуется в рок-стилистике. Примером может служить творчество Б. Гребенщикова («Гуман над Янцзы»). Не случайно его авторским вечером открылась серия мероприятий, приуроченных к Году русского языка в Китае в Центре русского языка при Пекинском университете иностранных языков. Подобное влияние сказывается на исполнительном творчестве художественных коллективов региона.

Даже краткое знакомство с опытом взаимодействия русской и китайской культур в художественной сфере позволяет сделать некоторые выводы. Эффективность и широта контактов, использование русскими деятелями искусства стилистических приемов и форм китайского искусства обусловлено глубинным созвучием ментальных структур этих культур. Однако культурная дистанция не снимает принципиальных отличий между представителями наших культур. Как бы глубоко русский художник не проник в особенности культуры соседа, он не перестает быть представителем собственной культуры. Стало быть, существуют пределы заимствования, которые определяются разными эстетическими парадигмами русской и китайской культур. Но их взаимодействие приводит к появлению новых форм художественного языка, которые позволяют выработать новый взгляд на окружающую действительность.

Благодаря взаимодействию увеличивается тематическое разнообразие художественной практики. Общение с произведениями, в которых создается образ другой культуры, способствует большему пониманию «иного», что, в свою очередь, стимулирует расширение пространства контактов и взаимодействия. Снимая выработанную традицией настороженность к другой культуре, искусство невольно способствует заимствованию элементов другой культуры в различных областях гуманитарного сотрудничества, о чем пойдет речь в следующем параграфе.

§ 2. Гуманитарное сотрудничество в дальневосточной региональной культуре: современность и перспективы

Культурный обмен между представителями России и Китая в исследуемый период осуществлялся на всех уровнях. Повсеместные стихийные контакты жителей дополнялись обменов специалистами в области культуры, науки, образования, здравоохранения, туризма и спорта на основе двусторонних и многосторонних соглашений между заинтересованными организациями. Процесс этот практически полностью находился в компетенции руководства этих организаций, был мало координирован, зачастую носил эпизодический характер. Вместе с тем, целому ряду организаций и учреждений культуры удалось установить прочные связи со своими партнерами в КНР.

Официальные контакты в области культуры начали осуществляться преимущественно по линии местных органов власти, на основе безвалютного обмена, иногда при участии отделений Общества советско-китайской (позднее российско-китайской) дружбы. Регулярные гуманитарные контакты проходили и в рамках соглашений о побратимских связях. С начала 2000-х годов эта сфера сотрудничества привлекла внимание центральных властей, чему способствовало заключение Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой. В совместной декларации РФ и КНР, принятой президентом В. В. Путиным и Председателем Ху Цзиньтао 14 октября 2004 г. в Пекине, «расширение гуманитарных и общественных связей» отнесено к одной из важных составляющих содержания «российско-китайских отношений стратегического взаимодействия и партнёрства» [168, с.80]. Утвержденный главами государств совместный план действий по реализации Договора на 2005-2008 гг. содержит целый раздел, посвященный гуманитарному сотрудничеству. В сфере образования предусматривалась взаимная поддержка изучения китайского и русского языков; продолжение работы по созданию совместных аспирантур; содействие прямым обменам между российскими и китайскими школами (с препода-

даванием китайского и русского языков соответственно); совершенствование практики организации ежегодного отдыха учеников школ на паритетной основе в первую очередь в приграничных регионах и др.

Документ предусматривает развитие культурных обменов, укрепление сотрудничества в области телерадиовещания и кинематографии, проведение на регулярной основе «месяцев и недель культуры», кинофестивалей, книжных выставок. Планировалось осуществить совместное издание в России иллюстрированной энциклопедии по китайскому искусству и в Китае - по русскому языку. Предполагался обмен как творческими коллективами (хоровыми, танцевальными, фольклорными, инструментальными, театральными), так и отдельными исполнителями. Выражалось намерение развивать сотрудничество в области изобразительного искусства (не только обмен делегациями и выставками, но и проведение мастер-классов). Предусматривалось развитие непосредственного сотрудничества между учреждениями культуры наших государств и даже налаживания диалога и сотрудничества между ведущими религиозными конфессиями России и Китая [168, с. 103-105].

В начале 2006 года председатель КНР Ху Цзиньтао и президент России В. Путин направили друг другу поздравительные телеграммы, провозгласив начало проведения Года России в Китае, что стало официальным открытием "национальных годов". В рамках двух "национальных годов" было проведено более 500 мероприятий в различных областях: политической, экономической, культурной, военной, образовательной, научно-технической и т.д. Главы государств, приняли личное участие соответственно в церемонии открытия "Года России в Китае", состоявшейся в Доме народных собраний (2006), и в церемонии открытия "Года Китая в России", проведенной в Кремлевском дворце (2007). Оба они дали высокую оценку мероприятиям в рамках "национальных годов", считая, что взаимное проведение таковых является новаторством в истории двусторонних отношений. В связи с огромным резонансом "национальных годов" Китай и Россия пришли к единодушному мнению о необходимости регулярного проведения таких важных

гуманитарных мероприятий, которые имели место в 2006 и 2007 годах. В выступлении консула по науке и технике Генерального консульства КНР г-на Лю Чжичжуна в Хабаровске было ещё раз подчеркнуто их стратегическое значение. Им было отмечено, что национальные годы не имеют аналогов по масштабности и насыщенности мероприятий [39, с. 101-102]. Учитывая позитивный опыт проведения национальных годов, 2009 год был объявлен Годом русского языка в Китае, а 2010 – Годом китайского языка в России. Высоко оценивая роль этого проекта в Совместном заявлении Российской Федерации и Китайской Народной Республики пункт 12, стороны выразили «готовность продолжить расширение культурных обменов и сотрудничества между двумя странами» [176, с. 6].

Одним из наиболее интенсивно развивавшихся направлений сотрудничества в изучаемый период стало взаимодействие в сфере изучения китайского и русского языков. С одной стороны, на рубеже 80-х и 90-х годов XX в., в пору быстрого развития экономических связей, обнаружилась острая нехватка переводчиков и в России, и в Китае, с другой - язык стал рассматриваться как средство ознакомления с культурой ближайшего соседа [140, с.116-119]. В 1990 г. отделение китаеведения восточного факультета ДВГУ г. Владивостока, старейшего синологического центра на Дальнем Востоке России, трансформировалось в факультет. Число студентов, изучающих китайский язык в университете (включая студентов невостоковедческих специальностей), быстро росло и к концу 90-х приблизилось к полутысяче. С сентября 1999 г. ДВГУ по решению Госкомитета по делам образования КНР стал базой создания второго в России центра по приему экзаменов на уровень знаний китайского языка как иностранного [112, с. 194].

Одновременно с этим происходил процесс формирования новых центров подготовки китаеведов в высшей школе региона. В 1989 г. Уссурийский педагогический институт начал подготовку преподавателей китайского языка. Несколько позднее китайский язык стали преподавать в техническом университете (с 1995 г.) и университете экономики и сервиса (с 1996 г.) города Владивостока. Готовить переводчиков китайского языка начал факультет восточных языков дальнево-

сточного государственного гуманитарного университета г. Хабаровска [92, с. 272]. В г. Благовещенске Амурской области китайский язык преподается в педагогическом университете и Амурском государственном университете (АмГУ). Преподавание китайского языка в АмГУ ведется с 1994 года, когда в составе Кафедры общей филологии было создано китайское отделение. В 1996 году в университете была образована Кафедра китаеведения. В настоящее время её штат насчитывает 14 человек. Кафедра подготавливает по специальности "Регионоведение (востоковедение)" со специализацией "китаеведение", где обучается более 50 студентов. Кроме того, кафедра китаеведения обеспечивает языковую подготовку (практический курс китайского языка) более чем 150 студентов, обучающихся по специальностям "референт-переводчик", "международные отношения", "международный бизнес и туризм", "экономика и финансы". Ведется активная научно-исследовательская работа. Основная кафедральная научная тема - "Исследование китайской цивилизации, культуры и языка", в рамках которой выполняются исследования по нескольким научным направлениям - лингвистика, история философии, история идеологии. Одной из важных научных задач, которую решают преподаватели кафедры, является реконструкция ранней истории китайской национальной религии - даосизма. У кафедры налажены прочные связи со старейшим центром университетского китаеведения - Восточным факультетом Санкт-Петербургского государственного университета, а также с Пекинским университетом и с Пекинским политехническим университетом. Студенты-китаисты имеют возможность проходить языковую стажировку в ВУЗах КНР и послевузовскую подготовку в крупнейших центрах университетской синологии. На Кафедре действует студенческое научное общество, в рамках которого студенты углубляют свои знания в области китайской истории, культуры и языка.

В г. Комсомольске-на-Амуре с 2003 г. ввели преподавание китайского языка в качестве второго иностранного на факультете лингвистики и культурологии КнАГТУ [44, с. 25]. В вузах региона была сформирована собственная методическая база подготовки переводчиков, в то же время одной из самых неболевших

проблем преподавания китайского языка в России по мнению многих авторов остаются этнопсихологические особенности и национально-культурная специфика, которые проявляются в речевом общении китайского народа [32, с. 163].

База для изучения китайского языка и культуры создавалась и в сфере школьного среднего образования, формировались классы с углубленным изучением китайского языка. Интересен опыт организации школьного чайного клуба в целях воспитания национальной толерантности у учащихся общеобразовательной школы [25, с. 63-67]. Появились многочисленные частные образовательные центры, в которых ведется преподавание китайского языка разным возрастным группам.

В связи со сказанным выше необходимо осветить деятельность Институтов Конфуция (ИК) как пример рационального подхода в культурной политике правительства КНР, направленного на интеграцию китайской культуры в мировое культурное пространство и экспансию собственных культурных ценностей. Институт Конфуция - сеть культурно-образовательных центров, создаваемых Китайским государственным комитетом по распространению китайского языка за рубежом совместно с заграничными синологическими центрами. Декларативная миссия институтов - содействие росту понимания Китая и китайской культуры во всем мире, развитие дружеских взаимоотношений КНР с другими странами. Обучение в Институтах Конфуция ориентировано на специфику сотрудничества с Китаем. В объявленные задачи институтов входит: организация курсов китайского языка и культуры; проведение научных конференций, конкурсов и других мероприятий; консультации по обучению в КНР; предоставление справочной литературы по Китаю для работающих в сфере образования, культуры, туризма, международной торговли и бизнеса; студенческие стажировки в Китае.

Первый Институт Конфуция был открыт в 2004 года в Сеуле. По состоянию на апрель 2009 года в мире действуют 328 институтов Конфуция. По оценкам Совета по международному распространению китайского языка (сокращенно -

Ханьбань, г. Пекин, КНР) в мире насчитывается более 40 миллионов человек, изучающих китайский язык. К 2020 г. Ханьбань планирует довести общее количество институтов до 1000.

В России существует тринадцать Институтов Конфуция, два из них в дальневосточном регионе. Первый в Сибири и на Дальнем Востоке РФ Институт Конфуция был основан в соответствии с межправительственным Соглашением от 14 октября 2004 г. и Соглашением, заключенным между канцелярией Государственного департамента КНР по распространению китайского языка за рубежом (Ханьбань) и Дальневосточным государственным университетом (ДВГУ) от 21 декабря 2006 г. при участии Хэйлунцзянского университета (КНР, г. Харбин) в качестве структурного подразделения ДВГУ. Открытию ИК предшествовало создание в 2000 г. на базе факультета китаеведения Восточного института ДВГУ регионального Центра китайского языка ДВГУ (ЦКЯ ДВГУ). Предложение об организации данного центра на базе ДВГУ предварительно обсуждалось с высокопоставленными представителями руководства КНР — Председателем Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) КНР Ли Пэном, вице-премьером КНР Ли Ланьцинем, президентом академии социальных наук КНР Ли Тэином. С 2003 г. ЦКЯ ДВГУ, совместно с факультетом китаеведения Восточного Института ДВГУ, в рамках Соглашения с Государственным департаментом КНР по проведению квалификационного экзамена по китайскому языку, на базе Центра китайского языка был создан Центр проведения экзамена HSK, который ежегодно организует и проводит экзамен по определению уровня владения китайским языком. Созданы уникальные учебники и учебно-методические пособия по китайскому языку для средних школ «Китайский язык. Новый старт» и для ВУЗов — «Китайский язык. Новый объект». В их разработке принимали участие профессорско-преподавательский состав Хэйлунцзянского университета и кафедры китайской филологии Восточного института ДВГУ. Учебники и пособия были лицензированы, а их издание было профинансировано канцелярией Государственного департамента КНР по распространению китайского языка за рубежом. ЦКЯ ДВГУ, при

поддержке Ханьбань, начал организовывать курсы повышения квалификации для учителей китайского языка школ и преподавателей высших учебных заведений Дальнего Востока и Забайкалья. При поддержке китайской стороны была создана библиотека центра, включающая в себя почти 1000 экземпляров книг на китайском языке по различным отраслям гуманитарных знаний, справочных изданий и словарей, классики китайской литературы.

В 2007 г. успешно проведен X-й ежегодный региональный конкурс китайского языка и VI-й отборочный тур всемирного конкурса по китайскому языку среди студентов «Китайский язык — это мост» в Пекине. В течение пяти последних лет 12 участников конкурса ежегодно направлялись на 3-х недельную стажировку в КНР и недельную экскурсию в столицу Китая.

ЦКЯ ДВГУ стал активным участником международной программы по работе с волонтерами — преподавателями китайского языка из КНР, которая была направлена на поддержку их образовательной деятельности в средних и высших учебных заведениях Дальневосточного региона. За 3 последних года количество волонтеров — участников данной программы увеличилось с 3-х до 15-ти человек. Следует особо отметить участие центра в организации и проведении переговоров на различных уровнях, в образовательной и научно-исследовательской деятельности ДВГУ.

За 2007-2008 учебный год в ИК ДВГУ по разным программам прошли обучение 258 слушателей, из них: 109 — по основным уровням (базовому, начальному и среднему) курса «Практический китайский язык», 108 — по вспомогательным (в том числе на курсах подготовки к экзаменам HSK и YCT); 21 — по вводному курсу каллиграфии, 20 — по традиционной гимнастике тайцзицюань.

Институт Конфуция ДВГУ принадлежит к числу трёх образовательных центров России, где проводятся квалификационные экзамены по китайскому языку HSK. Количество желающих сдать экзамен HSK в Институте неуклонно растет. Их число увеличилось с 96-ти человек в 2006 году до 213-ти — в 2008. В мае 2008

г. был создан филиал Центра сдачи экзамена HSK ИК ДВГУ в Дальневосточном государственном гуманитарном университете (г. Хабаровск), проведены первые экзамены, которые успешно сдали 52 человека.

В мае 2008 г. ИК ДВГУ были организованы экзамены YCT («Детский HSK») для обучающихся в средней общеобразовательной школе № 9 г. Владивостока с углубленным изучением китайского языка и школьников из школы № 63. Данные экзамены стали первыми в России и вторыми (после Республики Корея) в мире. Всего в этот день экзамен по программе YCT сдали 26 человек. ИК ДВГУ регулярно проводятся конкурсы и олимпиады на знание китайского языка и культуры.

Помимо языковой деятельности Институтом Конфуция организованы курсы по традиционной гимнастике тайцзицюань стиля Чэнь, которые ведет известный в ряде стран мира мастер этого искусства, профессор Лю Гуанлай.

Заслуживают отдельного упоминания организация конкурса по китайскому сценическому творчеству среди студентов Восточного института ДВГУ (4 мая 2007 г.); II-го Приморского краевого конкурса по каллиграфии (октябрь 2007 г.). Одна из победительниц XI-го регионального конкурса по китайскому языку среди студентов ВУЗов Дальнего Востока и Забайкалья (4 мая 2008 г.), студентка ДВГУ Евгения Надежкина вошла в число призеров всемирного конкурса по китайскому языку среди студентов «Хань Юй Чиао» в 2008 г., в котором приняли участие 110 представителей 55 стран. В ДВГУ проводится большая работа по повышению квалификации учителей и преподавателей китайского языка. В первой половине 2008 г. здесь были проведены методический семинар на тему «Актуальные вопросы преподавания китайского языка как иностранного» (28-30 января) и круглый стол на тему «О состоянии, развитии, перспективах преподавания китайского языка в Приморском крае» (23 апреля). В них приняли участие, в общей сложности, 79 учителей и преподавателей китайского языка высших и средних учебных заведений Приморского края, а также представители департамента образования и

науки Приморского края и комитета по общему и профессиональному образованию Администрации г. Владивостока. Успешно реализуются программы повышения квалификации учителей и преподавателей китайского языка на базе высших учебных заведений КНР, в которых приняли участие 139 специалистов.

В 2008 г. в ИК ДВГУ начал действовать Центр переводов, чьи услуги пользуются все большим спросом государственных учреждений, предприятий и организаций различных форм собственности, частных лиц.

В областном центре Амурской области Институт Конфуция был организован на базе Благовещенского государственного педагогического университета. Занятия в нём начались с 15 октября 2007 г. В 2008 г., в связи с празднованием 150-летнего юбилея Амурской области, в г. Благовещенске была проведена международная конференция «Приамурье – форпост России в АТР», в которой приняли участие более ста человек. Среди них - ученые из КНР: Цзан Ин – заместитель директора Института Конфуция (на базе БГПУ), сотрудники Хэйхэского государственного педагогического университета пров. Хэйлунцзян Се Чуньхэ и ПаньХуа с докладом «Анализ влияния, оказанного русскими эмигрантами, на историю и культуру китайцев в верховьях реки Хэйлунцзян». Подводя итоги проведения конференции, начальник отдела научной информации и использования документов ГУ Амурской обл. «Государственный архив Амурской области» М. Л. Алексеенко отметил: «Участники конференции подтвердили целесообразность и необходимость проведения подобных международных конференций и в дальнейшем с целью обмена опытом и координации усилий в сфере изучения документов по истории Приамурья, являющихся неотъемлемой частью культурно-исторического наследия России» [7, с. 7].

С марта 2009 г. в Институте Конфуция БГПУ были открыты курсы каллиграфии. 18 июня 2009 г. в ИК БГПУ состоялся мастер-класс по древнекитайскому искусству вырезания из бумаги "Цзяньчжи". «Цзяньчжи» – один из видов тради-

ционного народного декоративно-прикладного искусства Китая, который недавно был отнесен ЮНЕСКО к числу мирового культурного наследия.

Нельзя обойти вниманием и появление Ежемесячного иллюстрированного журнала на русском языке «Партнёры». Орган Пресс Канцелярии Народного правительства пров. Хэйлунцзян, директор и главный редактор Сюй Шимин, ответственный секретарь - Ван Сяодань, главные переводчики – Линь Байчунь и Цзян Гоцян. КНР, г. Харбин, Издательство «Хэйлунцзян Жибао». Журнал повествует о китайской культуре, жизни общества, разносторонним связям с Россией.

Сотрудничество в сфере образования и науки играет существенную роль в культурном диалоге России и Китая. В конце XX – начале XXI в. использовались следующие его формы: обмен делегациями, научной литературой и периодическими изданиями, организация и участие в международных конференциях и симпозиумах, зарубежные командировки и стажировки ученых, преподавателей и студентов вузов, освоение мировых инновационных программ и технологий. В работе научной конференции «Новое видение культуры мира в XXI веке», проходившей во Владивостоке в 2000 г., принял участие представитель Генерального консульства КНР в РФ Ши Юнь Сяо с докладом «Новая языковая ситуация в России и её влияние на преподавание русского языка китайским студентам вне языковой среды». [217, с. 361-362]. Амурский государственный университет г. Благовещенска регулярно проводит конференции «Россия и Китай на дальневосточных рубежах», в работе которых принимают участие специалисты КНР.

В конце 80-х годов осуществлялись единичные международные контакты дальневосточных вузов с учебными заведениями стран АТР. Ситуация изменилась в начале 90-х годов, Первым значительным шагом стало проведение во Владивостоке международной конференции, в работе которой приняли участие 66 президентов, ректоров университетов, директоров НИИ бассейна АТР и 28 наблюдателей из 13 стран региона, после чего встречи ректоров вузов региона имели продолжение. Так, в 1996 г., на базе ДВГТУ, состоялось третье международное

совещание ректоров вузов Северо-Востока КНР и восточных районов РФ, в нём приняли участие руководители более 30 китайских вузов [112, с.195].

Одной из наиболее распространенных форм сотрудничества стали академические обмены. В 1993-1998 гг. Дальневосточный государственный университет ДВГУ посетило 105 специалистов и студентов из КНР, что существенно меньше, чем представителей Японии (1054 чел.), что отражает общую направленность культурных связей юга Приморского края. В этот же период выезжали на стажировки за рубеж 381 студент и 306 преподавателей ДВГУ. Этот ВУЗ был признан базовым в регионе, при утверждении бюджета Приморского края на 1998 г. он получил инвестиции на развитие восточного факультета – внешне заимствованный кредит в 15 млрд. руб. [124, с. 60-63]. Подобные программы международного сотрудничества были осуществлены и Дальневосточным политехническим институтом, который с 1989 г. обменивался студентами и преподавателями с Харбинским, Чаньчуньским и Сианьским университетами КНР.

Комсомольский-на-Амуре государственный педагогический университет (КнАГПУ) осуществляет активное сотрудничество с научными коллективами, вузами и отдельными учеными из КНР. Была организована зарубежная полевая практика студентов естественно-географического факультета КнАГПУ в КНР, благодаря чему студенты получили возможность ознакомиться с географическими особенностями Северо-Восточного Китая. Регулярно проводится стажировка студентов отделения иностранных языков Института Филологии и Истории КнАГПУ в университете г. Цзямусы.

В сотрудничестве с Даляньским университетом иностранных языков КнАГПУ была организована историко-страноведческая экспедиция к местам боевой славы русских воинов в г. Далянь и Люйшунь (Порт-Артур). Преподаватели этого ВУЗа работают в КНР по межвузовским договорам, например, в университете Цзямусы и Цзилиньском Институте русского языка [16, с. 11-13].

В 90-е годы получило развитие сотрудничество Дальневосточной государственной академии искусств с коллегами из КНР. С 1995 года проводимые ею научные конференции получили статус международных. В 2006-2007 гг. в них приняли участие специалисты КНР СюйСяо и Хань Ин с докладами: «Особенности распространения аккордеона в Китае» и «К проблеме особенностей развития и исполнения романса в Китае». Музыкальная культура соседей оказалась в фокусе зрения российских специалистов. Об этом свидетельствуют такие работы как исследование С. И. Ключко «О взаимодополняемости способов записи музыкального текста в китайской традиции» [97, с. 394-400].

Подводя итоги научной и научно-организационной деятельности Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН в 2008 году, В. Г. Макаренко привел следующие факты сотрудничества. Аспирант института О. Н. Рябченко проходила научную стажировку в АОН пров. Хэйлунцзян с целью сбора информации по теме диссертации: «Политика КНР в области культуры и её реализация в северо-восточном регионе в период реформ и открытости (1978 г. – начало XXI в.)». В декабре в г. Харбине походила научная стажировка сотрудников института к.и.н. Н. П. Рябченко и А. П. Герасименко. Первый из них собирал материал для формирования 4-го тома совместной работы «История Северо-Восточного Китая. 1978-2000 гг.», а второй исследовал роль глобальных информационных сетей в решении научных задач в КНР. Кроме того, в 2008 г. подписан договор о научном сотрудничестве с Институтом Археологии пров. Цзилинь [125, с.184, 186]. В 2001 г. в Институте истории ДВО РАН защитила кандидатскую диссертацию о современном даосизме в КНР преподаватель АмГУ Вэнь Цзянь, а в 2004 г. успешно прошла защита кандидатской диссертации гражданки КНР, преподавателя университета г. Цзямусы Ли Цзюньюй [16, с. 11-13].

Важное значение в культурном обмене играли библиотеки региона. Сотрудничество между Дальневосточной государственной научной библиотекой (ДВГНБ) г. Хабаровска и Хэйлунцзянской провинциальной библиотекой (ХПБ) началось в 1990 г. В августе директор библиотеки А. И. Букреев посетил города

Харбин и Дацин, во время чего был подписан протокол о намерениях по культурному обмену и сотрудничеству учреждений культуры Хабаровского края и города Дацин. В конце 1990 года Хабаровск посетила официальная делегация библиотечного департамента г. Харбина. В декабре этого же года в Харбин была отправлена первая делегация ДВГНБ, состоялся обмен опытом между специалистами. 26 июля 1991 г. в Харбине был подписан договор о сотрудничестве в области взаимобмена научно-технической информацией между Хэйлунцзянской провинциальной библиотекой и Хабаровской краевой универсальной научной библиотекой (ХКУНБ - прежнее наименование ДВГНБ). В целях развития библиотечного дела стороны договорились о долгосрочном сотрудничестве по следующим направлениям: пополнение книжных фондов обеих библиотек; справочно-библиографическое и информационное обслуживание; научно-исследовательская работа. В рамках сотрудничества заместитель директора ДВГНБ Г. Ф. Марцева весной 1992 г. в течение месяца находилась в командировке в Харбине с целью отражения русского фонда Хэйлунцзянской библиотеки в «Сводном каталоге книг о российском Дальнем Востоке». В этом же году делегация ХПБ в составе шести специалистов ознакомилась с работой Хабаровской краевой научной библиотеки. В декабре 1993 г., во время посещения третьей делегацией ДВГНБ Харбина, была высказана заинтересованность в дальнейшем развитии отношений, отмечены ряд невыполненных из принятых ранее обязательств. Стороны отказались от намерений создания фотолаборатории на базе ХКУНБ, а также создания на её базе деревоперерабатывающего участка. ХКУНБ способствовала установлению сотрудничества между хабаровским государственным Институтом культуры и харбинским университетом в подготовке библиотечных кадров. Преподаватели и сотрудники библиотеки института выезжали в Харбин для ознакомления с опытом китайских коллег. Однако к середине 90-х годов связи между библиотеками практически прекратились, это совпало со сменой руководителя ХПБ. Только в конце 2000 г. наметилась перемена в создавшейся ситуации, инициатором возобновления сотрудничества выступила китайская сторона в лице директора ХПБ Ван Хайцуаня.

19-26 апреля 2001г. Комитет по культуре и искусству администрации Хабаровского края принял делегацию управления культуры провинции Хэйлунцзян, которая посетила библиотеку. Был подписан договор об обмене делегациями между ДВГНБ и ХПБ. В результате последующих переговоров был подготовлен и 6 ноября 2001 г. подписан договор о сотрудничестве и международном книгообмене. Стороны договорились о проведении книжных выставок «Традиционная русская культура» и «Традиционная китайская культура». С 2002 г. возобновился обмен делегациями специалистов, участие их в международных научно-практических конференциях, книгообмен [198, с. 102-111]. 15 марта 2007 г. в рамках Года Китая в России ДВГНБ провела круглый стол «Библиотечное сотрудничество Хабаровского края и Китая: опыт и перспективы взаимодействия» и презентацию проекта «Китайская народная республика: традиции и современность». В рамках выставочного проекта был представлен широкий диапазон печатных изданий, посвященных Китаю. Информационно-библиографическим отделом Дальневосточной государственной научной библиотеки г. Хабаровска в 2007 г. подготовлен сборник «Путешествие в Китай», содержащий библиографический список литературы из фондов библиотеки, насчитывающий 269 наименований [157, 36 с.].

Начало взаимодействия научной библиотеки Тихоокеанского государственного университета (ТОГУ) с университетскими библиотеками КНР положено в 1990 г., когда сотрудники тогда ещё Хабаровского политехнического института посетили Харбин и заключили договор о сотрудничестве с директором библиотеки Харбинского политехнического института Ли Дифаном. Основными его направлениями стали международный книгообмен, проведение мероприятий по повышению квалификации сотрудников, информационная поддержка преподавателей и студентов из Китая, работающих в ТОГУ. За 17 лет сотрудничества научной библиотекой ТОГУ получено около тысячи экземпляров книг по основным сферам деятельности ВУЗа, такое же количество было предано в фонды китайской библиотеки. В библиотеке ТОГУ систематически проводятся международные

конференции, в работе которых принимали участие делегации из КНР. Так, в 2005 г. на II-й международной научно-практической конференции выступил с докладом директор библиотеки Чаньчунского политехнического института Ли Го Фу [179, с. 122-124].

Амурская областная научная библиотека им. Н. Н. Муравьева-Амурского выполняет функции регионального информационно-ресурсного и методологического центра. Она проводит международные научно-практические конференции и рабочие встречи библиотекарей КНР и Амурской области, организует выставочную и издательскую деятельность. Раз в два года проводятся Муравьевские чтения – международные конференции с участием библиотекарей КНР. В 2006 г. в рамках мероприятий Года России в Китае состоялась Международная научно-практическая конференция «От диалога культур – к гражданскому обществу», подготовлен и издан библиографический указатель «Мир китайской культуры». В 2007 г. в рамках мероприятий Года Китая в России, в АОНБ прошли циклы историко-культурных, информационных выставок. Например, «Китай: история в лицах и событиях», «Древнейшая цивилизация в современном мире», «Современная китайская проза и поэзия» [12, с. 39]. Библиотечные специалисты Амурской области многократно посещали библиотеки городов Хэйхэ и Харбина, что способствовало установлению прочных добрососедских отношений со своими коллегами в Китае. В 2005 и 2007 годах посещение библиотек КНР входило в программы сессий Дальневосточной школы библиотечной инноватики [90, с. 114-121].

Музеи являются подлинной территорией диалога культур и цивилизаций, внося важный вклад в культурно-образовательное развитие региона. Экспозиции краеведческих музеев российского пограничья содержат материалы по истории развития двусторонних отношений, в музеях функционируют постоянные и временные выставки предметов искусства Китая и других стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Так, в Амурском областном краеведческом музее им. Г. С. Новикова-Даурского на постоянной основе действовала выставка «Искусство стран Востока». Каждый желающий мог ознакомиться с образцами, соз-

данными мастерами Китая, Кореи, Японии. Среди экспонатов Китая особой уникальностью отличается изящная, вырезанная из слоновой кости, пагода (XX в.) – сложная композиция со множеством мельчайших архитектурных деталей, фигурками людей, цветами и птицами выполнена из цельного куска бивня. Привлекают внимание вазы, выполненные в технике перегородчатой эмали с традиционными росписями (XIX – начало XX в.); декоративные скульптуры китайских божеств (конец XIX – начало XX в.); настольные украшения, тушечницы из камня, подставки для кистей (XIX – XX в.). Один из разделов китайских экспонатов областного музея составляют китайские книги. Сюда вошли альбомы китайской классической живописи, богато декорированные, образцы книжной графики, росписи вееров и шелковых тканей.

Музей изобразительных искусств г. Комсомольска-на-Амуре целенаправленно изучает искусство стран АТР, в том числе и Китая. Начало коллекции произведений искусства Китая положили 54 китайских лубочных картины конца XIX – начала XX в., подаренные музею Б. Н. Васильевым (г. Ленинград) в 1985 г. В 1992 г. в музее был создан сектор зарубежного искусства. В настоящий момент общее число предметов китайского искусства в коллекции музея составляет – 280 единиц [219, с.78]. В его собрании представлены 24 картины художников КНР в стиле традиционной национальной живописи «Гохуа», написанных в 80-х – начале 90-х годов XX в., которые были приобретены музеем на выставках-продажах [218, с.150-153]. Кроме того, коллекция музея представлена произведениями декоративно-прикладного искусства, скульптурами малых форм, каллиграфией современного художника Тан Фэнкуана и др. С 1985 по 2005 г. в музее состоялось более 30 выставок, посвященных искусству Китая, Кореи и Японии. На основе коллекции проводятся тематические экскурсии и лекции, например: «Мифологические сюжеты в искусстве Китая и Японии»; «Традиции и обычаи старого Китая в новогодних картинах»; «Даосские сюжеты в искусстве Китая»; «Традиционные конфуцианские ценности в культуре и искусстве Китая» и т.д.

Широкое распространение в регионе получила практика организации выставок разнообразной направленности. Так, учитывая большой интерес населения к изделиям из китайского фарфора, в октябре 2003 г. в Международном выставочном центре ПГОМ им. В. К. Арсеньева г. Владивостока состоялась выставка «Знаменитый фарфор Китая», участниками которой были 28 предприятий г. Цзиндэчжэнь КНР. На ней были представлены авторские работы и изделия широкого потребления: декоративные вазы, панно, скульптурные композиции, посуда и предметы мебели, изготовленные из фарфора [216, С.57-62]. Подобные выставки и выставки-продажи проходили и в других городах региона.

21 января 1999 г. в выставочном зале Союза художников России г. Благовещенска Амурской области состоялось открытие первой выставки работ китайских фотохудожников и художника декоративной скульптуры Лю Минсю, работы которого получили признание во многих странах мира. Председатель ГТРК «Амур» А.В. Герасимов с большой теплотой рассказал об известном художнике Лю Минсю, который является активным сторонником дружбы с русским народом и творческого содружества с нашими художниками. В г. Хэйхэ у Лю Минсю есть салон, один из залов которого отведён под коллекцию русских предметов культуры и быта.

В культурных центрах Дальнего Востока распространена организация совместных выставок деятелей искусства соседних стран. Так, в начале 2002 г. была организована выставка заслуженного художника России А. Тихомирова (г. Благовещенск) и члена Союза фотохудожников Китая, фотохудожника-пейзажиста Юй Баогана. Их произведения близки душевной теплотой и внимательным отношением к окружающей действительности [86, с.95-96].

Большое распространение в регионе приобрела практика организации совместных с китайскими фотохудожниками и фотокорреспондентами конкурсов и фотовыставок. Например, областной конкурс «Лучшее фото года» на приз имени Владимира Стеганцева (1947-2006 гг.). Начиная с 2007 года, конкурс фоторабот

организуется ежегодно. Среди лучших работ 2009 г. были отмечены следующие:

1. Уличный турнир. Стародубцева Наталья (Благовещенск). Летний дворик в Китае. У стены, увитой плющом, за двумя столиками одни пожилые мужчины сосредоточенно играют в китайские шахматы, другие внимательно наблюдают за игрой;
2. Годы. Вепринский Ефим (Биробиджан). Фотопортрет в профиль старика-китайца с поднятыми над головой натруженными руками;
3. Цветение. Батина Наталья (Благовещенск). Жизнерадостная молодая китайка на фоне цветущей вишни;
4. Благодатный снег. Го Сюегуан (Хэйхэ, КНР). Зима, заснеженные огороды, изгороди, крыши строений и яркие красные фонари над ними – как вестник национального праздника;
5. Мы - соседи. Го Сюйдун (Хэйхэ, КНР). Река Амур, соседние берега, объединенные, как «мостом дружбы» - радугой.

Заслуживает внимания традиция проведения совместных фестивалей. В год 50-летия провозглашения КНР (1999) Министерством культуры России был одобрен творческий проект проведения международного фестиваля «Амур – река дружбы», предложенный комитетом по культуре администрации Амурской области совместно с управлением культуры китайской провинции Хэйлунцзян. Основная цель его – достижение более тесных дружественных отношений между соседними регионами наших стран, расширение творческих связей и развитие взаимных контактов в области культуры. План реализации проекта предусматривал активное сотрудничество российской и китайской сторон по взаимному обмену творческим потенциалом, культурными достижениями и представителями художественного творчества Амурской области и провинции Хэйлунцзян.

Открытие фестиваля состоялось 17 июня 1999 года в Харбине гастролью Амурской хоровой капеллы «Возрождение», артистов амурской областной филармонии, цирка «Ап» и детского танцевального коллектива «Дефи». Всего с российской стороны было 60 человек. С ответными гастролью с 30 июля по 3 августа того же года к нам приезжали Академический хор из города Харбина, ансамбль танца и цирковая группа (всего 40 человек). Их концерты прошли в областном центре и других городах Амурской области – Белогорске, Свободном, Ско-

вородине. Продолжением фестиваля были два совместные с артистами КНР концерта в г. Хэйхэ пров. Хэйлунцзян, где прозвучали китайские песни в исполнении русских солистов на китайском языке, а русские и советские песни – в исполнении китайцев на русском.

В рамках I-го фестиваля 4 октября 1999 г. прошла научно-практическая конференция «Российско-китайское сотрудничество, перспективы развития», подготовленная Амурским областным краеведческим музеем им. Новикова-Даурского. Предварительно в залах музея была проведена выставка китайских фотокорреспондентов «50 лет КНР», организаторами которой были А. П. Дроздов – редактор газеты «Амурская правда» и Ли Тиндун – редактор газеты «Хэйхэ Жибао». На выставке было представлено более 70-ти работ различной тематики. Внимание посетителей привлекали красочные пейзажи, среди которых особенно запомнились 4 работы фотомастера Цю Санлиня, запечатлевшего полный цикл затмения солнца. Завершением международного фестиваля «Амур – река дружбы» 1999 года стало проведение совместного гала-концерта в г. Благовещенске, в котором приняли участие лучшие творческие коллективы и солисты Амурской области и провинции Хэйлунцзян.

В 2000 году состоялся II-ой международный фестиваль, начавшийся весной на китайской земле, в г. Хэйхэ, принявшим 4 творческих коллектива из Приамурья: квартет народных инструментов «Карусель» Областного Дома народного творчества (худ. рук. – засл. работник культуры России Виктор Гора), вокальный ансамбль «Ярмарка» Белогорского района, фольклорную группу «Лель» из Тамбовки Амурской области (худ. рук. Леонид Сердаков) и труппу воспитанников детской цирковой школы города Райчихинска Амурской области. С ответными концертами китайские артисты посетили Благовещенск. Интерес слушателей привлекли песня М. Блантера на стихи М. Исаковского «Катюша», исполненная сводным хором под управлением Сунь Чэнжуня и песня В. Соловьёва-Седого на слова М. Матусовского «Подмосковные вечера», в исполнении русскими на китайском языке, а китайцами – на русском.

В рамках фестиваля «Амур – река дружбы» 100 художественных работ детей из г. Хэйхэ и Амурской области были представлены на выставке в Международной детской художественной галерее в Москве, а затем в Пекине, Харбине и Цицикаре [31, с. 4-5; 86, с.95].

В соответствии с договором №1137-01-26 от 29 мая 2002 г. между Министерством культуры РФ и Амурским Домом народного творчества «Об организации и проведении третьего Международного фестиваля народного творчества «Амур – река дружбы 2002» в мае-июне прошли переговоры с китайской стороной, в результате которых был подписан протокол намерений от 19.07.2002 г. «Об обмене творческими делегациями ветеранов культуры и творческой интеллигенции».

На III международном фестивале Российскую делегацию, в составе которой были хор ветеранов культуры и просвещения (худ. рук. В. Богданова, аккомпанимент: INSTR. ансамбль под рук. Нестеровой) и Заслуженный художник РФ В.Н. Семенихин, с 26 августа по 3 сентября принимало «Научно-исследовательское общество по вопросам пожилых людей» г. Даляня (КНР) во главе с Чжан Цинтином. Далянь, расположенный на Ляодунском полуострове, - образцовый современный город, основанный русскими в 1899 г. по договорённости с китайской стороной для защиты дальневосточных рубежей России и Китая от агрессии Японии со стороны моря. Двухнедельная программа пребывания российской творческой делегации в КНР включала в себя три концерта, совместных с китайскими самодеятельными артистами-ветеранами; выставку работ В.Н. Семенихина; официальные встречи учителей-ветеранов клуба «Просвещение» г. Благовещенска с обществами пожилых людей г. Даляня и Люйшуня (организатор - начальник бюро гражданской администрации города Дин Цин); творческие встречи с самодеятельными китайскими коллективами ветеранов в плане знакомства с культурой и самобытным творчеством Китая. Было запланировано и посещение Люйшуня, в братских могилах которого захоронены тысячи русских воинов. Города Далянь (Порт-Дальний) и Люйшунь (Порт-Артур) были безвозмездно переданы Китаю после

подписания в феврале 1950 г. в Москве договора о дружбе, союзе и взаимопомощи между СССР и КНР. В 1953 г., в Люйшуне русскими был установлен памятник высотой 8,5 м в знак дружбы наших народов.

После встречи с ректором далянского университета, в состав которого входит Институт искусств, готовящий кадры для музыкальных и художественных школ, китайская сторона выразила намерения и готовность по осуществлению обмена преподавателями художественных специальностей, по активизации контактов между учебными заведениями КНР и России. Полезность и важность обмена творческими делегациями в деле расширения и углубления взаимопонимания, взаимообогащения культур соседних государств отмечалась на всех официальных и творческих встречах, неоднократно высказывалась и рядовыми китайскими гражданами.

Через месяц россияне принимали китайскую делегацию в составе 20-ти человек с ответным визитом с 8 по 12 октября 2002 г. Китайскую сторону представлял хор (худ. рук. Сун Чэнжунь) и танцевальная группа общества ветеранов г. Далянь. Современный песенный репертуар и фольклор китайцев богат и разнообразен. В рамках программы в г. Благовещенске и селе Константиновка (административный центр Константиновского р-на Амурской обл.) прошли концерты сводного хора участников фестиваля под управлением Ивана Семилетова (солисты – Ван Цзыхуй и Гэ Миңцзянь), целый ряд сольных выступлений российских и китайских самодеятельных артистов. Заключительный аккорд фестиваля – исполнение всеми участниками известной в России и Китае песни В. Мурадели на слова М. Вершинина «Москва – Пекин».

По соглашению обеих сторон были проведены и другие творческие фестивали. Так, в конце 2003 г. управлением культуры Амурской области и Передвижным творческим реабилитационным лицеем для детей инвалидов был реализован проект по обмену творческими группами детей-инвалидов Амурской области и КНР, проведен фестиваль «Творчество без границ» [76, с. 11].

Необходимо подчеркнуть роль личностного фактора в развитии двусторонних связей. В качестве примера приведём истинно подвижнический труд гражданина КНР Ли Янлена (родился в 1940 г. в Бэйане, пров. Хэйлуцзян). После окончания факультета русского языка Хэйлуцзянского университета работал преподавателем русского языка. Профессор Цицикарского университета, почетный доктор Российской академии наук, он первый (и на настоящий момент единственный) из китайских литераторов - член Союза писателей России, заместитель председателя правления Амурской областной общественной писательской организации по международным связям. Ли Янлен - китайский поэт, пишущий на русском языке. Им опубликованы 4 поэтических сборника на русском языке: «Я люблю Россию», «Песня о берегах Амура», «Сердце к сердцу», «Избранные стихи».

Ли Янлен перевел на родной язык стихи И. С. Тургенева и роман В. Кожевникова «Корни и крона». Кроме того, под его редакцией был переведён на китайский язык и подготовлен к изданию пятитомник стихов и прозы авторов русской диаспоры, живших в Харбине и Шанхае в 20-40-х годах прошлого века. «Серия литературы русских эмигрантов в Китае» была выпущена генеральным книжным издательством провинции Хэйлуцзян. Творчество китайской ветви российской эмиграции по сравнению с западной до сих пор изучено мало. Достаточно сказать, что в СССР даже во время хрущёвской оттепели было опубликовано всего 4 брошюры, посвящённые этим произведениям. Кратко было замечено, что харбинская проза в чём-то жестче и реалистичней, чем западная эмигрантская. Труды Ли Янлена способствовали возвращению на родину многих забытых русских имен. В работе над этой уникальной пятитомной антологией приняли участие Мяо Хой, Ли Цянвэй, Жун Цзе, Чжао Вэй, Ли Иннань и др. В Благовещенске презентация издания прошла весной 2003 г., а 30 июля того же года – в Пекине, где собрались учёные, журналисты, посол России в Китае И. А. Рогачёв. На презентации в столице Китая присутствовали и амурские писатели - Игорь Игнатенко, Олег Маслов, которые выступили в Пекине с докладами на тему литературы рус-

ских эмигрантов в Китае. В 2003 г. эти доклады были опубликованы в «Вестнике Пекинского педагогического университета».

В 2005 г. в Центральном книжном издательстве китайской молодежи в Пекине стараниями Ли Янлена был издан десяти томник сочинений русских писателей-эмигрантов. В этом же году в Москве прошла презентация антологии. На встрече с В. В. Путиным Ли Янлен подарил президенту экземпляр этого издания. В беседе с Ли Янленом В. В. Путин дал высокую оценку его работы, назвав её большим вкладом в национальные культуры соседних государств - России и Китая.

23 сентября 2008 г. в России, на творческой встрече Ли Янлена с амурскими писателями, поэтами, преподавателями и студентами благовещенских вузов в зале областной научной библиотеки состоялась презентация поэтического сборника «Везде цветет июньская сирень». Ли Янлен представил российским читателям книгу стихов 27-ми амурских поэтов, переведенных на китайский язык. До этого в Китае переводились только известные в мире русские поэты-классики: А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, В. В. Маяковский, С. А. Есенин, теперь же китайцы получили возможность познакомиться со стихами современных поэтов пограничного с КНР Приамурья: Светланы Борзуновой, Александра Бобошко, Нины Дьяковой, Игоря Игнатенко, Олега Маслова, Тамары Шульга и др. Помощь в выпуске сборника оказал директор центрального издательства «Китайская молодежь», член ЦК комсомола Китая Чжан Цзинъян. На его деньги, а также на средства самого Ли Янлена книга тиражом в 3000 экземпляров вышла в свет. «Везде цветет июньская сирень» уже поступила в библиотеки и вузы всех регионов Китая [183, с. 10].

В 1995 г. Ли Янлену посвящено одно из дружеских посланий амурского писателя Станислава Демидова (лауреат премии имени Г. Федосеева за издание в 1992 г. сборника переводов современных китайских поэтов «Голоса друзей»):

«Ни хао, Ли Янлен, приветствую тебя

Здесь на Амуре, на краю России.

Соседство - наша общая судьба.

Мы узы дружбы сохраним святы.

Я верю, что настанет светлый день,

Когда минуют трудности, лишения.

Ещё нас ждут с тобою, Ли Янлен,

И книги новые и добрые свершенья [60, с. 226].

Сотрудничество в сфере киноискусства привело к появлению совместных работ и привлечению российских артистов к съемкам. Примером может служить новая экранизация героической драмы по одноимённой повести Бориса Васильева «А зори здесь тихие» (режиссёр - Мао Вынин, продюсер – Чжан Гуанбей, директор – Тя Сяочень. автор сценария - Б. Васильев). 19-серийный телефильм был снят государственным национальным каналом Китая ChinaCentralTelevision (CCTV).

Съёмки сериала проходили неподалёку от города Хэйхэ пров. Хэйлунцзян КНР, в Амурской области (г. Благовещенск и его окрестности, село Смелое) и в Москве. Китайские кинематографисты работали над фильмом с июня 2002 года, а в марте 2004 г. в Пекине прошла презентация картины. Следует отметить, что премьерный показ телесериала, начавшийся в эфире государственного телеканала КНР 9 мая 2005 года, был приурочен китайскими кинематографистами к 60-летнему юбилею Победы над фашистской Германией. Сценарий фильма выдержан в китайском стиле, с множеством параллельно развивающихся историй. Здесь и подробные сцены в штабе, и рассказ о жизни простой деревенской женщины. Богатая фантазия китайских кинематографистов привела к тому, что в фильме появляются новые действующие лица. Например, вернувшийся с войны инвалидом

Андрей – муж хозяйки, у которой квартирует Васьков. В итоге расширения сюжета повести, сто страниц её текста разрослись до семисот в сценарии. В пригороде Москвы, в Солнечногорске, на своей даче сценарист картины - Борис Васильев сыграл роль самого себя: писатель-фронтовик вспоминал события прошлых лет. Наряду с московскими актёрами в телесериале снимались артисты Амурского ордена Трудового Красного Знамени государственного театра драмы и комедии: Владимир Матвеев – народный артист России, Дмитрий Шубинский – заслуженный работник культуры РСФСР, Юрий Егоров – заслуженный артист Бурятии, артисты: Василий Веровчук, Олег Бойко, Анна Радецкая, Наталья Петрова, Игорь Омельков. Кроме того, в эпизодах и массовке были задействованы несколько десятков благовещенцев – актёров Театра кукол, студентов и преподавателей Училища культуры.

К участию в съёмках китайских кинофильмов русские артисты приглашались неоднократно. Так, в художественном фильме «Время цветения розы» (2006 г.), в котором сложная событийная линия раскрывает историю любви китайской девушки Ляо Ли с русским именем Катюша и русского парня, снимались актёры Амурского областного театра драмы и комедии - народная артистка России Анна Лаптева, артисты Игорь Омельков и Василий Веровчук. А к работе над фильмом китайских кинематографистов «Героическое 100-летие» (1997 г.), повествующего о подписании Айгуньского договора, принимали участие творческие коллективы - Амурский народный хор (худ. рук. и дирижёр - засл. раб. Культуры России Юрий Карпаев; рук. ансамбля русск. нар. INSTR. – Александр Сапалов, засл. артист РФ) а также Народная хоровая капелла «Возрождение» (худ. рук. и дирижёр – Надежда Гутникова, засл. раб. Культуры России) и Фольклорный казачий ансамбль села Константиновка Амурской области.

Привлекал внимание китайских кинематографистов и Владивосток, который приобрёл статус кинематографической столицы Приморья после того, как здесь стал базироваться международный кинофестиваль стран Азиатско-Тихоокеанского региона Pacific Meridian. Фестиваль проводится ежегодно с 2003

г., в нём участвуют кинематографисты десятков стран АТР и Юго-Восточной Азии. Аналогов ему не существует. Летом 2004 г. китайские кинематографисты сняли во Владивостоке несколько серий «Шанхайской истории» - телевизионного сериала о событиях Второй мировой войны. Сюжет картины прост: дочь еврейского банкира Линда бежит из Третьего рейха в Шанхай, прихватив с собой компромат на нацистов. Её преследует полковник СС Мейцингер, а китайцы помогают Линде уйти от погони и избавиться от опасности. Режиссёр Хо Лицзя удачно выбрал натуру по старым фотографиям Владивостока; в массовых сценах снимались жители этого города [103, с. 70-75].

Сотрудничество в сфере туризма и спорта также способствовало развитию культурного обмена приграничных территорий. Первая советская туристическая группа после восстановления советско-китайских экономических отношений была сформирована Бюро международного молодежного туризма «Спутник» Хабаровского крайкома ВЛКСМ в 1988 г. Примерно в то же время решением хабаровского крайкома КПСС была организована группа хабаровского «Интуриста» [210, с.74]. В последующий период сформировалась устойчивая тенденция к наращиванию туристического обмена, в котором приняли участие частные компании и организации. Так, только по Хабаровскому краю за шестилетний период с 2000 по 2005 г. общее число туристов, посетивших КНР составило 380 458 человек, в то же время число китайских граждан посетивших край – 97 499 человек [199, с.152]. Аналогичная картина наблюдается и в соседних субъектах РФ, Так только в 2007 г. из Еврейской Автономной области по туристическим путевкам в КНР выехало 25877 человек. Наиболее популярны туры в Тунцзян, Цзямусы, Харбин, отдых в Даляне и Байдахэ [173, с. 40]. В 2004 г. более 95 % жителей Забайкалья и Дальнего Востока, выезжая за границу, выбрали поездку в КНР [210, с. 73]. В дальневосточных издательствах вышли в свет путеводители и карты-схемы наиболее посещаемых мест Китая [55, 144 с.; 148, 160 с.; 204, 96 с., 205, [1] л.].

В регионе накоплен богатый опыт проведения совместных соревнований и дружеских встреч между спортивными организациями и клубами. В конце 1988 г.

власти поселка Пограничный Приморского края достигли соглашения с правительством г. Суйфэньхэ КНР о проведении в 1989 г. товарищеской встречи по волейболу и баскетболу. Это был один из первых контактов в спортивной сфере [112, с. 191]. В Еврейской автономной области с 1992 г. регулярно проводятся спортивные соревнования и фестивали детского спорта «Шолом» с участием команд из КНР [173, с.40]. 6-7 октября в областном центре Амурской области в рамках Года Китая в России прошло Международное первенство по «АКВАЙС-спорту» (плавание в холодной воде), организованное Амурской региональной Федерацией «АКВАЙС-спорт» при содействии Управления по физической культуре и спорту Правительства Амурской области, Управления по физической культуре, спорту и туризму Администрации г. Благовещенска. В соревнованиях приняли участие 90 пловцов из 9 регионов России (Приморье, Хабаровский край, Амурская обл., республика Башкортостан и др.) и 28 пловцов из четырёх городов Китая. Соревнования проходили на реке Зея, при температуре воды 6-9 градусов. В программе были заплывы на 50 и 500 метров, эстафета 4x50 м и 2 марафонских заплыва на 1200 и 3000 м. Разыгрывалось 110 медалей, из которых 10 завоевали спортсмены из КНР. Соревнования такого уровня были первыми не только в Благовещенске, но и в России [175, с. 31]. Традицией стали ежегодные международные заплывы через Амур в районе между городами Хэйхэ – Благовещенск. В 2009 г. в заплыве участвовало 60 российских пловцов в возрасте от 11 до 72 лет и столько же - китайских.

Изучая контакты в культурной сфере, невозможно обойти вниманием религиозную жизнь региона. Одним из значимых событий современного периода является нормализация взаимоотношений церкви и государства, возрождение епархий РПЦ, открытие десятков православных приходов, создание базы духовного образования на Дальнем Востоке - Хабаровской духовной семинарии и т.д. Одновременно с этим, во всех приграничных епархиях начата катехизаторская работа в китайском направлении. Наблюдается и обратный процесс проникновения нетрадиционных религиозных культов на Дальний Восток России из КНР. Так, секта

«Фалуныгун» основанная в 1992 г. Ли Хунчжи, и с 22 июля 1999 г. официально запрещенная в КНР, активно открывает учебные центры в РФ под названием «Фалунь Дафа». Первоначально «Фалуныгун» получила распространение среди китайской диаспоры, однако в последнее время отмечается значительный рост адептов – россиян. В приграничных городах организуются пресс-конференции, молодежно-развлекательные акции, раздача миссионерской литературы. Среди последователей в основном люди «увлекающиеся восточными медитативными практиками и оздоровительными гимнастическими» [77, с. 229]. В настоящее время существует реальная опасность переноса организационного центра секты на территорию Приморского края в связи с запретом её на родине. Осенью 2006 г. в Хабаровске состоялась международная научно-практическая конференция «Христианство на Дальнем Востоке», организатором которой выступила Хабаровская духовная семинария. В её работе приняли участие ректор Московской духовной академии, проф., архиепископ Евгений Верейский, протоиерей Пётр Иванов из Московского института востоковедения РАН, архиепископ Хабаровский и Приамурский Марк, проректор Хабаровской духовной семинарии игумен Пётр (Еремеев), Ю. М. Галенович, проф. института Дальнего Востока РАН, а также священнослужители из стран Тихоокеанского региона – Японии, Кореи и Китая. В ходе обсуждения истории и перспектив развития христианства на Дальнем Востоке поднимались вопросы современного существования и дальнейшего развития Русской Православной Церкви и автономных православных церквей сопредельных государств, духовного взаимопонимания в отношениях России и Китая, о перспективах культурного диалога разных цивилизаций и развитии христианской проповеди народам Дальнего Востока [46, с. 137].

Китайская тема актуальна среди модельеров Дальнего Востока. В современной женской одежде находят применение простые конструкции мужского китайского костюма. Детали, имеющие национальный характер, привлекают особое внимание. Полуприлегающий или прямой силуэт, асимметричная застежка на

правую сторону и различные имитации запаха, воротник-стойка – во всем этом узнаваемы приметы китайского национального костюма [165, с. 78-79].

Не только форма и конструкция деталей одежды подчеркивают национальный колорит, но и сама ткань, ее расцветка и декоративное оформление. Кафедра «Дизайн» Амурского государственного университета проводит работу по изучению составных частей традиционного китайского костюма в их эволюционном развитии, а также дополнения к нему. На основе китайского национального костюма как источника творчества было изготовлено несколько коллекций:

1. 1998 г. Ушакова Антонина - «Коллекция женской одежды по мотивам мужского китайского национального костюма». Руководитель проекта ст. преп. Санатова С. В. Источником творчества послужил китайский мужской костюм чиновника-мандарина Цинской династии (XVIII в.).

2. 1999 г. Казакова Юлия - «Коллекция женской нарядной одежды по мотивам женского китайского национального костюма». Руководитель проекта ст. преп. Санатова С. В. Коллекция состоит из платьев, в которых использованы элементы конструкции женского китайского национального костюма.

3. 2000 г. Широкова Инга - «Униформа для гостиничного комплекса «Золотой дракон». Руководитель проекта ст. преп. Санатова С. В. В униформе использованы элементы кроя и символики китайского национального костюма. Курсовые работы на тему китайского национального костюма: 2002 г. Гужель Марина - «Авангардная коллекция женской одежды по мотивам архитектуры Китая». Руководитель проекта ст. преп. Санатова С. В. Данная работа выполнена на дисциплине «Художественное проектирование костюма» и включает исследовательский раздел и эскизное проектирование коллекции костюмов. 2006 г. Набережнова Елена и Сковера Оксана - «Подиумно-театральная коллекция женских костюмов «Инь-Ян». Руководитель проекта доц. Благова Т. Ю., ст. преп. Доронина Е. В. Коллекция участвовала в региональном конкурсе дизайнеров «Магия Моды», проводимом АмГУ, и в выставке работ студентов и преподавателей кафедры «Ди-

зайн», проходившей в центральном выставочном зале г. Благовещенска. Концептуально насыщенной является работа М. Ефремовой 2001 г. «Покорение стихий», (руководитель С. В. Санатова). Источником творчества для создания коллекции послужили китайская философия, мифология и связанный с ними богатый символизм. Философские воззрения, особенно в Древнем Китае, во многом диктовали жизненный уклад, влияли на костюм и проявлялись в символическом характере декора и кроя традиционного китайского костюма. В образе коллекции отражена система пяти первоэлементов Древнего Китая – У син, поэтому она состоит из пяти моделей, каждая из которых представляет определенный образ, символизирующий один из элементов. Декоративное и цветовое решение моделей коллекции построено на символизме, а основой их формы является характерный для национального костюма О-образный силуэт. В эскизном ряду рассматривалось взаимодействие первоэлементов. При этом для демонстрации избраны взаимоугнетающие (деструктивные) связи между ними: вода гасит огонь, огонь плавит металл, металл рубит дерево, дерево тянет соки из земли, земля поглощает воду. Взаимодействие элементов предполагает непрерывность процесса. Поэтому при показе коллекции руки манекенщиц входят в рукава платьев – накидок и ложатся на плечи рядом стоящих, создавая этим эффект замкнутого круга. При отсутствии хотя бы одного элемента, коллекция теряет свою значимость, смысл и завершенность. При проектировании моделей применялись конструктивные элементы, присущие традиционному китайскому костюму, в качестве основного материала использовался двусторонний шелк с креповой и атласной поверхностью.

Композиция данной коллекции построена на родственно – контрастных цветовых сочетаниях, которые проявляются как в единичной модели, так и в коллекции в целом. Национальный характер придают коллекции вышивка шелком, свободная роспись и многоцветная аппликация. При разработке элементов декора также использовалась символика живых образов – Желтый дракон (модель 1), Красная птица - Феникс (модель 3), Белый тигр (модель 4). Для аппликаций использовались присущие китайскому национальному костюму облаковидные мо-

тивы и растительный орнамент. Коллекция «Покорение стихий» стала победителем регионального конкурса модельеров-дизайнеров «Магия моды - 2001» среди авангардных коллекций [166, с. 104-107].

Зримо влияние Китая и на бытовом уровне, являющемся основой культурной среды региона. Во многих домах жителей приграничных областей Дальнего Востока можно видеть бытовую технику, декоративные вазы и веера, одеяла, покрывала, скатерти, шторы, часы, детские игрушки и многое другое. Получило распространение использование традиционных китайских элементов в декоре помещений, китайские календари, живописные свитки и т. п. встречаются во многих в офисах и квартирах. Среди жителей Дальнего Востока устойчивым спросом пользуется китайская фарфоровая посуда. В связи с этим на художественном комбинате г. Комсомольска-на-Амуре в 1993 г. было создано совместное предприятие по изготовлению фарфора. По эскизам местного художника В. Минеева в Китае изготовили посуду и отправили в художественный комбинат г. Комсомольска-на-Амуре, где её расписали местные художники. Первые партии фарфора были тут же раскуплены, получив оценку экспертов как соответствующие мировым стандартам.

В домашних видеотеках многих семей найдутся фильмы китайских кинематографистов, особенно распространены произведения с демонстрацией восточных единоборств и исторические ленты. Например, работа режиссёра Сунь Ша «Неустрашимый Удан», фильмы Чжана Имоу: «Дом летающих кинжалов», «Проклятие золотого цветка», «Герой», «Полководцы» и многие другие.

Отдельно нужно сказать о культуре питания. Кухня занимает важное место в культуре народов мира. Семиотическое значение пищи уходит своими корнями в глубокую древность и зачастую имеет сакральный аспект. Сообщение, которое она несет в себе, продолжает актуализироваться через коллективное бессознательное.

Традиции приготовления пищи считаются в Китае подлинным искусством, а праздничный стол - одно из главных наслаждений и любимое времяпровождение жителей Поднебесной. В Китае распространен известный прием «смешивать настоящее в ложное», когда по вкусу блюда невозможно определить даже основной его состав. Многие традиционные блюда и кулинарные изделия имеют сложное значение, полнота восприятия которых и соблюдение должных этикетных норм требует определенной культурной компетенции. К таковым относятся юань сяо – круглые шарики из особого сорта риса со сладкой начинкой – символ луны и непременно угощение праздника фонарей, который традиционно отмечается в каждой китайской семье (15-й день первого лунного месяца). Или цзунцзы – треугольники, в которых рис с финиками завернут в бамбуковые листья. Эта еда, как и юань сяо, готовится только один раз в году, что связано с обычаем общего поминовения великого поэта древности Цюй Юаня (5-й день пятого лунного месяца). В Праздник Двойной девятки (9-й день девятого лунного месяца) сохранилась традиция приготовления лунных пряников (юе пин) с цукатами внутри и изображениями иероглифов или мифических персонажей [163, с. 159-164; 197, с. 36-54].

С начала 90-х годов прошлого века в пищу дальневосточников широко включается значительное количество новых продуктов. Среди них получили популярность стебли чеснока, пророщенные бобы сои, имбирный корень, пекинская капуста, древесный гриб (му эр), плоды манго, киви, ли чжи и мн. др. Используется большое количество китайских приправ, в том числе соевый соус. Широко используется крахмальная лапша и соевый сыр (тофу). Наиболее популярными блюдами китайской кухни среди дальневосточников стали мясо в кисло-сладком соусе, салат «Дружба», фаршированные баклажаны, жаренный тофу с острым соусом и другие. В книжных магазинах российского приграничья нетрудно приобрести книги с китайскими кулинарными рецептами.

Завершая обзор культурных процессов в пограничной с Китаем зоне, мы предлагаем охарактеризовать их термином «экотонный» («oikos» – дом, «tonus» – напряжение) эффект. Содержание его заключается в том, что культурная среда

приграничных регионов отличается большим разнообразием от обеих разграничиваемых систем. Это разнообразие создает условия обогащения региональной культуры новыми синкретичными формами. В силу сказанного, сама региональная культура, как сложившаяся в определенных пространственно-географических рамках система, в целом приобретает значение пограничного образования, возникшего как результат взаимодействия различных традиций. Пространственное совпадение предметной - государственной и культурной границ влияет на формирование образа другого, отличающегося реализмом и ситуационным динамизмом. Современный период характеризуется диффузией культуры Среднего государства на территорию Дальнего Востока России. Влияние Китая зримо присутствует в творчестве и быте дальневосточников: литературе, живописи и скульптуре, выступлениях народных коллективов, архитектуре городов, декоративно-прикладном искусстве, дизайне и др.

Собранные наблюдения наглядно демонстрируют удивительную способность «художественной реальности» преодолевать скованность предметного бытия и раздвигать не только пространственно-временные, но и культурные границы. В то же время, региональные особенности восприятия иной культуры, создание устойчивого образа другого, новые формы творчества становятся достижением русской культуры как целого, обогащая ее и в то же время щедро даря собственные сокровища «другому». Возможно, что именно в культурном пространстве человеку удалось воплотить идеал своих взаимоотношений. Это, в свою очередь, позволяет надеяться на возможность перенесения данного опыта на предметную реальность нашего бытия в его социальной, экономической и политической сферах.

Рассмотренные формы гуманитарного сотрудничества позволяют сделать следующие выводы. Изучение психологических особенностей межкультурного взаимодействия позволило выделить стадии индивидуального адаптационного процесса. Автор теории культурного шока - К. Оберг называет пять адаптационных этапов: от «медового месяца», характеризующегося позитивным отношением

к инокультурной среде, в которую попадает индивид, через негативное восприятие достигающего своего максимума – собственно «культурный шок» - к появлению оптимистического настроения, приспособления и успешного интегрирования в жизнь нового общества, завершающееся полной адаптацией к новой культуре [164, с.93-94]. Отечественные авторы выделяют четыре основные стадии психологической программы поведения индивида в постороннем культурном пространстве: интерес, отторжение, адаптация и ассимиляция (диссимиляция) [106, с. 232]. Изучение культурного взаимодействия России и Китая с широким вовлечением всех слоёв населения Дальнего Востока позволяет наблюдать сходные тенденции и в отношении коллективной психологии жителей региона.

В начальной стадии взаимодействия, наступившей после более чем 20-летнего перерыва из-за политических событий 60-х годов, основное внимание обращалось на преимущества культуры соседа, вызывающие значительный интерес. Стадия характеризуется низкой компетентностью и отвлеченным представлением о традициях и культуре Китая. Интерес вызывала богатая многовековая история этой страны, её письменность и искусство, философские концепции древности и своеобразный духовный опыт буддизма и даосизма, особый уклад жизни, кухни, дыхательная гимнастика и восточная медицина. Повсеместно открывались курсы изучения китайского языка, издавалось большое количество русско-китайских и китайско-русских разговорников (с неадаптированной к китайской фонетике русской транскрипцией), начинали работу многочисленные секции восточных единоборств, при медицинских вузах организовывались курсы ознакомления с традиционной медициной Китая. Был актуализирован предшествующий опыт русско-китайских контактов и накоплена информация о предшествующих двусторонних связях. Переизданы труды классиков отечественного китаеведения. Установлены новые отношения и заключены первые договоры о сотрудничестве в культурной сфере. Это стадия эйфории и повышенных ожиданий на фоне доминирующей оптимистической настроенности.

Во второй стадии, к середине 90-х годов XX в., по мере накопления информации и негативного коммуникационного опыта, наступила стадия отторжения чужой культуры. При этом важное место занимают ошибки атрибуции. Многочисленные различия стереотипов поведения, ценностных установок, норм и т. д. вызывают реакцию отторжения, эмоционального дискомфорта и собственного превосходства. Оценка исследователей того периода зафиксировала факт того, что несмотря на бурный всплеск гуманитарного обмена, взаимодействие в области культуры получило очень небольшое развитие, а беспрецедентное расширение двусторонних контактов «способствовали укреплению не столько взаимопонимания среди их участников, сколько убежденности в фундаментальных отличиях и чуждости двух культур», что подтверждалось данными социологических исследований [110, с. 155, 158-159].

В это же время происходит становление региональных китаеведческих школ, расширяется образовательная и методологическая база от специализированных классов с углубленным изучением китайского языка в средних школах до отделений факультетов, подготавливающих специалистов переводчиков и регионоведов. Разобшение многих контактов, носивших ознакомительный характер на первом этапе взаимодействия, сопровождается встречным процессом - постепенным появлением устойчивых связей в культурной сфере.

К концу 90-х и первую половину 2000 гг., межкультурное взаимодействие получает новый импульс и официальную поддержку правительств двух стран. Культурный диалог провозглашается одной из важных сторон стратегического партнёрства РФ и КНР. Настоящий момент с полным основанием можно отнести к третьей – адаптационной стадии. Происходит осознание наличия культурного пространства, образованного на стыке собственной и посторонней культуры, накоплен навык общения, формируется информация о приемлемых и неприемлемых программах поведения. Взаимодействие характеризуется большей плановостью и целесообразностью. Между тем, сохранили свою значимость, а в ряде случаев даже обострились некоторые проблемы. Среди них - крайне неудовлетворитель-

ное финансирование культурной сферы. Необходимость осуществления систематического мониторинга культурных контактов в регионе с оценкой их эффективности и управляемости процесса и формирование концепции духовной культуры Дальнего Востока с учетом влияния китайского фактора.

До настоящего времени в числе нерешенных проблем остается формирование рынка культурных ценностей в регионе [83, с. 299-303]. Важная роль в развитии культурных связей принадлежит институту специального уполномоченного эксперта по сохранению культурных ценностей и представителей руководимой им экспертной комиссии, в которую входят ведущие профессионалы сферы культуры и искусства. Деятельность экспертов, при возросшем объеме работ и повышению требований к ним, никаким образом не поддерживается материально. Напротив, многие из них лишаются оплаты по основному месту работы за время, необходимое для проведения экспертизы [86, с. 96]. Существует потребность в едином региональном полиграфическом центре восточной литературы, создании учебника литературы нового поколения для формирования профессиональной межкультурной компетенции при обучении иностранному языку специалистов различного профиля. В образовательный процесс в регионе необходимо включить многоуровневую программу «Культура стран Восточной Азии» [74, с. 80-84; 44, с. 28; 114, с. 29-32]. Всё вышеизложенное диктует необходимость взвешенного научно обоснованного подхода и заблаговременного планирования. Главными инструментами региональной культурной политики остаются наука, публицистика и, прежде всего, просвещение [137, С. 8-13].

Подводя итоги, следует отметить, что на современном этапе в дальневосточном регионе сложились в целом благоприятные, способствующие развитию двусторонних связей, условия. Следствием чего является постепенный рост уровня познания дальневосточниками культуры соседа. Так, согласно опросам, проведенным во Владивостоке, Хабаровске, Благовещенске, Биробиджане и ряде других населенных пунктов в 2003 г., Лу Синя назвали писателем – 9% респондентов, а в 2008 г. уже 18 %; Ци Байши – художником - 6 и 10% соответственно [113, с.

51]. За последние десятилетия было подготовлено значительное количество специалистов регионоведов, филологов и педагогов, обладающих достаточно высоким уровнем культурной компетентности в отношении ближайшего соседа. В совокупности это существенно увеличило коммуникативные возможности региона по сравнению с предшествующим историческим периодом.

Наряду с этим, ряд факторов, в том числе экономического характера, оказывают негативное влияние на культурное взаимодействие. Накопленный за последние десятилетия опыт двусторонних связей и различных форм совместной работы демонстрирует необходимость интегративного подхода в организации гуманитарного сотрудничества. Статус стратегического партнерства диктует необходимость создания единого координирующего центра, способного осуществлять планомерную, взвешенную культурную политику в регионе по отношению к Китаю. Мониторинг гуманитарных контактов, должен сопровождаться оценкой их результативности, а детальное планирование – эффективной поддержкой администрации на местном и федеральном уровне. Культурное сотрудничество должно соотноситься с экономическими и политическими интересами партнерства, но не подменяться ими. Значительный потенциал дальневосточного региона для будущего развития и культурного взаимообогащения двух стран должен быть использован в полной мере. Возможность этого подтверждают предварительные результаты взаимодействия между нашими странами в гуманитарной сфере на Дальнем Востоке.

Заключение

В ходе работы над диссертацией был проведен анализ взаимодействия культур России и Китая в Дальневосточном регионе на рубеже XX-XXI веков. Выделен ряд способствующих и тормозящих двустороннее сотрудничество факторов, сложившихся к настоящему моменту. Среди них наибольшее значение имеют нормализация двусторонних отношений и реализация права субъектов РФ в качестве непосредственных участников международных и внешнеэкономических связей закрепленные новой Конституцией и Федеральным Договором.

Определена значимость протяженной государственной границы с КНР как одного из важных культуuroобразующих факторов, обусловивших специфику региональной культуры. Разделяя два государства, принадлежащих к разным цивилизационным ареалам и культурным традициям, она одновременно стала зоной их активного взаимодействия. Многочисленные примеры, приведенные в работе, наглядно демонстрируют влияние Китая на российский Дальний Восток. Оно сказывается на языковой ситуации, зримо присутствует в художественном творчестве и повседневности, что позволяет автору охарактеризовать наблюдаемое явление термином «экотонный» эффект. Содержание его заключается в том, что культурная среда приграничных регионов отличается большим разнообразием от разграничиваемых систем. Существенная дистанция между вступающими во взаимодействие культурами обуславливает значительный эвристический потенциал и создает условия обогащения региональной культуры Дальнего Востока России новыми синкретичными формами.

Изучаемый период характеризуется активизацией гуманитарного сотрудничества с Китаем. В регионе сложились в целом благоприятные условия, способствующие развитию двусторонних связей. Проводятся совместные фестивали, конференции, выставки, концерты, спортивные мероприятия. За последние десятилетия было подготовлено значительное количество специалистов регионоведов, филологов и педагогов, обладающих достаточно высоким уровнем культурной ком-

петентности в отношении ближайшего соседа. В совокупности это существенно увеличило коммуникативные возможности региона. Наряду с этим, ряд факторов, в том числе экономического характера, оказывают негативное влияние на культурное взаимодействие. Накопленный за последние десятилетия опыт двусторонних связей и различных форм совместной работы демонстрирует необходимость научно-обоснованного интегративного подхода в организации гуманитарного сотрудничества. Только в этом случае значительный потенциал Дальневосточного региона может быть использован в полной мере.

Одной из главных проблем культурного взаимодействия является проблема совместимости – показателя возможности гармоничного взаимодействия культур, эффективного освоения и интеграции ими инородных элементов. Рассмотрены особенности и общие черты традиций России и Китая. В представленном исследовании проблема культурной совместимости продемонстрирована на примере интеграции традиционной китайской медицины в отечественную терапевтическую практику. Привлечение материала из этой научно-прикладной области позволило увидеть путь преодоления возникающих трудностей на основе общности проблемно-целевого подхода, примененного для решения наиболее сложных задач взаимодействия.

Современное состояние мирового сообщества характеризуется цивилизационной амбивалентностью. Дихотомия «традиционалистского» и «техногенного» (иначе либерального, современного или западного) типов цивилизации при всей условности самих терминов действительно существует и затрагивает все аспекты человеческой жизнедеятельности, коренясь в доминирующих устоях сознания их представителей. В первую очередь это касается картины мира, особенностей восприятия пространства и времени, построения антропологической модели и т.д. Различия между двумя цивилизационными типами распространяются на все без исключения стороны жизнеустройства.

Россия и Китай до настоящего времени остаются цивилизациями «традиционалистского» типа. В крайне тяжелых исторических условиях XX века они сделали схожий судьбоносный выбор, пойдя на огромные жертвы и ускоренную модернизацию, они сохранили не только государственный, но что более важно – культурный суверенитет, отказавшись от своего включения в периферию «западного проекта». В этом выборе наши народы шли рука об руку. В итоге взаимоотношение культур России и Китая представляется нам антиномией, значительная культурная дистанция между ними сочетается с их цивилизационным родством, при этом Китай приобретает образ далекого - близкого «инога». Этим, на наш взгляд, объясняется приведенное выше различие в оценках культурной совместимости России и Китая. Под культурной совместимостью мы понимаем возможность гармоничного культурного взаимодействия, эффективного освоения и интеграции элементов иной культуры.

Прогноз дальнейшего развития ситуации в кратко и среднесрочной перспективе позволяет сделать следующий вывод. Маловероятно развитие культурного взаимодействия России и Китая на Дальнем Востоке по сценариям ассимиляции или диссимилиации. При сохранении сравнительной стабильности на пограничных рубежах процесс будет носить характер селективной интеграции, избирательного заимствования элементов культуры соседа с их трансформацией и творческим преобразованием в естественной, природной среде. Региональная культура будет продолжать активно участвовать в формировании образа соседа, который будет передаваться от границы к центру культурного пространства России. Сохранит свое значение и представительская функция региона. В целом позитивные формы культурного взаимодействия, наблюдаемые в регионе, способны создать необходимый фундамент для эффективного сотрудничества между двумя государствами в интересах народов их образующих.

Список литературы

1. Абрамова, Н. А. Традиционная культура Китая и межкультурное взаимодействие / Н. А. Абрамова. - Чита: ЧитГТУ, 1998. - 303 с.
2. Аверина, О. Р. Духовная культура Дальнего Востока на рубеже веков / О. Р. Аверина // Духовная жизнь Дальнего Востока России: Материалы региональной науч. – практ. конф. (Хабаровск, 24-26 октября 2000 г.) / Гос. архив Хабаровского края. Хабаровск: Издательский дом «Частная коллекция». - 2000. - С. 11-14.
3. Актуальные проблемы этнопсихологии в контексте культурно-экономического сотрудничества со странами Азиатско-Тихоокеанского региона: сб. науч. статей международной науч.-практ. конф. 23-25 мая 2008 г. В 2 т. / Под ред. Р. Д. Санжаевой. - Хабаровск: ДВГУПС, 2008. - Т.1. - 304 с.
4. Алексеев, А. М. Восток – Запад: опыт осмысления межкультурных контактов / А. М. Алексеев // Вопросы культурологии. - 2010. - № 12. - С. 10-14.
5. Алексеев, В. В. Регионализм в России / В. В. Алексеев. – Екатеринбург: РАН Урал. отд.; Урал. гуманит. ин-т, 1999. - 193 с.
6. Алексеев, В. В. Региональное развитие в контексте модернизации / В. В. Алексеев, Е. В. Алексеева, М. Н. Денисевич и др. - РАН Урал. отд. – Екатеринбург: Лувен, 1997. – 326 с.
7. Алексеенко, М. Л. О работе международной конференции «Приамурье – форпост России И АТР» / М. Л. Алексеенко // Сборник по материалам международной конференции «Приамурье – форпост России в АТР». Благовещенск. - 2008. - С. 5-7.
8. Алимов, И. А. Срединное государство: Введение в традиционную культуру Китая / И. А. Алимов, М. Е. Ермаков, А. С. Мартынов. - М: Муравей, 1988. - 288 с.
9. Аникина, Г. П. Концепт «толпа» в творчестве китайских писателей Лу Синя, Лао Шэ и Вс. Н. Иванова / Г. П. Аникина // Литература и диалог культур: материалы международной научн. конф. «Языковая политика и языковое

- образование в условиях межкультурного общения» (ДВГГУ, Россия-Аугсбургский университет, Германия). – Хабаровск. 2006. -С. 15-18.
10. Антонова, Л. Памяти Леонида Волкова / Л. Антонова // Приамурье. Лит.-худ. альманах. -2000. -№4 (22). -С. 45.
 11. Арнольди, Э. К. Хронический простатит: проблемы, опыт, перспективы / Э. К. Арнольди. - Ростов н/Д.: Феникс, 1999. -320 с.
 12. Базарная, Г. А. Приамурье: вектор информационной поддержки / Г. А. Базарная // Сборник по материалам международной конференции «Приамурье – форпост России в АТР». Благовещенск. - 2008. -С. 35-40.
 13. Бакетин, В. М. Нерешенные проблемы медицины. Роль методологий, традиций, догм общепризнанного, пределов их доказательности. Взгляд на сущность нерешенного с конкретно-генетических естественно-природных позиций: монография / В. М. Бакетин. - Петропавловск-Камчатский: изд. Дальневосточного филиала Всероссийской академии внешней торговли МЭРиТ РФ, 2005. - 208 с.
 14. Баклыская, Л. Е. Знаки Востока в культурном контексте российской архитектуры / Л. Е. Баклыская // Новые идеи нового века: материалы Восьмой международной конференции ИАС ТОГУ. – Хабаровск: ТОГУ. - 2008. - С. 11-16.
 15. Баландин, Р. Учение о биосфере, мечта о ноосфере / Р. Баландин // Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера. – М.: Айрис-пресс, 2003. – С. 5-30.
 16. Балов, В. П. Состояние и перспективы развития международных связей в образовательной области на примере Комсомольского-на-Амуре государственного педагогического университета / В. П. Балов, А. П. Кошкин // Культурно-экономическое сотрудничество стран Северо-Восточной Азии: материалы международного симпозиума 18-19 мая 2005 г.: в 3 т. / Под ред. Л. П. Лазаревой, Ю. А. Тюриной. - Хабаровск: ДВГУПС. - 2005. - Т. 3. - С. 11-13.
 17. Баранов, И. Г. Верования и обычаи китайцев / И. Г. Баранов. - М.: Муравей-Гайд, 1999. - 304 с.

18. Басова, В. А. Формирование бизнес-отношений между партнерами из России и странами СВА на основе исследования их культурной среды / В. А. Басова // Культурно-экономическое сотрудничество стран Северо-Восточной Азии: материалы Второго международного симпозиума 18-19 мая 2006 г. в 2 т. / Под ред. Ю. М. Сердюкова. - Хабаровск. Изд. ДВГУПС. - 2006. - Т. 2. - С. 86-89.
19. Баш, А. Журавль / А. Баш // Приамурье: Лит.- худ. альманах. - 2001. - №5 (23). - С. 102.
20. Баш, А. Поток / А. Баш // Приамурье: Лит.- худ. альманах. - 2001. - №5 (23). - С. 102.
21. Белова, В. Л. Регионоведение. Регионообразующие факторы / В. Л. Белова // Социально-гуманитарные знания. – 1999. – № 2. – С. 57 – 67.
22. Библер, В. С. XX век и диалогический смысл культуры / В. С. Библер // Методологические проблемы теоретико-прикладных исследований культуры: сб. научн. тр. / М-во культуры РСФСР, АН СССР, Научно-исслед. ин-т культуры; [редкол.: Томко Т. В. и др.] – М.: Изд-во НИИ культуры, 1988. - 303 с.
23. Бондаренко, В. Твердыня Поднебесной (Точка зрения) / В. Бондаренко // Дальний Восток. - 2007. - №2. - С. 177-185.
24. Бочарников, А. Н. Состояние сотрудничества в области культуры и искусства между Хабаровским краем и Северо-восточными провинциями Китая / А. Н. Бочарников // Дальний Восток России – Северо-Восток Китая: Исторический опыт взаимодействия и перспективы сотрудничества: пленарные доклады и отчет международной научно-практической конференции (Хабаровск, 1-2 июня 1998 г.). Хабаровск: ДВГНБ, -1998. - 72 с.
25. Брит, М. В. Использование «чайной культуры» в воспитании национальной толерантности у учащихся общеобразовательной школы во внеклассной работе / М. В. Брит // Амурский научный вестник: сб. науч. тр. - Комсомольск-на-Амуре: Изд-во АмГПУ, 2007. - С. 63-67.

26. Булгакова, И. А. Телеологический принцип в философии и педагогике / И. А. Булгакова // Философское мировоззрение и картина мира. Четвертые Лойфмановские чтения: материалы Всерос. науч. конф. (Екатеринбург, 17-18 дек. 2009 г.) / [отв. ред. В. В. Ким]. – Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2009. - С. 50-53.
27. Бурыкина, Н. Б. Формирование исторического сознания личности в переходную эпоху (в системе диалога культур) / Н. Б. Бурыкина // Актуальные проблемы этнопсихологии в контексте культурно-экономического сотрудничества со странами Азиатско-Тихоокеанского региона: сб. науч. статей международной науч.- практ. конф. 23-25 мая 2008 г. В 2 т. Под ред. Р. Д. Санжаевой. -Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2008. - Т. 1. - С.144-151.
28. Васильев, К. В. Истоки китайской цивилизации / К. В. Васильев. - М.: Вост. лит., 1998. -318 с.
29. Васильев, Л. С. Культы, религии, традиции в Китае / Л. С. Васильев. -М.: Наука, 1970. -484 с.
30. Васильев, Л. С. Проблемы генезиса китайской мысли: формирование основ мировоззрения и менталитета / Л. С. Васильев. -М.: Наука, 1989. -309 с.
31. Ведякин, В. А. Амур – река дружбы / В. А. Ведякин // Вестник культуры Дальнего Востока. Вып. 1. Хабаровск. - 2001.- С. 4-5.
32. Веклич, Ж. В. Социокультурный аспект в преподавании китайского языка / Ж. В. Веклич, Г. А. Макарина //Дальний Восток: проблемы межкультурной коммуникации. Материалы науч.-практ. конф. (г. Комсомольск-на-Амуре, 19-21 сентября 2006г.) / Редколегия: И. И. Докучаев (отв. ред.) и др. - Комсомольск-на-Амуре: ГОУВПО «КнАГТУ». - 2006. - С. 163-165.
33. Вернадский, В. И. Биосфера и ноосфера. / В. И. Вернадский. – М.: Айрис-пресс, 2003. – 576 с.
34. Верченко, А. Л. Китайские народные праздники / А. Л. Верченко. - М.: Ле-ном, 2002. - 95 с.

35. Военные события прошлого лета на Амуре. / Сост. Н. З. Голубцов. - Благовещенск: Тип. «Амурской газеты» А. В. Кирхнер, 1901. - 29 с. [Оттиск из «Амурского календаря» на 1900 год].
36. Воробьева, Е. А. Культурное приграничье как форма осмысления бытия культуры / Е. А. Воробьева // Известия государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. - 2007. - Т 14. - № 37. - С. 32-35.
37. Воробьева, И. Ю. Восточные мотивы в поэзии и прозе русских писателей дальневосточной эмиграции / И. Ю. Воробьева // Литература и диалог культур: материалы международной науч. конф. «Языковая политика и языковое образование в условиях межкультурного общения» (ДВГГУ, Россия - Аугсбургский университет, Германия) / Науч. ред. В. Г. Мехтиев. – Хабаровск. 2006. - С. 26-33.
38. Ворохова, З. Национально–региональный компонент: разработка и реализация / З. Ворохова // Народное образование. – 2000. – № 6. – С. 67–71.
39. Выступление консула по науке и технике Генерального консульства Китайской Народной республики в г. Хабаровске г-на Лю Чжичжун // Вестник дальневосточной государственной научной библиотеки. -2007. - №1 (34). - С. 101-102.
40. Вэнь, Цзянь. О бытовании традиционных религий Китая в Хэйхэ / Цзянь Вэнь, Л. А. Горобец // Религиоведение. Науч.-теоретич. журнал. Благовещенск: Изд-во АмГУ. - 2002. - №1. - С. 66-68.
41. Вэнь, Цзянь. Даосизм в современном Китае / Цзянь Вэнь, Л. А. Горобец. - СПб.: Петербургское Востоковедение, 2005. - 160 с.
42. Гаваа, Лувсан. Традиционные и современные аспекты восточной рефлексотерапии 3-е изд., перераб. / Лувсан Гаваа. - М.: Наука, 1992. - 576 с.
43. Галенович, Ю. М. Россия – Китай: шесть договоров / Ю. М. Галенович. - М.: Муравей, 2003. - 408 с.
44. Гальперин, М. С. О некоторых проблемах преподавания китайского языка в ВУЗе / М. С. Гальперин // Науки о человеке, обществе и культуре: история,

- современность, перспективы: Сборник научных трудов под ред. И. И. Докучаева. - Комсомольск-на-Амуре: ГОУВПО «КнАГТУ», 2004. - с. 25-28.
45. Гельбрас, В. Г. Китайская реальность России / В. Г. Гельбрас. - М.: «Муравей», 2004. - 320 с.
46. Глебова, Е. Христианский диалог на Дальнем Востоке / Е. Глебова // Словесница искусств. – 2006. - №18. – С. 137.
47. Глушко, М. В. Место фэн-шуй в современной архитектуре / М. В. Глушко, С. М. Козыренко // Новые идеи нового века: материалы шестой международной науч. конф. ИАС ТОГУ / Тихоокеанский государственный университет. - Хабаровск: Изд. ТОГУ, 2006. - С. 323-326.
48. Голыгина, К. И. Современная литература Китая / К. И. Голыгина // Изучение литератур Востока: Россия XX век. - М., 2002. - С. 245-269.
49. Горобец, Л. А. Эхо боксерского восстания: постановка проблемы в контексте регионального сотрудничества России и Китая / Л. А. Горобец, С. Т. Горобец // Сборник по материалам международной конференции «Приамурье – форпост России в АТР». Благовещенск. - 2008. -С. 234-241.
50. Горьховская, Л. Г. Проблема интериоризации территории: попытка кросс-культурного анализа / Л. Г. Горьховская, Е. И. Нестерова. // Новое видение культуры мира в XXI веке. Материалы международной науч. конф. Владивосток: Изд. ДВГТУ, 2000. -С. 148-154.
51. Григоренко, В. Г. Высшая школа Дальнего Востока России в образовательном пространстве стран АТР / В. Г. Григоренко, Е. Ю. Римлянд // Культурно-экономическое сотрудничество стран Северо-Восточной Азии: материалы международного симпозиума 18-19 мая 2005 г. в 3 т. / Под ред. Ю. М. Сердюкова, А. В. Туркульца. Хабаровск: ДВГУПС, 2005. - т. 1. -С. 9-14.
52. Григорьева, Т. П. Дао и логос (встреча культур) / Т.П. Григорьева. – М.: Наука, 1992. - 424 с.
53. Гроф, С. Революция сознания: Трансантлантический диалог / С. Гроф, Э. Ласло, П. Рассел; Пер. с англ. М. Драчинского. - М.: ООО «Издательство АСТ» и др., 2004. -284 с.

54. Гудков, Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации / Д. Б. Гудков. - М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. - 288 с.
55. Далянъ: Путеводитель / авт.- сост. А. Щетинкина. - Хабаровск: Старый город, 2002. - 144 с.
56. Дао-Дэ цзин. Пер., вступ. ст., коммент. В. В. Малявина. М.: ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2003. - 559 с.
57. Девятков, А. П. Практическое китаеведение: базовый учебник. / А. П. Девятков. - М.: Восточная книга, 2007. - 544 с.
58. Делюсин, Л. П. Что для русских Китай? / Л. П. Делюсин // Россия и Китай в системе международных отношений на рубеже XXI века. - 2002. - Вып. 10. - С. 54 - 68.
59. Демидо, Н. Ю. Некоторые новые явления в литературной ситуации КНР 90-х гг. / Н. Ю. Демидо // Современный Китай: право, политика, общественная жизнь. - 2000. - С. 74-80.
60. Демидов, С. Ли Янлену / С. Демидов // Приамурье: Лит.-худ. альманах. Благовещенск. - 1995. - №1(19). - С. 226.
61. Демченко, В. И. И традиции, и новаторство / В. И. Демченко // Художники Приамурья. Альбом. Благовещенск: Зея, - 2004. - С. 6.
62. Дёмин, Л. М. Взаимодействие культур и проблема взаимных культурных влияний: учебное пособие / Л. М. Дёмин. - М.: РУДН, 1999. - 176 с.
63. Доклад Министра культуры Хабаровского края на расширенном заседании Правительства // Материалы расширенного заседания правительства Хабаровского края и депутатских слушаний краевой законодательной думы по вопросам состояния и развития культуры края. Хабаровск. 2003. - с. 5-13.
64. Дружинин, А. Г. География культуры: некоторые аспекты формирования нового научного направления / А. Г. Дружинин // Известия всероссийского географического общества. - 1989 - Т. 121. - Вып. 4. - С. 307 - 313.
65. Дубровин, Д. А. Трудные вопросы классической китайской медицины / Д. А. Дубровин. - Л.: Аста-пресс, 1991. - 227 с.

66. Дудченко, Г. Б. Город Цзиси: справочник / Г. Б. Дудченко. - Владивосток: Рос. акад. наук, Дальневост. отд-ние, ин-т истории, археологии и этнографии народов Дал. Востока ДВО РАН, 2002. - 123 с.
67. Дьякова, Н. Н. Харбинская тетрадь / Н. Н. Дьякова // Дальний Восток. - 2008. - №3. - С. 56-58.
68. Ефименко, Ю. В. Китайка пела ... / Ю. В. Ефименко // Дальний Восток. - 2004. - № 6. - С. 88-102.
69. Желоховцев, А. Новые темы в современной китайской литературе / А. Желоховцев // ПДВ. - 2001. - № 2. - С. 152-160.
70. Жидков, В. С. Культурная политика России: теория и история / В. С. Жидков, К. Б. Соколов. - М.: Академический Проект, 2001. - 592 с.
71. Забияко, А. А. Проблема этнокультурного синтеза в литературе русского Харбина / А. А. Забияко // Культурно-экономическое сотрудничество стран Северо-Восточной Азии: материалы международного симпозиума 18-19 мая 2005 г. в 3 т. / Под ред. Ю. М. Сердюкова, А. В. Туркульца. Хабаровск: ДВГУПС, -2005. -Т. 2. -С. 123-125.
72. Забияко, А. А. Этнорелигиозные контакты в приграничных районах Приамурья / А. А. Забияко, Р. А. Кобызов, С. В. Волегов // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Благовещенск: АмГУ, 2003. - Вып. 5. - С. 392-399.
73. Завадская, Е. В. Культура Востока в современном западном мире. / Е. В. Завадская. - М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1977. -168 с.
74. Зайченко, Н. Д. К проблеме формирования профессиональной межкультурной компетенции при обучении иностранному языку в неязыковом вузе / Н. Д. Зайченко // Гуманистическая парадигма при обучении иностранному языку в высшей школе: материалы науч. - практ. конф. (Хабаровск, 6 апреля 2005г.) / Под ред. Н. В. Калининой. Хабаровск: Изд-во Тихоокеанского государственного университета, 2005. -С. 80-84.

75. Зинченко, В. Г. Межкультурная коммуникация. От системного подхода к синтетической парадигме: учеб. пособие / В. Г. Зинченко, В. Г. Зусман, З. И. Кирнозе. - М.: Флинта. Наука, 2007. -224 с.
76. Зубова, И. И. Культурная политика региона для развития культурной среды (на примере Амурской области) / И. И. Зубова // Дальневосточное пограничье: культурное и информационное сотрудничество: Материалы науч.-практ. конф. II-е Муравьевские чтения. Благовещенск, 5-6 октября 2004 г. Доклады и сообщения. - Благовещенск: Амур. обл. науч. б-ка им. Муравьева-Амурского, 2005. - Ч. 1-я -С. 7- 14.
77. Иванишко, И. В. Актуальные проблемы противодействия нетрадиционным культам в дальневосточном регионе / И. В. Иванишко // Труды Хабаровской духовной семинарии: Ежегодник. 2007 год. Хабаровск: Хабаровская духовная семинария. - 2008. -С. 227-231.
78. Иванов, А.В. «Бытие-на-границе» как геополитическая и культурная константа Евразии / А. В. Иванов // Мир науки, культуры, образования. - 2009. - №3. -С. 102-108.
79. Иващенко, В. И. Кризис цивилизационной идентичности российского общества и пути его преодоления / В. И. Иващенко // Актуальные проблемы политической географии и геополитики: Материалы Всероссийской науч. конф. Биробиджан: ТИГИКАРП ДВО РАН, 2005. -С. 34-37.
80. История китайской философии / Пер. с кит., общ. ред. и послесл. М. Л. Титаренко. М.: Прогресс, 1989. -552 с.
81. Ишаев, В. И. Россия в Восточной Азии: сотрудничество, проблемы, перспективы. / В. И. Ишаев. – М.: Институт международных экономических и политических исследований РАН, 2005. - 240 с.
82. Кабаков, А. Н. Не падай духом: Стихи в авторской редакции / А. Н. Кабаков. - Хабаровск: б/и, 2006. – 80 с.
83. Кабузенко, Н. Е. Некоторые вопросы развития рынка культурных ценностей в регионе и их вывоза за границу / Н. Е. Кабузенко // Третьи Гродековские чтения: Материалы региональной науч.- практ. конф. «Дальний Восток

- России: исторический опыт и современные проблемы заселения и освоения территорий» / Под ред. Н. И. Дубининой. Хабаровск: ДВГНБ, -2001. -Ч II. - С. 299-303.
84. Каган, М. С. Философия культуры / М. С. Каган. - СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1996. - 416 с.
85. Казакова, Г. М. Регион как субкультурный локус (на примере Южного Урала) : автореф. дис. ... д-ра культурологи: 24.00.01 / Казакова Галина Михайловна. - М., 2009. - 42 с.
86. Калачев, В. В. Роль специального уполномоченного эксперта территориального управления Министерства культуры РФ по сохранению культурных ценностей в Хабаровске в расширении культурного сотрудничества между Амурской областью и Китайской Народной Республикой / В. В. Калачев // Актуальные проблемы сохранения культурных ценностей в Дальневосточном регионе: материалы межведомственной региональной науч.- практ. конф. (Часть I. Хабаровск, 10-12 ноября 2002 г.) / Территориальное управление Министерства культуры России по сохранению культурных ценностей в г. Хабаровске. Хабаровск: Изд. дом «Частная коллекция», 2002. - С. 95-97.
87. Калинин, В. К. Границы в культуре и культура на границах [Электронный ресурс] / В. К. Калинин // Журнал практической психологии и психоанализа. - март 2008. - №1. Режим доступа: <http://psyjournal.ru/j3p/pap.php?id=20080108>.
88. Кара-Мурза, С. Г. Манипуляция сознанием. / С. Г. Кара-Мурза. – М.: Эксмо, 2006. - 832 с.
89. Картавая, З. П. К проблеме сопоставления философских традиций Запада и Востока / З. П. Картавая // Культура Дальнего Востока России и стран АТР: Восток-Запад. Владивосток. 1997. - Вып. 3. – С. 39 - 42.
90. Качанова, Ю. Е. Международный формат сессий Дальневосточной школы библиотечной инноватики как форма развития профессиональных коммуникаций / Ю. Е. Качанова // Вестник дальневосточной государственной научной библиотеки. - 2007. - №1 (34). - С. 114-121.

91. Кемеров, В. Е. Восток и Запад: судьба диалога. / В. Е. Кемеров, Н. П. Коновалова. Екатеринбург: Изд-во «Урал-НАУКА», 1999. - 158 с.
92. Кириллова, Е. С. Пилипчук С. В. Роль перевода в межкультурной коммуникации с психолингвистических позиций Е. С. Кириллова, С. В. Пилипчук. // Актуальные проблемы этнопсихологии в контексте культурно-экономического сотрудничества со странами Азиатско-Тихоокеанского региона: Сб. науч. статей междунар. науч.- практ. конф. 23-25 мая 2008 г. В 2 т. Пол ред. Р. Д. Санжаевой. Хабаровск: Изд. ДВГУПС. - 2008. - Т. 1. - С. 272 - 276.
93. Китайская геомантия / Сост., пер., вст. ст., примеч. М. Е. Ермакова. СПб.: Петербургское востоковедение, 1998. - 272 с.
94. «Китайское измерение» дальневосточной повседневности: материалы исследования: монография. Владивосток: ТИПРО-центр, 2005. - 244 с.
95. Китайская философия: энцикл. слов. / Рос. АН, Ин-т Дальнего Востока; [Н. В. Абаев и др.]; гл. ред. М. Л. Титаренко. - М.: Мысль, 1994. - 537с.
96. Китайские закуски / Сост. В. М. Рошаль.- М.: Эксмо, СПб.: Терция, 2003. - 64 с.
97. Ключко, С. И. О взаимодополняемости способов записи музыкального текста в китайской традиции / С. И. Ключко // Культура Дальнего Востока России и стран АТР: Восток – Запад. – 2007. - С. 394-400
98. Кобзев, А. И. Методология традиционной китайской философии / А. И. Кобзев // НАА. - 1984. - №4. - С. 52-63.
99. Кобзев, А. И. Дэ и коррелятивные категории в китайской классической философии / А. И. Кобзев // От магической силы к моральному императиву: категория дэ в китайской культуре. М.: -1998. - С. 12-35.
100. Комаров, П. С. Из маньчжурской тетради / П. С. Комаров // Дальний Восток. - 2005. - №5. - С. 3-4.
101. Комиссаров, С. А. Традиционная китайская медицина. Историко-культурное введение / С. А. Комиссаров // Вестн. НГУ. Сер. История, филология. - 2002.- Т. 1. - № 2.- С. 137-140.

102. Копалов, В. И. Коммуникативный потенциал русского национального характера / В. И. Копалов // Философское мировоззрение и картина мира. Четвертые Лойфмановские чтения: материалы Всерос. науч. конф. (Екатеринбург, 17-18 дек. 2009 г.) / [отв. ред. В. В. Ким]. – Екатеринбург: Изд. Урал. Ун-та, 2009. - С. 98-103.
103. Корнилов, С. В городе нашем снимается кино: Кинематографисты азиатских стран создавали художественные киноленты во Владивостоке / С. В. Корнилов // Россия в АТР. – 2007. - № 4 (4) – С. 70-75.
104. Кравцова, М. Е. История культуры Китая. / М. Е. Кравцова. - СПб.: Лань, 1999. - 416 с.
105. Кржижановский, Е. С. Взаимодействие цивилизаций и проблемы межкультурного общения в рамках международного партнерства в Азиатско-Тихоокеанском регионе / Е. С. Кржижановский // Азиатско-Тихоокеанский регион в глобальной политике, экономике и культуре XXI века. - 2002. - С. 78-82.
106. Кригер, Г. Н., Специфика психологической адаптации в условиях современного культурного пространства на примере русской и китайской культур / Г. Н. Кригер, Чжэн Цзя. // Актуальные проблемы этнопсихологии в контексте культурно-экономического сотрудничества со странами Азиатско-Тихоокеанского региона: сб. науч. статей международной науч.- практ. конф. 23-25 мая 2008 г. В 2 т. Пол ред. Р. Д. Санжаевой. Хабаровск: Изд. ДВГУПС. 2008. - Т. 1. - С. 231-236.
107. Кулимов, В. В. Межполушарная асимметрия мозга как один из факторов проявления высших психических функций в межкультурном взаимодействии народов стран СВА / В. В. Кулимов, Р. Д. Санжаева // Культурно-экономическое сотрудничество стран Северо-Восточной Азии: материалы Второго международного симпозиума 18-19 мая 2006 г. в 2 т./ Под ред. Ю. М. Сердюкова. Хабаровск: Изд. ДВГУПС, - 2006. - Т. 2. - С. 104-108.

108. Культура Дальнего Востока России и стран АТР: Восток – Запад. Материалы научных конференций 17-18 мая 2006, 25-26 апреля 2007 гг. ДВГАИ. Вып. 13, 14. Владивосток.: Изд. ТГЭУ, 2007. - 408 с.
109. Кэмпбелл, Дж. Мифический образ. /Дж. Кэмпбелл. Пер. с англ. К. Е. Семенова. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. – 683 с.
110. Ларин, В. Л. Китай и Дальний восток России в первой половине 90-х: проблемы регионального взаимодействия. / В. Л. Ларин. - Владивосток: Дальнаука, 1998. - 284 с.
111. Ларин, В. Л. Китайцы в России. / В. Л. Ларин. - М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2000. - 124 с.
112. Ларин, В. Л. Российско-китайские отношения в региональных измерениях (80-е годы XX – начало XXI в.) / В. Л. Ларин. - М.: Восток-Запад, 2005. - 390 с.
113. Ларина , Л. Л. Окружающий мир глазами дальневосточников (по итогам опроса населения, 2008г.) / Л. Л. Ларина, В. Л. Ларин. // Россия и АТР. - 2009. - №1. - С. 33-58.
114. Лебедева, Н. А. Формирование учебной программы «Культура стран Восточной Азии» в контексте проблемы «Восток-Запад» /Н. А. Лебедева // Культура Дальнего востока России и стран АТР: Восток-Запад. - 1999 - Вып. 5. - С. 29-32.
115. Ли Янлен. Песня о берегах Амура. / Ли Янлен.- Благовещенск: Изд. Амурское отделение Литфонда РФ, 1996. - 104 с.
116. Лившиц, Р. Л. Желтолицый брат мой ... / Р. Л. Лившиц // Дальний Восток. - 2004. - №6. - С.187-191.
117. Лозиков, А. А. Избранное. / А. А. Лозиков. – Хабаровск: Кн. изд-во, 2000. – 336 с.
118. Лотман, Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. / Ю. М. Лотман. – М.: «Языки русской культуры», 1999. - 464 с.
119. Ломова, Т. Е. Ячин С. Е. Трансформация ценностных ориентаций российской и китайской студенческой молодёжи в условиях глобализации / Т. Е.

- Ломова, Е. Д Тимошенко, С. Е. Ячин. // Вестник ДВО РАН. - 2009. - № 1. - С. 81-90.
120. Луань Мэйцзянь Главные литературные направления китайской литературы 20-го века. Современный взгляд / Мэйцзянь Луань // Культурно-экономическое сотрудничество стран Северо-Восточной Азии: материалы международного симпозиума 18-19 мая 2005 г. в 3 т./ Под ред. Ю. М. Сердюкова, А. В. Туркульца. Хабаровск: Изд. ДВГУПС, 2005. - Т. 2. - С. 169-171.
121. Лукин, А. В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII – XXI веках / А. В. Лукин. - М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. - 598 с.
122. Лукьянов, А. Е. Истоки Дао. / А. Е. Лукьянов. - М.: ИНСАН; РМФК, 1992. - 160 с.
123. Лукьянов, А. Е. Становление философии на Востоке (Древний Китай и Индия) / А. Е. Лукьянов. - М.: ИНСАН; РМФК, 1992. - 208 с.
124. Макаренко, В. Г. Становление и развитие международных связей вузов Дальнего Востока России в постперестроечный период (1991-2006 гг.) / В. Г. Макаренко // Дальний Восток: проблемы межкультурной коммуникации. Материалы науч.-практ. конф. (г. Комсомольск-на-Амуре, 19-21 сентября 2006г.) / Редколегия: И. И. Докучаев (отв. ред.) и др. - Комсомольск-на-Амуре: ГОУВПО «КНАГТУ». - 2006. - С. 60-64.
125. Макаренко, В. Г. Важнейшие результаты научной и научно-организационной деятельности Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН в 2008 г. / В. Г. Макаренко // Россия и АТР. - 2009. - № 1. - С. 171-189.
126. Малявин, В. В. Традиционная эстетика в странах Дальнего востока. / В. В. Малявин.- М.: Знание, 1987. - 64 с.
127. Малявин, В. В. Китайская мудрость в постмодернистский век: возвращение традиции? / В. В. Малявин // ПДВ. - 1995. - № 5. - С. 106 - 115.
128. Малявин, В. В. Китайская цивилизация / В. В. Малявин.– М.: Астрель, 2000. - 627 с.

129. Малявин, В. В. Сумерки Дао: Культура Китая на пороге Нового времени / В. В. Малявин. - М.: Дизайн. Информ. Картография., 2000. - 436 с.
130. Масликов, В. И. Универсум: эволюция мыслящей материи. / В. И. Масликов. - Хабаровск: Приамурское географическое общество (ПГО), «РИОТИП» краевой типографии, 2008. – 192 с.
131. Маслов О. К. Далянь / О. К. Маслов // Приамурье. Лит.-худ. альманах. Благовещенск: изд. «Рио», - 1995. - №1 (19). - С. 133-134.
132. Медведев, А. В. Взаимодействие культур: проблема культурной совместимости / А. В. Медведев // Второй Российский культурологический конгресс с международным участием «Культурное многообразие: от прошлого к будущему»: Программа. Тезисы докладов и сообщений. – Санкт-Петербург: ЭЙДОС, АСТЕРИОН, 2008. - С. 299.
133. Медицинская реабилитация в Вооруженных силах Российской Федерации. Методическое пособие для врачей. Часть II. Острые хирургические заболевания и травмы. Под ред. Проф. Н. А. Ефименко и проф. Л. М. Клячкина. - М.: Военное издательство . 2004. - 160 с.
134. Мелихов, Г. В. Маньчжурия далекая и близкая. / Г. В. Мелихов. - М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. - 317 с.
135. Мир китайской культуры: библиогр. указатель / Амур. обл. науч. б-ка, отдел литературы по искусству; сост. С. А. Плечко.- Благовещенск, 2006. - 19 с.
136. Москвитина, С. П. Приморский государственный объединенный музей имени В. К. Арсеньева как культурно-образовательный центр региона / С. П. Москвитина // Культура и культурология на Дальнем Востоке. Материалы регионального научного семинара, посвященного 15-летию каф. культурологии. 19 ноября 2004 г. Владивосток: Изд. Дальневост. ун-та, 2004. - С. 9-11.
137. Мосолова, Л. М. Региональная культурная политика в образовании и межкультурных коммуникациях / Л. М. Мосолова // Дальний Восток: проблемы межкультурной коммуникации. Материалы науч.-практ. конф. (г. Комсо-

- мольск-на-Амуре, 19-21 сентября 2006 г.) / Редколегия: И. И. Докучаев (отв. ред.) и др. - Комсомольск-на-Амуре: ГОУВПО «КнАГТУ», - 2006. С. 8-13.
138. Мурзина, И. Я. Феномен региональной культуры: поиск качественных границ и языка описания: монография / И. Я. Мурзина.– Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 2003. – 205 с.
139. Мурзина, И. Я. Региональная культура как предмет философско-культурологического анализа / И. Я. Мурзина // Вестник Челябинского государственного университета. Философия. Социология. Культурология. - 2004. - № 29. - С. 88.].
140. Нечаева, А. В. Иноязычная культура как цель обучения иностранным языкам / А. В. Нечаева // Науки о человеке, обществе и культуре: история, современность, перспективы. Сборник научных трудов / Под ред. И. И. Докучаева. - Комсомольск-на-Амуре: ГОУВПО «КнАГТУ», 2007. - С. 116-119.
141. Нидем, Дж. Фундаментальные основы традиционной китайской науки / Дж. Нидем. Китайская геомантия. СПб.: Петербургское востоковедение, 1998. - С. 195-263.
142. Николаев, Е. Отлили «челнока». В Благовещенске появится необычный памятник / Е. Николаев // газета «Город на Амуре». - 2008. – 21 мая.
143. Новосельский, Я. Полный курс Фэн шуй: Классика и современность / Я. Новосельский. - М.: АСТ, 2000. - 2005 с.
144. Овечкин, А. М. Основы чжэнь-цзю терапии. / А. М. Овечкин. - Саранский филиал СП «Норд», изд. «Голос», 1991. - 417 с.
145. Оглезнева, Е. А. О русско-китайском языковом взаимодействии в Приамурье Е. А. Оглезнева // Амурская область: история и современность. Материалы Всероссийск. науч.-практич. конф. Благовещенск Амурский обл.: краеведческий музей им. С. Г. Новикова – Даурского, 2009. - С. 160-162.
146. Пань Хуа. Анализ влияния, оказанного русскими эмигрантами на историю и культуру китайцев в верховьях реки Хэйлунцзян / Пань Хуа // Сборник по материалам международной конференции «Приамурье – форпост России в АТР». Благовещенск: 2008. - С. 274-279.

147. Паутова, В. А. О некоторых основополагающих принципах традиционной китайской медицины (по трактату «Хуан-ди Нэй цзин») / В. А. Паутова // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Благовещенск: Изд. АмГУ, 2003. - Вып. 6. - С. 170-176.
148. Пекин: путеводитель / сост. А. Щетинкина.- Хабаровск: Старый город, 2003. - 160 с.
149. Пестушко, Ю. С. Запад и Восток: диалог цивилизаций или культурная пропасть? (В рамках проекта «Анализ восточной литературы») / Ю. С. Пестушко // Азиатско-Тихоокеанский регион в глобальной политике, экономике и культуре XXI века. - 2002. - С. 3-8.
150. Плотников, А. В. Перспективные направления развития экономических отношений России и Китая / А. В. Плотников // Культурно-экономическое сотрудничество стран Северо-Восточной Азии: материалы Второго международного симпозиума 18-19 мая 2006 г. в 2 т./ Под ред. Ю. М. Сердюкова. Хабаровск: Изд. ДВГУПС, 2006. - Т. 1.- С. 140-144.
151. Поздняков, В. В. «Кто для нас Китай?» / В. В. Поздняков // Дальний Восток. - 2005. - №1.- С.143-149.
152. Полещук, С. И. Мое открытие Китая / С. И. Полещук // Дальний Восток. - 2007. - №5. - С.133-163.
153. Полная энциклопедия фэнь-шуй / сост. К. Савельев. - М.: ЭКСМО, 2004. - 366 с.
154. Помченко, М. А. Роль смысловой сферы в диалоге культур Запада и Востока / М. А. Помченко // Культурно-экономическое сотрудничество стран Северо-Восточной Азии: материалы международного симпозиума 18-19 мая 2005 г. в 3 т. / Под ред. Ю. М. Сердюкова, А. В. Туркульца. Хабаровск: Изд. ДВГУПС. -2005. - Т. 1. - С. 50-52.
155. Потихонов, Н. Призрачный дым Китая... / Н. Потихонов // Дальний Восток. - 2006. - №3. - С.164-173.
156. Прошина, З. Г. Практическая роль современной теории лингвоконтактологии / З. Г. Прошина // Культурно-экономическое сотрудничество стран Се-

- веро-Восточной Азии: материалы международного симпозиума 18-19 мая 2005 г. в 3 т./ Под ред. Ю. М. Сердюкова, А. В. Туркульца. Хабаровск: Изд. ДВГУПС, 2005. - Т. 2. - С. 136-138.
157. Путешествие в Китай: рек. указатель лит./ Дальневост. гос. науч. б-ка, информ.- библиогр. отд.; авт.- сост. С. Д. Дробышевская; редкол.: Т. Б. Мильруд и др.. Хабаровск. 2007. - 36 с.
158. Пылкова, А. А. Приграничье как феномен культуры (на примере Дальнего Востока России): автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.01 / Пылкова Анна Александровна. - Комсомольск-на-Амуре. 2004. - 26 с.
159. Региональное развитие: опыт России и Европейского союза. – М.: ЗАО «Изд-во Экономика», 2000. – 435 с.
160. Романова, Н. П. Деловой этикет на Востоке. Настольная книга бизнесмена: учебное пособие / Н. П. Романова, В. В. Багин, И. В. Романова. - М.: АСТ, 2005. - 295 с.
161. Рыльский, В. В. Поездка в Япули / В. В. Рыльский // Приамурье: Лит.- худ. альманах. 2001. - №5 (23). - С. 38-59.
162. Рябченко, Н. П. У наших соседей / Н. П. Рябченко // Россия и АТР. - 2009. - №1. - С. 169-170.
163. Рябченко, О. Н. Пища и одежда китайцев, их семиотическое значение как части традиционной культуры Китая / О. Н. Рябченко // Дальний Восток России в системе международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе: история, экономика, культура (Третьи Крушановские чтения, 2006 г.). - Владивосток: Дальнаука, 2006. - С. 159-164.
164. Садохин, А. П. Введение в межкультурную коммуникацию: учебное пособие. / А. П. Садохин. - М.: Изд. «Омега - Л», 2009. - 189 с.
165. Санатова, С. В., Гаврилюк Е. А. Использование элементов традиционного китайского костюма в современной одежде / С. В. Санатова, Е. А. Гаврилюк. // Вестник АмГУ. Серия ФПИ. – Благовещенск, 1999. – Вып. 7. – С. 78-79.
166. Санатова, С. В. О творческой коллекции «Покорение стихий» / С. В. Санатова, Е. А. Гаврилюк, С. А. Попов, М. Е. Ефремова. // Международн. науч.

- конф. «Россия и Китай на дальневосточных рубежах». – Благовещенск: Изд. АмГУ, 2001. – С. 104 - 107.
167. Сатаев, А. Г. Китайская миграция на российский Дальний Восток: причины, масштабы и последствия явления (политический и социально-экономический аспекты): автореф. дис. ... кандидата политических наук: 23.00.02 / Сатаев Александр Гимранович. – Владивосток, 2009. - 29 с.
168. Сборник основных официальных документов, регламентирующих двусторонние международные отношения России и Китая на современном этапе. Сост. Н. Н. Приходько. Благовещенск: Изд. Приамурье, 2005. - 112 с
169. Свестельник, З. В. Цветовая культура современных китайских ресторанов / З. В. Свестельник // Новые идеи нового века – 2008: материалы Восьмой международной конференции ИАС ТОГУ / Тихоокеанский государственный университет. Хабаровск: Изд. ТОГУ, 2008. - С. 465-467.
170. Серафим, (Роуз) Душа Китая / пер. с англ. Л. Н. Капитановой / (Роуз) Серафим // Китайский благовестник. 2000. - № 1. - С. 40-51.
171. Серебряков, Е. А. Справочник по истории литературы Китая / Е. А. Серебряков, А. А. Родионов, О. П. Родионова. - М.: АСТ: Восток-Запад, 2005. - 333 с.
172. Сергунин, А. А. Проблемы и возможности регионалистики / А. А. Сергунин // Полис: Политические исследования. – 1994. – № 5. – С. 149 – 151.
173. Скворцова, С. И. Международные отношения Еврейской Автономной Области на современном этапе / С. И. Скворцова // Амурская область: история и современность. Материалы Всероссийской науч. – практич. конф. Благовещенск Амурский обл.: краеведческий музей им. Новикова-Даурского., 2009. - Часть II. - С. 38-41.
174. Смирнов, И. О «китайских церемониях», культе предков и старости в Китае / И. Смирнов // Отеч. зап.- 2005.- № 3.- С. 287-300.
175. События октября // Восточный курьер. – Октябрь 2007. - С. 31.

176. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о всестороннем углублении российско-китайских отношений партнерства и стратегического взаимодействия // ПДВ. 2010. № 6, с. 3 -10.
177. Современная китайская проза. Багровое облако: антология составлена Союзом китайских писателей. - М.; АСТ; СПб.: Астрель - СПб. - 2007. - 511 с.
178. Соловьёв, Л. Голос сердца. Стихи. / Л. Соловьёв. – Благовещенск. Производственно - коммерч. Изд-во «Зея», 1993. – 160 с.
179. Степанова, О. Г. Международная деятельность научной библиотеки ТОГУ (на примере сотрудничества с университетскими библиотеками КНР) / О. Г. Степанова // Вестник дальневосточной государственной научной библиотеки. - 2007. - №1 (34). - С. 121-124.
180. Стрюченко, И. Г. История культуры Дальнего Востока России XVII-XX веков: учебное пособие / И. Г. Стрюченко, Н. В. Кочешков, В. Я. Гирийчук, Л. Е. Фетисова, Е. М. Предагченко. –Владивосток: Изд. Дальневосточного университета, 1998. - 300 с.
181. Сүй, М. В. Этикетные формы извинения в русском и китайском языках / М. В. Сүй // Науки о человеке, обществе и культуре: история, современность, перспективы. Сборник научных трудов / Под ред. И. И. Докучаева. - Комсомольск-на-Амуре: ГОУВПО «КнАГТУ», 2007. - С.140-142.
182. Табеева, Д. М. Руководство по иглорефлексотерапии / Д. М. Табеева. - М.: Медицина, 1980. - 560 с.
183. Тарасова, Г. Вклад гражданина Китая в русскую литературу / Г. Тарасова //Амурский дилижанс. - 2008. - №40 (404). - С. 10.
184. Тарвид, Л. П. О центре мира и праве на своеобразие в китайской и русской культуре / Л. П. Тарвид // Культурно-экономическое сотрудничество стран Северо-Восточной Азии: материалы международного симпозиума 18-19 мая 2005 г. в 3 т. / Под ред. Ю. М. Сердюкова, А. В. Туркульца. Хабаровск. Изд. ДВГУПС, 2005. - Т. 2. - С. 146 - 148.

185. Татценко К. В. Тенденции экономического взаимодействия Дальнего Востока России и Северо-Востока Китая. / К. В. Татценко. - Владивосток: Дальнаука, 2006. - 216 с.
186. Те Нин. Приветствие по случаю выхода в России Антологии современной китайской прозы / Нин Те // Современная китайская проза. Багровое облако: антология составлена Союзом китайских писателей. М.: АСТ; СПб.: Астрель - СПб.- 2007.- С. 3 - 5.
187. Тертицкий, К. М. Изучение традиционной китайской культуры в КНР / К. М. Тертицкий // Восток. - 1991. - № 6. - С. 166-174.
188. Тертицкий, К. М. Китайцы: Традиционные ценности в современном мире / К. М. Тертицкий. - М.: Изд. МГУ, 1994. - 347 с.
189. Тихонова А. Ю. Уникальность региональной культуры Среднего Поволжья в культурологическом измерении : автореф. дис. ... доктора культурологи : 24.00.01 / Тихонова Анна Юрьевна. - Саранск, 2007. - 36 с.
190. Ткаченко, Г. А. Культура Китая: слов.- справ. / Г. А. Ткаченко. - М.: Муравей, 1999. - 381 с.
191. Топоров, В. Н. Пространство культуры и встречи в нем / В. Н. Топоров // Восток – Запад. Исследования. Переводы. Публикации. Выпуск четвертый. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1989. - С. 6 -17.
192. Торощев, С. А. Китайская культура у врат глобализации / С. А. Торощев // ПДВ. - 2004. - № 2.- С. 166-168.
193. Торчинов, Е. А. Даосизм и китайская культура: проблема взаимодействия (по материалам зарубежных исследований) / Е. А. Торчинов // НАА. - 1982. - № 2. - С. 155-168.
194. Торчинов, Е. А. Пути философии Востока и Запада: познание запредельного / Е. А. Торчинов. - СПб.: «Азбука-классика», «Петербургское востоковедение», 2005.- 480 с.
195. Туровский, Р. Ф. Центр и регионы: проблемы политических отношений / Р. Ф. Туровский. - М.: Издательство ГУ-ВШЭ, 2006. – 399 с.

196. Усов, В. Н. История КНР : учебник - Т. 2. – 1966 - 2004 гг. / В. Н. Усов. - М.: МГУ, Ин-т. Стран Азии и Африки, Ин-т Дальн. Востока РАН. АСТ: Восток - Запад, 2006. - 718 с.
197. Фарафонова, М. Теория и практика китайской кухни / М. Фарафонова // Гостиница и ресторан: бизнес и управление. - 2005. - № 1. - С. 36 - 54.
198. Филаткина, И. В. Сотрудничество Дальневосточной государственной научной библиотеки и Хэйлунцзянской провинциальной библиотеки в 1990-2007 гг. / И. В. Филаткина // Вестник дальневосточной государственной научной библиотеки. -2007. - №1 (34).- С. 102-111.
199. Филоненко, В. В. Туристические связи Хабаровского края со странами Северо-Восточной Азии В. В. Филоненко // Культурно-экономическое сотрудничество стран Северо-Восточной Азии: материалы Второго международного симпозиума 18-19 мая 2006 г. в 2 т. / Под ред. Ю. М. Сердюкова. Хабаровск. Изд. ДВГУПС. 2006. - Т. 1. - С. 151-154.
200. Философский энциклопедический словарь. Редкол.: С.С. Аверинцев, Э. А. Араб - Оглы, Л. Ф. Ильичев и др. – 2-е изд.- М.: Сов. Энциклопедия, 1989 - 815 с.
201. Фишман, О. Л. Некоторые проблемы традиционной китайской идеологии / О. Л. Фишман // Из истории традиционной китайской идеологии: материалы и исследования. М.: Наука, 1984. - С. 5-10.
202. Фурсова, С. Пылинка вечности на глиняном черепке / С. Фурсова // Словесница искусств. - 2007. - №19. – С. 120 - 123.
203. Фэн Ю-лань. Краткая история китайской философии / Ю-лань Фэн; пер. с англ. Р. В. Котенко; науч. ред. Е. А. Торчинов. - СПб.: Евразия, 2000. - 376 с.
204. Харбин: путеводитель / сост. А. Литвинов, А. Щетинкина. - Хабаровск: Старый город, 2002. - 96 с.
205. Харбин. Китай: турист. Схема. – Хабаровск : Дальневост. аэрогеодез. предприятие, 1995. - [1] л.

206. Холл, Мэнли П. Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии / Мэнли П. Холл; [пер. с англ.]. – М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2007. - 864 с.
207. Хуан, Чуньжуй Язык жестов – одно из невербальных средств коммуникации / Чуньжуй. Хуан // Культурно-экономическое сотрудничество стран Северо-Восточной Азии: материалы Второго междунар. симпозиума 18-19 мая 2006 г. в 2 т. / Под ред. Ю. М. Сердюкова. Хабаровск: ДВГУПС. - 2006. - Т. 2. - С. 137-141.
208. Царева, М. А. Культура и глобализация / М. А. Царёва // Сборник статей по результатам 52-й ежегодной научной конференции преподавателей факультета восточных языков ДВГГУ (2005/06 учебный год). Хабаровск: Изд. ДВГГУ. - 2006. - С. 20-21.
209. Черкесов, В. Половодье на Амуре / В. Черкесов // Амур. лит.-худож. альманах, №6. Благовещенск: Изд. БГПУ. - 2007. - С. 15.
210. Чернов, В. А. Культурно-экономическое сотрудничество стран. Российско-китайские туристические связи (история, статистика, факты) / В. А. Чернов // Северо-Восточной Азии: материалы Второго международного симпозиума 18-19 мая 2006 г. в 2 т./ Под ред. Ю. М. Сердюкова. Хабаровск: Изд. ДВГУПС. - 2006. - Т. 2. - С. 73-76.
211. Чжан, У Особая атмосфера чаепития / У. Чжан // Цигун и жизнь.- 2004. - № 2. - С. 44-48.
212. Чжу, Лянь Руководство по современной чжэнь-цзютерапии. / Лянь. Чжу. - СПб.: Комета, 1992. - 318 с.
213. Чудодеев А. Китайский подарок / А. Чудодеев // Итоги. - 2001.- № 51-52. - С. 24-28.
214. Чуприкова, Т. В. Воспитательная система образовательного учреждения как поликультурное пространство / Т. В. Чуприкова //Актуальные проблемы этнопсихологии в контексте культурно-экономического сотрудничества со странами Азиатско-Тихоокеанского региона: сб. науч. статей международ-

- ной науч.-практ. конф. 23-25 мая 2008 г. в 2 т. / Под ред. Р. Д. Санжаевой. Хабаровск: Изд. ДВГУПС, 2008. - Т. 2. - С. 95-98.
215. Шарлаимова, Г. Т. «Межкультурная коммуникация в сфере бизнеса» для студентов - переводчиков / Г. Т. Шарлаимова // Науки о человеке, обществе и культуре: история, современность, перспективы: сб. науч. трудов / Под ред. И. И. Докучаева. - Комсомольск-на-Амуре: ГОУВПО «КНАГТУ», 2004. - С. 171-175.
216. Швальбойм Изделия из китайского фарфора в предметно-изобразительной среде (по материалам ПГОМ им. В. К. Арсеньева) / Швальбойм // Амурская область: история и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Благовещенск Амурской обл.: краеведческий музей им. Новикова - Даурского. 2009. - часть II. - С.57-62.
217. Ши, Юнь Сяо. Новая языковая ситуация в России и её влияние на преподавание русского языка китайским студентам вне языковой среды / Юнь Сяо Ши // Новое видение культуры в XXI веке. Материалы междунар. науч. конф. Владивосток: Изд. ДВГТУ, 2000. - С. 361 - 362.
218. Шибико, И. И. Картины современных китайских художников в стиле «Гохуа» в музее изобразительных искусств г. Комсомольска-на Амуре / И. И. Шибико // Арсеньевские чтения. Материалы научно-практической конференции, посвященной 115-летию ПГОМ им. В. К. Арсеньева (28-29 сентября 2005 г.). Владивосток: Изд. Дальневосточного ун-та, 2005. - С.150 - 153.
219. Шибико, И. И. Коллекция произведений искусства Китая, Кореи, Японии в собрании музея изобразительных искусств г. Комсомольска-на Амуре / И. И. Шибико // Пятые Гродековские чтения: Материалы межрегиональной науч.-практ. конф. «Амур – дорога тысячелетий» /под ред. С. В. Гончаровой. Хабаровск: Хабаровский краевой краеведческий музей им. Н. И. Гродекова, 2006. - Ч III. - С.77 - 81.
220. Шульженко, Л. С. Геополитическая миссия мирового науч. – образоват. пространства первой половины XXI века: постановка проблемы / Л, С. Шульженко, М. М. Этлис // Актуальные проблемы политической географии

- и геополитики: Материалы Всероссийской науч. конф. Биробиджан: ТИГИ-КАРПИ ДВО РАН, 2005. - С. 102-104.
221. Юдина, В. И. О динамике межкультурного взаимодействия в музыке / В. И. Юдина // Дальний Восток: проблемы межкультурной коммуникации. Материалы науч.- практ. конф. (г. Комсомольск-на-Амуре, 19-21 сентября 2006.) / Редколегия: И. И. Докучаев (отв. ред.) и др.- Комсомольск-на-Амуре: ГОУВПО «КНАГТУ», - 2006.- С. 160 - 162.
222. Юй, Сисянь Геомантия (фэньшуй) в традиционной культуре Китая / Пер. А. О. Милянюка / Сисянь. Юй // Вестник МГУ. Сер.13. Востоковедение, 1998. - №1. - С. 63-79.
223. Юнг, К. Густав Алхимия снов / К. Густав Юнг. Пер. с англ. Семиры. СПб.: изд. «Тимошка», 1997. -352 с.
224. Юркевич, А. Китайские боевые искусства и православное сознание (к постановке проблемы) / А. Юркевич // Китайский благовестник. -2000. - № 1. - С. 97-125.
225. Юст, М. Два города – две культуры (на примере г. Благовещенска и г. Хэйхэ) / М. Юст, Е. Б. Коробий // Новые идеи нового века: материалы седьмой междунар. науч. конф. ИАС ТОГУ / Тихоокеанский государственный университет. Хабаровск: Изд. ТОГУ, 2007. - С. 514-519.
226. Ян, Вэйдзянь. Культурное взаимодействие и поиски способов изложения материала / Вэйдзянь. Ян // Культурно - экономич. сотрудничество стран Северо-Восточной Азии: материалы международного симпозиума 18-19 мая 2005 г. в 3 т./ Под ред. Ю. М. Сердюкова, А. В. Туркульца. Хабаровск: Изд. ДВГУПС, 2005. - Т. 2. - С. 172-175.
227. Янков, А. Г. Русские - китайцы: стереотипы межкультурного взаимодействия /А. Г. Янков // Актуальные проблемы этнопсихологии в контексте культурно-экономич. сотрудничества со странами АТР: сб. науч. статей международной науч.- практ. конф. 23-25 мая 2008 г. в 2 т. Пол ред. Р. Д. Санжаевой. Хабаровск: Изд. ДВГУПС, 2008. - Т. 1. -С. 114 - 120.